UNIVERSITY OF CALIFORNIA

годъ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

5.

Пров. 50

25101

Стр.

5. Къ исторіи Пугачовщины. I—VI. П. Л. Юдина.

47. Записки Петербургскаго чиновника стараго времени. П. И. Голубева (окончаніе).

110. Изъ воспоминаній врача (1865—1875). И. А. Митропольскаго.

127. Письмо А. С. Хомякова къ В. В. Ганкѣ (1847).

129. Письмо князя А. Б. Куракина къ Императору Александру Павловичу. 1801. (Жалоба на графа Н. П. Панина).

132. Изъ писемъ партизана А. Н. Сеславина. (1817—1850).

143. Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго.

144. Письмо архіепископа Херсонскаго Иннокентія къ А. П. Озерову (1854).

145. Изъ письма В. В. Скрипицына къ графу Д. Н. Толстому.

147. Ярославская старина. VI. Солдатикъ. VII. Отреченіе отъ масонства. Л. Н. Трефолева.

156. Стихотвореніе П. Шумахера.

158. По поводу отзывовъ объ А. С. Хомяковѣ С. М. Соловьева и г. Боборыкина. Ю. Б.

159. Историческія статьи въ повременныхъ изданіяхъ неисторическихъ.

Приложена книга „Архива Князя Воронцова“.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1896 годъ.

Соколовъ М. Святый Стефанъ, епископъ Пермскій († 1396 года Апрѣля 26). „Церковныя Вѣдомости № 16.

Вотчина Ростовскаго архіерейскаго дома въ годы 1629—1631: села Вексицы, Филимоново, гора Благовѣщенская. „Ярославскія Епарх. Вѣд.“ № 11.

Матеріалы для исторіи Владимирской епархіи. Выпускъ 4-й. Юрьевская десятина жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ оброчныхъ земель. „Владимирскія Епарх. Вѣд. № 6.

И. А. К. Воскресенскій Новодѣвичій монастырь въ С.-Петербургѣ. „Церковныя Вѣдомости“ №№ 12—13.

Звѣревъ Ст. Надгробное слово префекта Евфимія Болховитинова 1790 г. „Богословскій Вѣстникъ“, Апрѣль.

Поповъ К. М. Чинъ священнаго коронованія. (Историческій очеркъ образованія Чина). „Богословскій Вѣстникъ“, Апрѣль.

Д—скій А. Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. (Къ 500-лѣтію его кончины, † 26 Апрѣля 1396 г.). „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

Скворцовъ Н. Московская Церковная Старина. Уничтоженныя церкви въ мѣстности Пречистенскаго сорока. Церковь Саввы Стратилата на Знаменкѣ. „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

Села Ростовскаго и другихъ уѣздовъ по писцовой книгѣ стольника Степана Жадовскаго да подъячаго Мартына Антонова 1676—1679 годовъ. Село Павловское и его угодья въ 1629—1631 гг. Наводненіе въ г. Угличѣ въ 1719 году. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 16.

Извѣковъ Н. Труды профессора Московской Духовной Академіи Александра Ѳеодоровича Лаврова-Платонова, какъ члена Комитета по вопросу о реформѣ духовнаго суда. „Московскія Церк. Вѣд.“ № 16.

БИБЛІОТЕКА * МЕЖДУНАР. ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1896.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги, общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

То старина,
То и дѣяніе.

1896.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

I.

Вступленіе.—Причины мятежей.—Масленскій бунтъ.—Самозванецъ Каменщиковъ („Алтынный Глазъ").

Пугачовщина далеко еще не вполнѣ выяснена и описана. Большинство изслѣдованій касалось мятежа преимущественно въ Поволжскихъ губерніяхъ и южной части Урала, между тѣмъ какъ о дѣйствіяхъ Пугачова и его сообщниковъ въ сѣверной части Пріуралья, особенно въ провинціяхъ Уфимской и Исетской, свѣдѣній очень мало [1]).

Пользуясь данными Тургайскаго областнаго и нѣкоторыхъ Оренбургскихъ архивовъ, а также записками современника, поручика Андрея Егоровича Поспѣлова, печатавшихся въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1869 г., и статьею Зырянова „Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ" („Пермскій Сборникъ" 1859, I), осмѣливаемся начертить картину мятежа въ сѣверныхъ частяхъ Оренбургскаго края и указать происшедшія послѣ того событія, которыя имѣли тѣсную связь съ общимъ охватившимъ этотъ край волненіемъ.

Извѣстно, что край Оренбургскій, населенный разнородными племенами Башкировъ, Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ и другихъ инородцевъ, издавна былъ мѣстомъ постоянныхъ мятежей, волненій и посягательствъ на цѣлость Русской имперіи, какъ со стороны Башкировъ, такъ и со стороны Киргизовъ, хотя считавшихся подвластными намъ, но въ сущности не признававшихъ никакой власти, даже власти своихъ хановъ [2]). Переселенные сюда изъ центральныхъ областей Россіи Русскіе и другіе инородцы (Чуваши, Мордва и Черемисы), разбросавшіеся въ дебряхъ Башкиріи небольшими по-

---

[1]) Исключеніе представляетъ монументальный трудъ Н. Ѳ. Дубровина „Пугачовъ и его сообщники" Спб. 1884 г. 3 тома; однако и этому почтенному изслѣдователю остались неизвѣстными нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ настоящей статьѣ. Ред.

[2]) Г. Мордовцевъ въ 1-мъ томѣ своихъ „Самозванцевъ" (стр. 287) пишетъ относительно Киргизовъ, что „Большая орда управлялась въ то время (т. е. Пугачовскаго бунта) ханомъ *Эрали* (!), Средняя—Аблаемъ и меньшая—Нурали-ханомъ. Состоя подъ покровительствомъ (!) Русскаго правительства, они были самыми безпокойными сосѣдями и, какъ подвластные Русскому престолу Киргизъ-Кайсаки, давали намъ, въ случаѣ необходимости, *помощь войскомъ*". Можемъ увѣрить автора, что Большая орда въ то время была подчинена Зюнгорскому владѣльцу, а Эрали, братъ Нурали-хана, никоимъ образомъ не могъ управлять ею и никогда не управлялъ. Киргизы также никогда не давали и до сихъ поръ не даютъ намъ „помощи войскомъ".

селками, сами подчинялись вліянію тѣхъ же туземцевъ, а мѣстныя власти не обращали никакого вниманія на нравственное состояніе мѣстнаго населенія.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ злоупотребленія властей, такъ какъ объ этомъ уже писалось не разъ. Воеводы и различные подъячіе обирали елико возможно не только Башкировъ и другихъ туземцевъ, но и Русскихъ*), и обращались съ ними просто по варварски, какъ будто это были не люди. Но всего больше терпѣли крестьяне горныхъ заводовъ Урала отъ своихъ прикащиковъ, конторщиковъ, управляющихъ и т. п., власть и самоуправство коихъ не знали себѣ границъ. За долго еще до Пугачовскаго бунта и много спустя послѣ него здѣсь творились такія безобразія, такія душу раздирающія сцены безчеловѣчнаго обращенія, что, въ силу необходимости, изнывшіе подъ тяжестью непосильныхъ работъ крестьяне возставали противъ своихъ притѣснителей, такъ какъ суда и управы на нихъ трудно было найти въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, а до Петербурга въ то время, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, добраться было не легко, чтобы „повѣдать Царю-батюшкѣ про свое лютое горе“. А если и находились такіе смѣльчаки, что пускались въ далекій путь, то ихъ, по распоряженію тѣхъ же властей, перехватывали по дорогѣ и, какъ колодниковъ, подъ строгимъ карауломъ, отправляли назадъ, гдѣ имъ готовы были плеть и розги.

Такимъ образомъ, въ отдаленномъ отъ центра просвѣщенія и государственнаго строя Оренбургскомъ краѣ царили полный произволъ, попраніе всякихъ человѣческихъ правъ и утѣсненіе темнаго люда всяческими поборами. Въ концѣ концовъ народъ не выдержалъ тягости такого гнета, и вся эта масса крестьянъ, инородцевъ и казаковъ ополчилась противъ своихъ притѣснителей, чтобы сбросить съ себя ярмо ненавистнаго ига, благо для подстрекательства ихъ находились „благодѣтели и защитники“, готовые стать во главѣ мятежнаго движенія.

Значительныя волненія Башкировъ и другихъ инородцевъ, не говоря уже о набѣгахъ Киргизовъ, не прекращались до 1755 года, начиная съ 1584 г. и, даже ранѣе, съ 1574 года, когда въ Башкиріи начала строиться Уфа; первый же бунтъ крестьянъ, какъ указываютъ источники, открылся только въ 1760 году въ Масленскомъ острогѣ бывшей Исетской провинціи (нынѣ Челябинскаго уѣзда). Крестьяне здѣсь взбунтовались, потому что ихъ передали въ этомъ году „въ крѣпость“ извѣстному богачу и владѣльцу Уральскихъ желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ Никитѣ Демидову съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто задѣльной платы, онъ вносилъ за нихъ въ казну подати и повинности; они были недовольны такой выгодной для правительства сдѣлкой, лишавшей ихъ свободы, и хотѣли вооруженной силой добиться прежнихъ правъ. Но волненіе это скоро было подавлено, и бунтовщики, казалось, подчинились требованію правительства, хотя не надолго.

Въ слѣдующемъ 1761 году, въ той же Исетской провинціи, появился первый въ краѣ *Русскій* возмутитель казакъ Чебаркульской крѣпости Ѳедоръ

*) До чего сильно было взяточничество, видно изъ письма А. Ватазиной къ Елисаветѣ. „Русскій Архивъ“ 1867 г. Ред.

Каменщиковъ (онъ же Слудниковъ), прозванный почему-то „Алтыннымъ Глазомъ", который впослѣдствіи снова вооружилъ противъ правительства крестьянъ Масленскаго острога и Броневской слободы [1]).

Первымъ его дѣйствіемъ, показавшимъ склонность его къ убійству и мятежамъ, была подача челобитной на притѣсненіе казаковъ со стороны ихъ старшинъ. Хотя иныя его жалобы оказались справедливыми, но по слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ, такъ какъ не могъ доказать, что есаулъ Фальковъ грозилъ ему „поркой", а атаманъ Симоновъ удерживалъ, при раздачѣ казакамъ фуражныхъ денегъ, отъ каждаго рубля по 5 коп.; что онъ же Симоновъ принуждалъ казаковъ безплатно возить подрядный провіантъ и безвинно билъ и сажалъ подъ караулъ тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это, и дѣлалъ незаконный поборъ съ казаковъ „для исходатайствованія у подполковника Могутова [2]) жалованія за бытность ихъ на линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время". Ложью было признано и заявленіе Каменщикова въ челобитной, что всѣ мірскіе люди послали его жаловаться на старшинъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ заключенію его въ 1761 году подъ стражу въ казармахъ Троицкой крѣпости. Въ Апрѣлѣ 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, онъ замѣтилъ, что ножныя кандалы на немъ были очень плохи, сшибъ ихъ съ ногъ камнемъ и бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ по крайней мѣрѣ потомъ на допросѣ онъ говорилъ самъ. Но по всей вѣроятности побѣгъ этотъ былъ задуманъ имъ ранѣе; еще сидя въ казармахъ, онъ подговаривалъ караульныхъ на свою сторону и писалъ государственнымъ крестьянамъ Буткинской слободы (Исетской же провинціи), что по освобожденіи его изъ острога онъ будетъ хлопотать по дѣлу ихъ о спорной землѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 рублей и взялись собрать еще 200.

На первый разъ Каменщикову достаточно было этихъ средствъ, чтобы освободиться изъ подъ стражи. Онъ сообщилъ о своемъ планѣ подъячему Кузьмѣ Мерзлякову и просилъ его пріѣхать въ Троицкую крѣпость къ нему „для письмоводства по Буткинскимъ дѣламъ". Въ Мартѣ 1765 года Мерзляковъ дѣйствительно прибылъ въ Троицкъ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ и остановился на квартирѣ у драгуна Оренбургскаго полка Петра Долгихъ, который также „издавна былъ знакомъ" съ Каменщиковымъ. Пріѣхавшіе объяснили драгуну свое дѣло, тотъ тотчасъ же отправился въ острогъ и привелъ къ себѣ Каменщикова [3]).

При этомъ свиданіи съ Мерзляковымъ Каменщиковъ показывалъ ему печатный указъ императора Петра Ѳедоровича, данный будто бы на его имя,

---

[1]) Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Каменщикова и о волненіи крестьянъ заимствованы изъ дѣла № 61, на 112 листахъ, Тургайскаго областнаго архива.

[2]) Наказный атаманъ Оренбургскаго войска.

[3]) По какому праву Долгихъ приводилъ Каменщикова изъ тюрьмы, того изъ дѣла не видно.

но не объяснилъ ему ни содержанія, ни времени выхода указа этого [1]). И послѣ этого, при разныхъ другихъ случаяхъ, онъ неоднократно говорилъ ему что Петръ III живъ и слышалъ-де, что онъ часто съ бывшимъ губернаторомъ Волковымъ [2]) наѣзжалъ по ночамъ въ Троицкую крѣпость для развѣдыванія о народныхъ обидахъ и останавливался у того же драгуна Долгихъ. Послѣдняго Каменщиковъ еще раньше привлекъ на свою сторону, увѣривъ его, что Волковъ лично обѣщалъ ему Каменщикову не оставить его и поручился въ этомъ именемъ императора Петра III [3]).

Такимъ путемъ Каменщиковъ успѣлъ подговорить къ себѣ въ сообщники и Мерзлякова, котораго потомъ употреблялъ вмѣсто писаря, и съ помощію этихъ двухъ друзей бѣжалъ изъ Троицкой тюрьмы. Зная, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, недавно приписанные къ заводамъ дворянина Демидова, были недовольны своимъ положеніемъ, и вѣроятно, „разсчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ“, онъ направился прямо къ нимъ и объявилъ себя тамъ сенатскимъ курьеромъ Михаиломъ Рѣзцовымъ, посланнымъ по именному высочайшему указу для разслѣдованія обидъ и притѣсненій, дѣлаемыхъ крестьянамъ прикащиками Демидова.

Народъ повѣрилъ этому, и среди крестьянъ началось сильное волненіе. Недовольные со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, прося помощи и защиты. Каменщиковъ принималъ ото всѣхъ на свое имя прошенія и всѣмъ обѣщалъ милости. Потомъ онъ съ своими сообщниками сталъ разъѣзжать по селамъ и деревнямъ и всюду сѣялъ „мятежныя внушенія“. Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обнадеживалъ обѣщаніями ходатайствовать за нихъ не только въ Сенатѣ, но даже предъ самой Государыней. Неповиновавшихся же ему и обличенныхъ по доносамъ крестьянъ въ какихъ либо притѣсненіяхъ онъ сажалъ подъ караулъ и приказывалъ бить плетьми, а дома и имущество ихъ или запечатывалъ или забиралъ себѣ.

Чтобы не попасть въ руки правительства, „Алтынный Глазъ“ постоянно имѣлъ при своей квартирѣ стражу и окружалъ себя довѣренными людьми. Когда въ Маѣ 1765 года для поимки его въ Масленскій острогъ пріѣ-

---

[1]) Впослѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа, однимъ изъ коихъ (25 Декабря 1761 г.) извѣщалось о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны и повелѣвалось присягать Петру III.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Волковъ, при вступленіи на престолъ Петра III, былъ назначенъ тайнымъ секретаремъ особаго совѣта, всѣ члены коего „думали головой Волкова“. Его перу принадлежатъ грамота дворянству 1762 г., затѣмъ проектъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и обширная *„записка“* объ Оренбургской губерніи, которою онъ управлялъ съ 1762 по 1766 годъ. Эта записка напечатана въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1859 г. №№ 50, 52 и 1860 г. № 1.

[3]) На допросѣ въ Оренбургской губернской канцеляріи онъ въ этомъ не сознался (см. ниже). Между тѣмъ почти одновременно, среди крестьянъ другихъ деревень Исетской провинціи носились слухи, что Петръ III не умеръ, а живъ и скрывается у Яицкихъ казаковъ. Въ 1763 году въ селѣ Чесноковкѣ (въ 18 верстахъ отъ г. Уфы) попъ и дьячекъ по фамиліи Ѳедоровы служили даже благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ смерти императора Петра III (см. Памят. книж. Уфимской губерніи 1873 г. ч. II, стр. 102).

халъ коммисаръ Калининъ и явился въ домъ, гдѣ онъ жилъ, то „стоявшій на часахъ крестьянинъ Иванъ Шимолинъ“ предупредилъ его о грозящей опасности, и Каменщиковъ успѣлъ бѣжать.

Разъѣзжая по деревнямъ, Каменщиковъ дѣлалъ съ крестьянъ поборы деньгами по 9 коп. съ души, изъ коихъ 6 коп. для себя, а 3 коп. для постоянно находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки, его вѣрнаго тѣлохранителя. Встревоженное угрожающей опасностью, мѣстное начальство не разъ посылало для поимки его людей, но Каменщиковъ приказывалъ схватывать ихъ, заключалъ подъ стражу и билъ плетьми. Мало этого, какъ облеченное большими полномочіями лицо, онъ нисколько не страшился предъявлять различныя требованія и къ властямъ, посылая свои грозные ордеры, которые ему сочинялъ и переписывалъ Мерзляковъ, и въ Шадринскую управительскую канцелярію, и къ комисару Окуневскаго дистрикта *).

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, и число приверженцевъ день ото дня увеличивалось. Тщетны были всѣ усилія мѣстнаго начальства захватить преступника. Видимо онъ былъ очень опасенъ для правительства, ибо указомъ Сената отъ 1 Іюля 1765 года было объявлено 50 рублей награды за его поимку, и прощеніе вины, если бы поймавшій его оказался даже главнымъ его сообщникомъ.

Прослышавъ объ этомъ и, вѣроятно, предвидя себѣ худой конецъ, Каменщиковъ рѣшилъ скрыться отъ преслѣдованія, но самымъ дерзкимъ и страннымъ способомъ. Онъ объявилъ крестьянамъ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать за нихъ, и требовалъ выборныхъ, чтобы съ ними вмѣстѣ подать челобитную. Мужички охотно исполнили его приказаніе. Чтобы еще больше убѣдиться въ ихъ полномъ ему повиновеніи и согласіи подать жалобу на обидчиковъ, 500 Масленскихъ и Броневскихъ крестьянъ по его требованію были приведены священникомъ села Охлупіевскаго къ присягѣ. Отъ Масленскаго острога и Броневской слободы для принесенія жалобы на заводскихъ прикащиковъ явились выборными Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ Буткинскихъ крестьянъ, по дѣлу о спорной землѣ съ Татарами, Семенъ и Никита Телминовы.

Съ этими представителями „міра“ и съ женой своей Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути, въ дер. Починокъ (Казанск. у.), въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ изъ церкви и захватилъ съ собой дворового человѣка отставного морского капитана Аристова—Ѳедора Андреева, обѣщая представить его Государынѣ за то, что онъ донесъ ему, будто тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, хотѣли убить его.

По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ выдавалъ себя то курьеромъ, то вахмистромъ Бахметевымъ, то „полковникомъ, а по выслугѣ лѣтъ генераломъ“ и свободно бралъ себѣ подводы и проводниковъ. Доѣхавъ никѣмъ не задержанный до столицы, онъ остановился на квартирѣ у монастырскаго

*) Въ то время Шадринскъ и Оса входили въ составъ Оренбургской губерніи.

писаря Ивана Сажина, который и сочинилъ ему челобитную въ 48-ми пунктахъ. Отъ Сажина Каменщиковъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугѣ Алексѣю Васильеву; но тутъ счастье измѣнило ему: одинъ изъ его сообщниковъ, Никита Телминовъ, прельстясь обѣщанной за него наградой, явился въ главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщикова тотчасъ же схватили вмѣстѣ съ сообщниками, затѣмъ допрашивали въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи а потомъ въ Сенатѣ. Но какъ изъ допросовъ „о прямомъ его Каменщикова злоумышленномъ намѣреніи не открылось“, то Сенатъ отправилъ его съ товарищами въ Оренбургъ, предписавъ губернской канцеляріи дослѣдовать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и обо всемъ донести въ Сенатъ.

Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. Но и здѣсь по слѣдствію также ничего злонамѣреннаго не открылось. На спросѣ его, откуда онъ знаетъ, что императоръ Петръ III живъ и „проговаривалъ о томъ Петру Долгихъ и Кузьмѣ Мерзлякову“, Каменщиковъ отвѣчалъ, что зналъ „по увѣренію Чебаркульской крѣпости казака Копона Бѣлякина, который-де говорилъ, будто императоръ Петръ ѣздилъ съ губернаторомъ Волковымъ *въ образѣ шута*, и хотя-де онъ Каменщиковъ тому было повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оной казакъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетьми, то уже и вѣрить не сталъ“.

Губернская канцелярія, разобравъ проступки виновныхъ, 18 Октября 1766 года присудила: Каменщикова и Мерзлякова, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи ноздрей, въ ссылку на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; Семена Телминова, Ѳедора Андреева, Ивана Шимолина и Сергѣя Телминова (у котораго Каменщиковъ „стаивалъ“ на квартирѣ) къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева—наказанію плетьми.

Такимъ образомъ кончилась попытка перваго самозванца для возбужденія народа противъ властей. Но въ сердцахъ крестьянъ и казаковъ не могла потухнуть брошенная имъ искра: „живъ Царь - батюшка, защитникъ нашъ“, и какъ только вѣсть о появленіи Пугачова на Яикѣ достигла сѣверныхъ предѣловъ Оренбургской губерніи, народъ снова пришелъ въ движеніе.

*

Излагаемыя въ слѣдующихъ трехъ главахъ событія и особенно числа не совсѣмъ согласуются съ тѣмъ, что мы читаемъ у Дубровина. Правильность своихъ утвержденій предоставляемъ защищать самому автору. Ред.

II.

Слухи о Пугачовѣ.—Сборъ войскъ къ Оренбургу.—Дѣйствія Пугачова подъ этимъ городомъ.—Бригадиръ Корфъ.—Участь Чернышова.—Мѣры къ убійству Самозванца.—Хлопуша и его дѣйствія.

Задавшись цѣлію писать о Пугачовѣ только то, что невѣрно передано прежними изслѣдователями или то, что еще мало извѣстно, мы не будемъ касаться здѣсь и повторять еще разъ всю родословную этого самозванца, его появленіе на Яикѣ и его первые успѣхи до прибытія къ Оренбургу. Извѣстно уже, что мятежныя дѣйствія его отъ Яицкаго городка до „столицы

степей“ шли такъ скоро и скрытно, что въ Оренбургѣ тогда только узнали о случившемся, когда толпы мятежниковъ стали появляться близъ Бердской слободы. Тутъ только Оренбургское начальство увидѣло необходимость въ рѣшительныхъ мѣрахъ и дало знать о появленіи Пугачова всѣмъ подвѣдомственнымъ крѣпостямъ съ приказаніемъ о немедленной высылкѣ отрядовъ для защиты города [1]).

По этому приказанію отъ Звѣриноголовскаго пѣхотнаго батальона былъ командированъ въ Оренбургъ секундъ-маіоръ Шкабскій, съ двумя ротами, изъ коихъ одною, за неимѣніемъ капитана, командовалъ поручикъ Поспѣловъ, авторъ записокъ, на которыхъ мы здѣсь основываемся. Отрядъ выступилъ изъ крѣпости того же названія 14 Октября 1773 года и продолжалъ путь форсированнымъ маршемъ, нигдѣ почти не останавливаясь за исключеніемъ двухсуточной стоянки въ крѣпости Верхне-Яицкой [2]), для пріема денежной казны 3 тыс. рублей на жалованіе и порціонные и гдѣ къ отряду были еще прикомандированы, при одномъ казачьемъ сотникѣ, сто человѣкъ Исетскихъ казаковъ и двѣсти человѣкъ Башкировъ.

Соединенному отряду этому однако не пришлось дойти до Оренбурга. На пути получено было приказаніе: казакамъ Исетскимъ остаться въ крѣпости Орской, а пѣхотѣ и Башкирамъ идти въ Верхне-Озерную для подкрѣпленія ея гарнизона, который состоялъ всего лишь изъ 80-ти солдатъ, „старыхъ и дряхлыхъ инвалидовъ и конфедератовъ“, 100 Калмыковъ, 30-ти Бердскихъ казаковъ и 45-ти человѣкъ жителей, „престарѣлыхъ отставныхъ казаковъ и солдатъ, на которыхъ никоимъ образомъ нельзя было надѣяться, въ случаѣ нападенія на крѣпость непріятеля“. Но и посланный отрядъ не пришелъ туда полностію. По дорогѣ Башкиры разбѣжались, и въ Озерную 29 Октября вступили только двѣ роты пѣхоты. Однако комендантъ крѣпости полковникъ Демаринъ былъ радъ и такому подкрѣпленію „здоровыхъ“ силъ и въ тотъ же день распредѣлилъ всю прибывшую команду по фасамъ, поручивъ начальствованіе надъ каждымъ особому офицеру.

Тѣмъ временемъ Самозванецъ, значительно усилившись толпами Башкировъ и разной заводской черни, обольщенной его обѣщаніями освободить отъ крѣпостныхъ работъ, собралъ около себя тысячъ 50 войска и двинулся на Заводы [3]), гдѣ, отливъ пушки и тѣмъ увеличивъ свою очень плохую артиллерію, снова подступилъ блокировать Оренбургъ, непрестанно безпокоя его гарнизонъ своими дерзкими приступами и нанося существенный уронъ городу [4]).

Бригадиръ Корфъ, слѣдовавшій на помощь Оренбургу съ вспомогательными командами изъ Троицка, Озерной и другихъ мѣстъ, былъ атако-

---

[1]) Записки поручика Поспѣлова („Оренбургскія Губернскія Вѣдомости“ 1869 г. № 26).

[2]) Нынѣ уѣздный городъ Верхнеуральскъ.

[3]) Теперь г. Орскъ.

[4]) Записки Поспѣлова. У Пушкина же (Ист. Пуг. Бун. III, 29—30) показано, что Заводы взяты Хлопушею, который выслалъ оттуда Пугачову и артиллерію. Но, какъ увидимъ ниже, Хлопуша выпущенъ изъ острога позже присоединенія къ Пугачову Заводовъ.

ванъ Пугачовымъ почти подъ самыми стѣнами города и едва спасся, благодаря только во-время высланному изъ Оренбурга отряду, и мятежникамъ достались нѣсколько повозокъ, шедшихъ въ хвостѣ отряда Корфа.

На другой день, 14 Ноября 1773 года, между Оренбургомъ и Чернорѣченской крѣпостью, Самозванецъ сдѣлалъ такое же неожиданное нападеніе на вспомогательный корпусъ изъ Симбирскаго и Ставропольскаго батальоновъ полковника Чернышова, который, совсѣмъ не ожидая непріятельскаго нападенія, шелъ безъ всякихъ походно-боевыхъ предосторожностей. Между тѣмъ Пугачовъ былъ заранѣе извѣщенъ о движеніи этого отряда и заблаговременно съ своей толпой засѣлъ въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ около р. Сакмары по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой лежалъ путь Чернышовскаго отряда, и когда этотъ безпечный военачальникъ вошелъ въ середину засады, мятежники всѣми силами разомъ ударили на него [1]). Хотя Чернышовъ стойко принялъ ударъ врага и бился отчаянно, „съ непоколебимымъ мужествомъ“; но численность непріятельскихъ войскъ превосходила втрое болѣе его отрядъ, и въ концѣ концовъ, лишившись артиллеріи, на первыхъ же порахъ схватки отбитой бунтовщиками, онъ принужденъ былъ сдаться [2]). Посланныя изъ Оренбурга на выручку его войска не успѣли придти во время и могли только убѣдиться въ оплошности и гибели Чернышова.

Пугачовъ, захвативъ весь отрядъ несчастнаго полковника (500 челов. пѣхоты при 12-ти офицерахъ [3]), мѣдныя пушки съ артиллерійскими запасами, денежныя суммы и весь обозъ, съ торжествомъ возвратился въ Берду, гдѣ на другой день была расправа съ несчастными плѣнниками. Самозванецъ предлагалъ Чернышову вступить въ ряды его войскъ, но мужественный полковникъ съ гордостью отвергъ это позорное предложеніе, публично назвавъ Пугачова измѣнникомъ и воромъ, и вмѣстѣ съ другими своими офицерами былъ тотчасъ же повѣшенъ.

Ужасъ объялъ всѣхъ жителей и военачальниковъ въ Оренбургѣ, когда было получено извѣстіе объ участи Чернышова. Слабый и трусливый до нельзя Рейнсдорпъ [4]) совсѣмъ потерялъ голову и не зналъ, на что рѣшиться.

---

[1]) Записки Поспѣлова. Пушкинъ же (III, 40) приписываетъ гибель Чернышова измѣнѣ нарочно подосланнаго къ нему Пугачовымъ сотника Падурова. Между тѣмъ и по настоящее время Чернорѣченская дорога проходитъ между кустарниками, въ лѣсу (хотя теперь уже рѣдкомъ), и слѣд. показанію Поспѣлова можно дать болѣе вѣроятія. Кромѣ того Пушкинъ утверждаетъ, что Чернышовъ имѣлъ дѣло съ Пугачовымъ ранѣе Корфа. (Тоже утверждаетъ и г. Дубровинъ). Но г. Мордовцевъ („Отеч. Записки“ 1868 Августъ) въ данномъ случаѣ сходится съ записками Поспѣлова.

[2]) Въ своихъ показаніяхъ Пугачовъ не говоритъ о сильномъ сопротивленіи, но сообщаетъ о томъ, что Чернышовъ хотѣлъ убѣжать переодѣвшись въ мужицкое платье и сѣвъ на козлы саней. Ред.

[3]) У Пушкина (III, 41) въ отрядѣ Чернышова на 1500 солдатъ и казаковъ и 500 Калмыкъ при 12 пушкахъ, показано *36 офицеровъ*, число коихъ, соображаясь съ численностью войскъ, кажется преувеличеннымъ. По запискамъ же Рычкова (стр. 337) было: „солдатъ гарнизонныхъ—600, Ставропольскихъ Калмыковъ — 500, да крѣпостныхъ казаковъ 100; и того—1200 человѣкъ“.

[4]) Генералъ-поручикъ Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ былъ Оренбургскимъ губернаторомъ съ 1769 по 1781 годъ.

Понимая всю опасность отъ непріятеля и видя, что предпринимаемыя войсками неудачныя вылазки оканчивались каждый разъ жертвами врагу, уменьшая и безъ того незначительный гарнизонъ Оренбургской крѣпости. Онъ въ концѣ концовъ надумалъ побѣдить Самозванца хитростью, которая заключалась ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы тайнымъ образомъ убить Пугачова. Но какъ сдѣлать это? Заманить Самозванца въ Оренбургъ было нельзя, онъ даже во время схватокъ не подъѣзжалъ близко къ городу; слѣдовательно оставался лишь одинъ исходъ: подослать кого-нибудь къ нему, чтобы совершить задуманное дѣло. Какъ утопающій за соломинку, ухватился Рейнсдорпъ за эту мысль и употребилъ „всѣ способы къ отысканію такого усерднаго къ отечеству человѣка, который бы пожертвовалъ своею жизнью къ освобожденію города отъ напраснаго разоренія и жителей отъ напрасной смерти“, такъ какъ можно было предвидѣть впередъ, что смѣльчаку такому казаки не простятъ убійства ихъ предводителя. „По многомъ стараніи“, наконецъ, такой „усердный къ отечеству человѣкъ“ отыскался, и гдѣ же? Среди „заключенныхъ въ острогѣ ссыльныхъ колодниковъ, содержавшихся за разбои и душегубства“. То былъ извѣстный всему Заволжью каторжникъ Хлопуша, судившійся не разъ за свои преступленія. Но это нисколько не помѣшало Рейнсдорпу воспользоваться его услугами, такъ что злѣйшій преступникъ и душегубецъ, благодаря безхарактерности, слабоумію и трусости главнаго начальника края, вызвался быть *спасителемъ своего отечества*.

Когда Хлопушѣ было сдѣлано это предложеніе, онъ не только охотно, но даже „съ великою клятвою“ принялъ его, „обѣщаясь, по разрѣшеніи его отъ узъ и по выпускѣ изъ города, явясь къ сему злодѣю, при удобномъ къ тому случаѣ умертвить его соннаго и тѣмъ возстановить тишину въ государствѣ“ *).

— Смерть-де моя, умильно говорилъ каторжникъ, уменьшитъ злодѣйства, за которыя безпрестанно угрызаетъ меня совѣсть, за что, можетъ, получу отъ Создателя моего прощеніе грѣхамъ моимъ.

Плохо понимавшій по-русски, Нѣмецъ-губернаторъ вполнѣ повѣрилъ искренности льстивыхъ словъ разбойника и выпустилъ его на свободу въ полной надеждѣ, что онъ неминуемо исполнитъ свое клятвенное обѣщаніе. „Но посуда, въ которой былъ деготь, напитавшись его духа, не можетъ ничѣмъ отъ него освободиться кромѣ огня“. Такъ и этотъ извергъ, „будучи исполненъ всякаго распутства и кровожадности“, не могъ уже сдѣлаться

*) Пушкинъ (III, 29) объясняетъ, что Хлопуша выпущенъ Рейнсдорпомъ для распространенія въ Пугачовской шайкѣ увѣщательныхъ манифестовъ. Но врядъ ли подобное можетъ быть основательно. Для такихъ сравнительно ничтожныхъ и все же не настолько опасныхъ для жизни посланнаго порученій не было никакой надобности выпускать каторжника, который 20 лѣтъ разбойничалъ въ этихъ краяхъ, три раза ссылался въ Сибирь и три раза бѣжалъ оттуда. Скорѣе можно согласиться съ показаніемъ Поспѣлова („Оренб. Губ. В.“ 1869, № 26), что Рейнсдорпъ, отправляя къ Пугачову Хлопушу, хотѣлъ разомъ отдѣлаться отъ обоихъ: Хлопуша убилъ бы Самозванца, а казаки убили бы его.

честнымъ человѣкомъ и совершить что-либо полезное, когда не былъ рожденъ для того. И какъ только его освободили отъ оковъ, онъ тотчасъ же забылъ свои клятвы и, явившись къ Пугачову, представился ему вѣрнымъ слугой.

— Я невольникъ, сказалъ онъ Самозванцу, нарочно выпущенъ изъ острога для вашего убійства. Но сіе гнусное предпріятіе исполнить не въ состояніи и не имѣю намѣренія, а предаю себя въ ваше милостивое распоряженіе, съ непремѣннымъ обѣщаніемъ хранить ваше здравіе и служить вамъ со всякою вѣрностію до послѣдней капли крови, не жалѣя живота моего.

Предводитель мятежниковъ былъ крайне удивленъ такимъ неожиданнымъ предупрежденіемъ и особенно чистосердечнымъ признаніемъ Хлопуши. Онъ горячо благодарилъ каторжника, обласкалъ его, щедро наградилъ деньгами и тутъ же произвелъ его прямо въ полковники, ввѣривъ ему командованіе надъ четырехтысячной толпой своей разношерстной рати, съ которой потомъ послалъ его взять крѣпости Пречистенскую, Воздвиженскую и Верхне-озерную.

III.

Хлопуша подъ Верхне-озерной.—Укрѣпленіе и гарнизонъ ея.—Дѣйствія мятежниковъ.—Слухи о пораженіе Кара. — Отсутствіе Хлопуши. — Пугачовъ самъ идетъ на Верхне-озерную.—Взятіе Ильинской.—Гибель Исетскихъ казаковъ.—Бомбандировка Озерной.—Воззваніе Пугачова и отвѣтъ гарнизона его казакамъ.—Послѣдняя попытка Самозванца завладѣть Верхне-озерной.

Первыя дѣйствія новаго мятежнаго предводителя были изъ удачныхъ. Хлопуша скоро, безъ всякаго почти сопротивленія, завладѣлъ Пречистенской и Воздвиженской и, усиливъ свой отрядъ гарнизонами этихъ крѣпостей, двинулся на Верхне-озерную, которая въ то время представляла видъ четырехугольника съ 8-ю фасами. Укрѣпленіе ея состояло изъ небольшаго землянаго вала и рва, съ шестью бастіонами и двумя воротами. Расположена была она на мѣстности ровной, окруженной съ одной стороны озеромъ, а съ двухъ другихъ большими и крутыми оврагами.

Комендантъ крѣпости, полковникъ Демаринъ, былъ человѣкъ опытный, боевой. Мало надѣясь на вѣрность, стойкость и храбрость крѣпостныхъ защитниковъ, особенно же Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, онъ размѣщалъ послѣднихъ по фасамъ такъ, чтобъ они были всегда между солдатами прибывшихъ ротъ Звѣриноголовскаго батальона. Такъ, напримѣръ, у поручика Поспѣлова на бастіонѣ по серединѣ куртины, примыкавшей къ большому оврагу съ Оренбургской стороны, стояло 25 солдатъ и 45 человѣкъ Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, и какъ только, во время сраженія, кто-либо изъ нихъ проявлялъ попытку къ измѣнѣ, солдаты кололи и били его „безъ всякаго помилованія“. Распоряженіе это ни для кого не было тайной и впослѣдствіи имѣло хорошія послѣдствія. Инородцы боялись своихъ больше, нежели непріятеля, и потомъ, во время двухъ мятежныхъ нападокъ, хотя и дрались съ бунтовщиками не особенно стойко и охотно, но уже не выходили изъ повиновенія своимъ начальникамъ.

Постоянная опасность, угрожавшая Верхне-озерной отъ Пугачовскихъ полчищъ, была такъ велика, что гарнизонъ, не исключая и фасныхъ командировъ, всю осень и зиму 1773 года провелъ въ землянкахъ, нарочито вырытыхъ въ крѣпостномъ валу, такъ что крѣпость постоянно находилась въ полной готовности къ встрѣчѣ врага.

Хлопуша зналъ объ этомъ и, чтобъ обмануть бдительность гарнизона, подступилъ къ Верхне-озерной „въ ночь на 18-е Ноября“ *) и, подъ прикрытіемъ темноты, успѣлъ разставить артиллерію, чтобы потомъ, разомъ открывъ огонь со всѣхъ сторонъ, сбить противника и, не давъ ему времени опомниться, тотчасъ же начать приступъ, для чего въ имѣвшихся по обѣимъ сторонамъ крѣпости оврагахъ залегли на штурмъ остальные мятежники.

Планъ былъ составленъ умѣло. Приготовленія бунтовщиковъ велись такъ тихо, что въ крѣпости ничего не было слышно. И очень легко бы нечаянное нападеніе это увѣнчалось успѣхомъ, если бы одинъ изъ мятежниковъ, въ разстояніи не болѣе ста шаговъ отъ вала, не выстрѣлилъ и тѣмъ не подалъ сигнала наружнымъ часовымъ крѣпости, которые, услышавъ его, тотчасъ же дали знать полковнику Демарину, ударили тревогу; гарнизонъ встрепенулся и подъ ружьемъ занялъ свои мѣста.

Такимъ образомъ, благодаря самому незначительному обстоятельству, надежды Хлопуши не оправдались. Замѣтивъ въ крѣпости шумъ и возню, онъ отказался отъ мысли тотчасъ же, т. е. ночью, дѣлать приступъ и открылъ только сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся до самаго разсвѣта, хотя безъ всякаго вреда для гарнизона. Это много помогло осажденнымъ собраться съ силами и грудью дружно встрѣтить врага. При ночномъ же нападеніи мятежниковъ, пользуясь темнотой, всѣ тѣ, на вѣрность коихъ была плохая надежда, свободно бы передались бунтовщикамъ, и крѣпость конечно была бы взята.

На учащенную пальбу противника гарнизонъ, въ свою очередь, чтобы не остаться въ долгу и не показать своихъ слабыхъ сторонъ, также отвѣчалъ выстрѣлами, но только „жалостными холостыми зарядами“, сберегая боевые, въ которыхъ ощущался сильнѣйшій недостатокъ, до болѣе рѣшительныхъ минутъ.

Съ наступленіемъ дня мѣткость непріятельскихъ орудій значительно увеличилась, нанося существенный уронъ гарнизону, особенно изъ одной пушки, поставленной противъ бастіона посреди куртины. Хотя отъ губительнаго огня ея защищалъ крѣпостной валъ, куда чаще всего ложились непріятельскія ядра, однако перелеты давали себя чувствовать стоявшимъ позади крѣпостной батареи, „Калмыцкимъ людямъ“, вырвавъ изъ нихъ нѣсколько человѣкъ убитыми. Два-три удачныхъ выстрѣла изъ крѣпости заставили, наконецъ, не только замолчать эту пушку, но повредили ее такъ, что мятежники принуждены были убрать ее съ позиціи. Въ это время, противъ угловаго бастіона, за небольшой, на-половину врытой въ землю, избой, явилась другая пушка, выстрѣлы которой еще больше приносили вреда осажденнымъ, а заставить

*) 23 Ноября по Дубровину. Ред.

ее замолчать было довольно трудно, такъ какъ мятежники, сдѣлавши изъ нея залпъ, тотчасъ же укатывали за избу, гдѣ, зарядивъ, снова ставили на мѣсто. Долго крѣпостные канониры мучились сбить ее съ боя. И въ концѣ концовъ, выбравъ минуту, когда бунтовщики устанавливали ее на линіи огня, мѣтко прицѣлились: грянулъ выстрѣлъ, и часть мятежной пушки отлетѣла въ сторону. Непріятель въ силу необходимости принужденъ былъ прекратить пальбу. Тогда съ обѣихъ сторонъ началась сильнѣйшая ружейная перестрѣлка. Засѣвшія въ оврагахъ толпы мятежниковъ нѣсколько разъ бросались на приступъ, но каждый разъ встрѣчались крѣпостной картечью, оставляя позади себя груды мертвыхъ тѣлъ. Мятежникамъ не въ моготу было наступать подъ убійственными выстрѣлами. Они прекратили штурмовое движеніе и снова засѣли по оврагамъ, зачастивъ оттуда стрѣлами изъ луковъ [1]) и выстрѣлами изъ ружей и орудій, не причинявшими никакого вреда осаждаемымъ, должно быть, потому что непріятельскіе канониры были плохими артиллеристами или же, какъ завербованные силой изъ взятыхъ Хлопушею крѣпостей, не хотѣли вредить своимъ. Какъ бы то ни было, но много орудійныхъ ядеръ не долетало до крѣпости, а еще того больше перелетало за крѣпость въ необъятную степь.

Видя такую неудачу и, очевидно, не желая по пусту терять зарядовъ, Хлопуша еще разъ рѣшился на отчаянный приступъ, но также всюду, на всѣхъ фасахъ отражаемый мѣткими выстрѣлами, не имѣлъ успѣха и съ значительнымъ урономъ, передъ закатомъ солнца, принужденъ былъ отступить отъ крѣпости.

Какъ велика была потеря мятежниковъ, этого не удалось узнать осажденнымъ, но, должно быть, не малая, если самъ Хлопуша старался скрыть это и, передъ вторымъ (послѣднимъ) приступомъ, велѣлъ собрать тѣла своихъ убитыхъ и закопать ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ нельзя было отыскать противнику. Съ нашей же стороны было убито: 1 капралъ, 1 солдатъ, 3 казака, 1 Башкирецъ, двѣ женщины внутри крѣпости, и ранено девять человѣкъ.

Слѣдующую ночь (т. е. на 19-е Ноября), хотя мятежниковъ уже не было видно по близости, гарнизонъ Верхне-озерной провелъ, не смыкая глазъ, въ еще большей тревогѣ, чѣмъ наканунѣ. Вдали слышались сильные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, заставляя крѣпостныхъ жителей трепетать въ непрестанномъ ожиданіи снова увидѣть врага и недоумѣвать, гдѣ, у кого и съ кѣмъ происходила схватка. Только на утро загадка эта разъяснилась.

Пугачовъ, стоявшій еще въ Бердѣ, узнавъ о приближеніи генерала Кара [2]), спѣшившаго съ своимъ отрядомъ на помощь къ Оренбургу, встрѣтилъ его со всей своей ратью верстахъ въ ста отъ города и нечаяннымъ нападеніемъ привелъ въ такой невыразимый ужасъ отрядъ, что солдаты, по-

---

[1]) Башкиры и другіе инородцы были вооружены стрѣлами, луками, копьями, топорами и даже просто кольями.

[2]) Атаковалъ Кара подъ деревнею Юзеевой не Пугачовъ, а Овчинниковъ, 9 Ноября (Дубровинъ). Ред.

бросавъ оружье, передались на сторону Самозванца и выдали ему руками всѣхъ офицеровъ, которые потомъ были повѣшены. Самъ же Каръ едва могъ спастись бѣгствомъ [1]).

Между тѣмъ Хлопуша, покинувъ Озерную, направился въ Берду, предварительно завернувъ къ Кондуровскимъ Татарамъ [2]) и приказавъ имъ поддерживать блокаду Верхне-озерной впредь до его прибытія съ новыми силами для окончательнаго ея разгрома.

Положеніе крѣпости было самое плачевное. Татары эти соединились съ Башкирами и день и ночь своими набѣгами тревожили гарнизонъ. Всѣ сообщенія съ окружающею мѣстностью были прерваны. Не представлялось положительно никакой возможности выѣхать изъ крѣпости за хлѣбомъ, за дровами или за кормомъ для лошадей. Бунтовщики сожгли все обывательское сѣно, вслѣдствіе чего скотъ умиралъ голодной смертью. Если же кто-нибудь рѣшался выѣзжать изъ крѣпостныхъ стѣнъ, чтобы накосить камыша для своей скотины, мятежники, скрывавшіеся въ кустахъ, захватывали такихъ смѣльчаковъ въ плѣнъ и тутъ же убивали на мѣстѣ.

Черезъ восемь дней Верхне-озерную постигло еще большее несчастіе. Пугачовъ, воротившись послѣ пораженія Кара въ Берду и узнавъ тутъ отъ Хлопуши [3]) о постигшей его неудачѣ, вскипѣлъ неукротимымъ гнѣвомъ противъ „царской“ ослушницы и, чтобы достойно наказать ея слабыхъ защитниковъ, нисколько не мѣшкая, увеличилъ толпу Хлопуши еще 3-мя тысячами „разной сволочи“, самъ принялъ надъ ней командованіе и двинулся къ Верхне-озерной. На пути онъ, однако, перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто этой крѣпости пошелъ къ Ильинской, гдѣ гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ пѣхоты, подъ начальствомъ коменданта маіора Заева и небольшаго числа казаковъ.

Здѣсь Самозванецъ появился также совершенно неожиданно и тотчасъ началъ приступъ, предварительно открывъ сильный орудійный огонь. Бой продолжался „съ утра и съ вечера“, и хотя гарнизонъ упорно защищался, но численное превосходство непріятельскихъ силъ побѣдило его мужество, и крѣпость пала, чему больше способствовало еще то, что вмѣсто землянаго вала она „была обнесена *ветхимъ деревяннымъ заплотикомъ*“, который, бу-

---

[1]) Въ „Ист. Пуг. б.“ III, 39, разсказано такъ: „Каръ цѣлые восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе 120 человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими“. Но Пушкинъ самъ сомнѣвался въ вѣрности донесенія Кара. Г. Мордовцевъ же (Самозванцы, I, 169) говоритъ, что подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не извѣстны. Оба пріурочиваютъ это пораженіе прежде гибели Чернышова, что явно противорѣчитъ логическому выводу, такъ какъ Чернышовъ былъ посланъ изъ Симбирска ранѣе Кара, и это подтверждается приведенными Пушкинымъ записками Рычкова (350—351).

[2]) Кондуровская Татарская слобода, нынѣ Кондуровскій казачій поселокъ Орскаго уѣзда, основана въ 1745 г. на р. Сакмарѣ, близъ кр. Воздвиженской.

[3]) Пушкинъ (III, 39) увѣряетъ, что Хлопуша ранѣе соединился съ Пугачовымъ и принималъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ пораженіи Кара, чего на самомъ дѣлѣ не могло быть.

дучи не въ состояніи выдержать непріятельскую канонаду, былъ скоро сбитъ до основанія [1]).

„Невозможно изобразить вкоренепной злобы и варварства сего злодѣя, какое онъ оказалъ при взятіи сей несчастной крѣпости“, повѣствуетъ поручикъ Поспѣловъ. „Маіора Заева и всѣхъ не токмо офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, словомъ всѣхъ большихъ и малыхъ чиновниковъ, приказалъ повѣсить, а иныхъ и другимъ разнымъ смертямъ предать, равно-жъ и изъ солдатъ оставилъ самую малѣйшую часть. Сверхъ же сего, безчеловѣчный сей извергъ не могъ удовольствоваться и насытить кровожаждущую душу свою мщеніемъ немалаго числа мужескаго пола людей, но предалъ и всѣхъ женщинъ смерти, не щадя при томъ малыхъ дѣтей и беззлобивыхъ младенцевъ“ [2]).

Захвативъ потомъ всѣ денежныя суммы, какія были въ крѣпости, провіантъ, всѣ съѣстные припасы, артиллерію, ружья, порохъ, въ которомъ особенно нуждался, и отправивъ все это окольными путями въ Берду, Пугачовъ не оставилъ камня на камнѣ въ Ильинской „обративъ ее въ пепелъ, такъ что ни кола не осталось“, и на другой день выступилъ съ намѣреніемъ идти на Озерную, чтобы также, по примѣру первой, и эту стереть съ лица земли; но Провидѣніе Божіе сохранило ее и на этотъ разъ.

Слѣдуя туда, Самозванецъ получилъ извѣстіе, что въ Оренбургѣ открылся сильнѣйшій голодъ и поэтому генералъ Рейнсдорпъ выслалъ изъ города 500 Исетскихъ казаковъ [3]) подъ начальствомъ атамана Севастьянова, которые, возвращаясь въ свои станицы, шли по тракту на Орскъ и на ночь съ 24-го на 25-е Ноября должны были остановиться въ крѣпости Красноярской [4]), въ 74 верстахъ отъ Оренбурга.

Пугачовъ несказанно обрадовался этому извѣстію и вмѣсто того, чтобы идти на Озерную, вторично оставилъ ее въ сторонѣ и повернулъ на Кондуровскую слободу, гдѣ, переночевавъ, на другой день двинулся къ Гирьяльскому редуту (между крѣп. Озерной и Красногорской), чрезъ который лежалъ путь казачьяго отряда. Онъ не дошелъ нѣсколько верстъ до селенія, чтобы удобнѣе было слѣдить за казаками и остановился на сосѣднихъ горахъ.

Ничего не предвидя опаснаго, Исетцы безпечно, безъ всякихъ предосторожностей, вступили въ укрѣпленіе, и часть ихъ, по распоряженію Севастьянова, отправилась за сѣномъ. Этимъ случаемъ не замедлилъ воспользоваться все время слѣдившій за ними Пугачовъ и, какъ только посланные

[1]) По „Ист. Пуг. б.“ (IV, 45—47) Ильинская взята Хлопушей и оставлена цѣлой, а 27 Ноября Пугачовъ еще разъ подступалъ къ ней, разрушилъ ее и затѣмъ пошелъ на Озерную.

[2]) Пощаду получилъ лишь капитанъ Башаринъ, такъ какъ солдаты его роты упросили Пугачова простить его за то, что „онъ въ ихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ ихъ“. Ред.

[3]) Исетскіе казаки, косвенно подчинявшіеся Оренбургскому войску, населяли Исетскую провинцію, состоявшую въ то время изъ уѣздовъ Челябинскаго, Шадринскаго, Окуневскаго, Картамышевскаго и Увельскаго.

[4]) Красноярская или Красногорская крѣпость, нынѣ Красногорскій поселокъ Оренбурскаго войска, расположена на томъ самомъ мѣстѣ на берегу р. Урала, гдѣ 1-го Августа 1741 г. былъ заложенъ г. Оренбургъ.

фуражиры скрылись изъ вида, быстро подступилъ къ редуту, окружилъ его со всѣхъ сторонъ и потребовалъ отъ оставшихся казаковъ сдачи. Застигнутые врасплохъ, полуголодные воякп бросили оружіе и безъ всякаго сопротивленія покорно отдались на волю побѣдителя, моля о помилованіи. Но этому варвару были чужды порывы состраданія и милосердія. Не взирая на просьбы ихъ, онъ тутъ же приказалъ повѣсить атамана, есаула и всѣхъ офицеровъ, оставивъ лишь простыхъ казаковъ, да и тѣхъ, должно быть, не надѣясь на ихъ вѣрность ему, привелъ къ присягѣ и распредѣлилъ между своими толпами [1]).

Между тѣмъ посланные на фуражировку казаки (около 30 человѣкъ), нагрузили сѣномъ телѣги и медленно возвращались къ редуту. Но, замѣтивъ еще издали что-то неладное, рыскавшихъ кругомъ укрѣпленія какихъ-то всадниковъ, они смекнули въ чемъ дѣло, побросали воза и давай Богъ ноги— около полуночи прибѣжали къ Верхне-озерной.

Полковникъ Демаринъ, боясь измѣны, долго не соглашался впустить ихъ въ крѣпость, не смотря на то, что разсказы ихъ дышали чистосердечнымъ признаніемъ и заслуживали полнаго вѣроятія; а потому, хотя они и были впущены, но изъ предосторожности ихъ посадили въ пустой погребъ, дверь коего завалили снѣгомъ и къ погребу приставили караулъ, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, казаки эти не могли передаться мятежникамъ или сообщить имъ о недостаткахъ гарнизона. Крѣпость съ этого дня приняла всѣ мѣры предосторожности и защиты, такъ какъ не было уже никакого сомнѣнія, что Пугачовъ теперь пойдетъ на Озерную, до которой отъ Гирьяльскаго редута было всего 21 верста, и дѣйствительно нестройныя толпы мятежниковъ не замедлили появиться подъ стѣнами ея.

Покинувъ „въ 3 часа по-полуночи“ редутъ Гирьяльскій, Самозванецъ уже на разсвѣтѣ наступающаго 26-го Ноября [2]) былъ въ виду гарнизона Озерной. Онъ остановился верстахъ въ двухъ, расположился съ своими „главными силами“ на горѣ съ Оренбургской стороны „на значительныхъ интервалахъ“, „а среди горы“ [3]) поставилъ Башкирцевъ и другой почти ничѣмъ невооруженный сбродъ, которому приказалъ „*гикать*“, чтобы тѣмъ нагнать „паническій страхъ“ на осаждаемыхъ. Но маневръ этотъ не имѣлъ никакого успѣха: главныя силы противника, разбросанныя по горѣ нѣсколькими отрядами, не производили внушительнаго вида своею численностію и за отдаленностью отъ крѣпости казались „маленькими кучками“; гиканье же трусливыхъ Башкировъ совсѣмъ не достигало гарнизона, чтобы могло напугать его.

---

[1]) Въ „Самозванцахъ“ (I, 160) о голодѣ Оренбургскомъ описывается такъ: „А между тѣмъ Оренбургъ чувствуетъ недостатокъ въ припасахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и изъ этого отряда въ стычкѣ съ толпами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человѣкъ“. Не объ Исетскомъ ли отрядѣ говоритъ г. Мордовцевъ?

[2]) Пушкинъ говоритъ, что Верхне-озерная осаждалась два раза и показываетъ, что во второй разъ Самозванецъ подошелъ къ ней 30-го Ноября. („Ист. Пуг. б., IV, 47); а у г. Мордовцева совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ.

[3]) „Сзади горы“ должно понимать по отношенію къ крѣпости, а не отряда Пугачова.

Простоявъ такимъ образомъ съ четверть часа безъ всякаго результата, Пугачовъ сталъ спускаться въ оврагъ, который, начинаясь въ 30 саж. отъ фаса по срединѣ куртины, тянется верстъ на десять къ сторонѣ Оренбурга. Онъ былъ настолько широкъ и глубокъ, что, спустившись въ него съ своей арміей, Самозванецъ скрылся изъ глазъ слѣдившаго за нимъ гарнизона.

Предводитель мятежниковъ снова пустился на хитрости. Раздѣливъ толпы свои на двѣ части и поставивъ одну противъ другой, онъ приказалъ имъ открыть съ обѣихъ сторонъ сильную перестрѣлку, желая, видимо, обмануть защитниковъ Озерной, что на его армію будто бы напали правительственныя войска и такимъ образомъ возбудивъ рвеніе въ осаждаемыхъ, хотѣлъ вызвать ихъ въ поле, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ и захватить въ плѣнъ. Гарнизонъ Озерной дѣйствительно былъ пораженъ такимъ маневромъ Самозванца, и полковникъ Демаринъ долго колебался, не зная, на что рѣшиться: сдѣлать ли, пользуясь этой „сумятицей“, неожиданную вылазку на противника и обратить его въ бѣгство, или же держаться выжидательнаго положенія. Послѣ „нѣкотораго размышленія“, онъ призналъ послѣднѣе болѣе раціональнымъ и тѣмъ спасъ крѣпость.

Отвлекая вниманіе гарнизона мнимымъ сраженіемъ, Пугачовъ однако не оставался въ бездѣйствіи и постепенно готовился къ приступу. Онъ оставилъ часть своихъ войскъ въ первомъ оврагѣ, приказалъ спѣшиться остальнымъ толпамъ и, позади пригорковъ, провелъ ихъ въ другой оврагъ, съ противоположной стороны крѣпости такъ тихо и скрытно, что осажденные даже не замѣтили этого движенія.

Занявъ „противъ угловыхъ бастіоновъ съ лицевой стороны“ двѣ небольшихъ горки, въ ста саженяхъ отъ крѣпости, и поставивъ на нихъ свои единороги, противникъ разомъ изъ всѣхъ орудій открылъ по крѣпости сильную кононаду. Послѣ каждаго выстрѣла мятежники увозили орудія за пригорки, заряжали ихъ тамъ и потомъ снова, безъ всякаго для себя урона, ввозили на гору для новаго залпа.

Вскорѣ, окруженный свитой человѣкъ въ 50 Яицкихъ казаковъ между пушками показался самъ Пугачовъ *„подъ краснымъ знаменемъ* и „проѣзжая очень тихо мимо крѣпостныхъ стѣнъ, останавливался на нѣкоторое время для переговоровъ съ осаждаемыми“. Тѣлохранители его кричали крѣпостнымъ жителямъ:

„Эй вы, солдаты, казаки, Калмыки, Башкирцы! Взирайте всѣ, взирайте на своего государя Петра Ѳедоровича! Вотъ онъ изволитъ шествовать подъ симъ знаменіемъ. Не мѣшкайте и сдавайте крѣпость и вашихъ начальниковъ! Вамъ никакого озлобленія не будетъ учинено: государь милосердъ, прощаетъ васъ во всѣхъ вашихъ преступленіяхъ; а ежели вы не учините сего, то почувствуете всю тяжесть его монаршаго гнѣва по взятіи сей крѣпости“.

Наши солдаты съ презрѣніемъ отвергли это позорное предложеніе.

— У насъ нѣтъ государя, „съ поносительствомъ“ отвѣчали они имъ; всѣ мы знаемъ, что Петра Ѳедоровича давно на свѣтѣ нѣтъ. Всему госу-

дарству извѣстно, онъ представился и погребенъ въ Петербургѣ. У насъ нынѣ императрицей Екатерина Алексѣевна, государыня благоразумная, кроткая и милосердная. Мы всѣ ее любимъ и за нее стоимъ и стоять будемъ до послѣдней капли крови. Очувствуйтесь лучше вы, Яицкіе казаки! Смягчите злостью наполненныя сердца ваши! Посмотрите кому вы служите, кого называете государемъ? Сей есть воръ и извергъ рода человѣческаго, съ Дону простой казакъ Емелька Пугачовъ, который и къ вамъ присталъ къ такимъ же ворамъ", и проч. [1]).

Можетъ быть, отвѣтъ этотъ принадлежалъ офицерамъ, а солдаты только повторяли за ними; но во всякомъ случаѣ рѣзкія и правдивыя слова эти не пришлись по сердцу Пугачовцамъ, и они стали стращать гарнизонъ угрозами, обѣщаясь отомстить всѣмъ послѣ взятія Озерной. Потомъ начали кричать Исетскимъ казакамъ: „Эй вы, Исетскіе казаки! Съ чѣмъ вы посланы сюда, чтобы по сіе время молчать и не исполнять даннаго вамъ приказанія? Что мѣшкаете! Что не зажигаете крѣпость?"...

Оскорбленные поношеніемъ и ругательствами мятежниковъ, солдаты наши открыли по нимъ ружейный огонь; „но Богу, видно, угодно было, грѣхъ нашихъ ради, попустить сего злодѣя для нашего наказанія: не только его, но и единаго человѣка изъ его свиты трафить не могли, и они остались безъ всякаго поврежденія" [2]).

Свита Пугачовская отхлынула и, миновавъ крѣпость, спустилась въ „Малый" оврагъ, откуда бунтовщики открыли учащенный ружейный огонь. Но такъ какъ оврагъ былъ слишкомъ глубокъ, то для выстрѣловъ имъ приходилось выбѣгать наружу, гдѣ они терпѣли пораженіе отъ мѣткаго огня съ крѣпости, чѣмъ скоро охладился ихъ пылъ.

Видя значительную убыль своей арміи и принимая во вниманіе близкое разстояніе оврага отъ крѣпости, Самозванецъ, наконецъ, приказалъ своимъ толпамъ идти на приступъ.

— Грудью, други, грудью! поощрялъ онъ ихъ.

Но никто не трогался съ мѣста.

— Сунься-ка самъ! Рази не видишь, какъ намъ пули въ лобъ прилетаютъ? отвѣчали ему его „подданные".

Въ тоже самое время изъ непріятельскихъ пушекъ, поставленныхъ противъ угловыхъ бастіоновъ, открылась безпрерывная пальба, которая въ началѣ была почти недѣйствительной, но когда туда явился Пугачовъ и перепоролъ нагайками въ виду крѣпости [3]) своихъ артиллеристовъ, то выстрѣлы послѣднихъ стали наносить сильнѣе вредъ осаждаемымъ, особенно

---

[1]) См. Орен. Губ. Вѣд. 1869 г., № 26.

[2]) Тамъ же, записки Поспѣлова. Мы нарочно останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы показать пріемы военныхъ дѣйствій Самозванца.

[3]) Вотъ какова была тактика Пугачова, и г. Мордовцевъ (Самозванцы, I, 193) напрасно увѣряетъ, что „всѣ распоряженія Пугачова основаны на правилахъ военнаго искусства и исполняются по этимъ правиламъ. *Его войска преданы ему и хорошо дисциплинированы*"...

пока на батареяхъ присутствовалъ самъ Пугачовъ и указывалъ канонирамъ стрѣлять вдоль по куртинамъ. Очевидно, онъ былъ близко знакомъ съ тѣмъ „моральнымъ впечатлѣніемъ", какое производило дѣйствіе артиллерійскаго огня во флангъ.

Такое распоряженіе было не безуспѣшно. У осажденныхъ оказался значительный уронъ, и многіе упали духомъ. Прежде всѣхъ смѣшались Калмыки и, оставивъ крѣпостныя стѣны, бѣжали укрыться въ землянки, вырытыя въ валу. Демаринъ приказывалъ выгонять ихъ оттуда. Въ крѣпости поэтому начались безпорядки. Пугачовъ, видя это, рѣшилъ воспользоваться минутой и снова двинулся на штурмъ; но встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, принужденъ былъ отступить съ уономъ обратно въ оврагъ и болѣе на приступъ уже не отважился.

По отбитіи этого штурма полковникъ Демаринъ сосредоточилъ артиллерійскій огонь противъ непріятельскихъ батарей и, препятствуя правильному дѣйствію ихъ, мѣткостью крѣпостныхъ выстрѣловъ заставилъ непріятеля сняться съ позиціи и прекратить канонаду. Дѣйствіе артиллеріи уже не возобновлялось болѣе, за то ружейная пальба не прекращалась съ обѣихъ сторонъ до самой ночи.

На другой день, вслѣдствіе своего неуспѣха, Пугачовъ отступилъ отъ крѣпости, обѣщаясь прибыть къ ней съ свѣжими силами, чтобы непремѣнно разорить ее до основанія безъ всякой пощады гарнизону.

Послѣ его отступленія заключенные въ погребъ Исетскіе казаки были выпущены и подвергнуты самому строгому допросу относительно воззванія Пугачовской свиты по поводу подсыла ихъ для зажженія крѣпости во время нападенія Самозванца. Но казаки клятвенно отреклись отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и были освобождены изъ подъ ареста.

IV. *)

Осада Кондуровскими Татарами Верхне-озерной. — Недостатокъ провіанта.—Посылка за нимъ въ кр. Орскую.—Состояніе этой крѣпости.—Извѣстіе о пораженіи Пугачова кн. Голицынымъ.—Разореніе Кондуровской слободы. — Посылка поручика Поспѣлова за мукой въ Башкирію и его возвращеніе.—Набѣги Киргизовъ на Орскую и другія крѣпости.

Пообѣщавъ снова вернулся къ Озерной, Пугачовъ не оставилъ ея безъ наблюденія. Неизмѣнные союзники его Кондуровскіе Татары и Башкиры опять окружили крѣпость и безпрестанно безпокоили ея гарнизонъ своими дерзкими набѣгами. Дѣйствія ихъ для осажденныхъ были, пожалуй, опаснѣе, чѣмъ самъ Пугачовъ съ своей ратью, такъ какъ не проходило дня, особенно праздничнаго, чтобы они не сдѣлали нападенія, разсчитывая на оплошность ея защитниковъ. И эти набѣги продолжались до тѣхъ поръ, пока не выпалъ глубокій снѣгъ, который, препятствуя дѣйствіямъ Татаръ враз-

*) Прошу читателей обратить вниманіе на эту главу, содержаніе коей не было извѣстно ни Пушкину, ни Мордовцеву, ни мѣстному историку Р. Г. Игнатьеву, ни другимъ.

сыпную, заставилъ ихъ отступить отъ крѣпости. Къ этому примѣшалось другое „и немалое несчастіе“—недостатокъ провіанта, который „долженствовало перевозить изъ Орской крѣпости (въ разстояніи 150 верстъ отъ жительствъ и дороги“), а какъ крѣпость „содержалась въ безпрестанной блокадѣ, то послать за онымъ (провіантомъ) отъ сего было не можно“, почему жители и гарнизонъ „пришли въ крайнюю нужду“ *).

Таково было положеніе Верхне-озерной во время осады ея Татарами и Башкирами. Всѣ пути до Орска, гдѣ въ то время находился генералъ Станиславскій, были захвачены мятежниками. Чтобы посылать туда за провіантомъ, прямо нужно было рисковать посланными людьми. Демаринъ „кличъ кликнулъ“, и на зовъ его откликнулись „охотниками“ два казака, которые за 25 рублей каждый согласились доставить къ генералу Станиславскому „требованіе о провіантѣ“. Охотники были выпущены изъ крѣпости ночью *тишкомъ*, и имъ было приказано „слѣдовать позади рѣки Яика по возможности безопасными мѣстами“ и только по ночамъ, дабы не попасться въ руки непріятелю или Киргизъ-Кайсакамъ. Черезъ 10 дней, потерпѣвъ „задержку отъ стужи и Киргизовъ“, казаки прибыли въ Орскъ и явились къ коменданту.

Генералъ-маіоръ Станиславскій, получивъ отъ Демарина скорбную вѣсть о непремѣнной и скорѣйшей присылкѣ провіанта, такъ какъ „въ случаѣ промедленія невозможно будетъ защищать“ Озерную, тотчасъ же распорядился отправить туда муки, крупы, овса *„на 85-ти подводахъ*, положа на каждую только по двѣ четверти“, изъ опасенія большой тяжестью обременить слабосильныхъ лошадей, которымъ предстоялъ бездорожный путь. Транспортъ отправился подъ прикрытіемъ роты мушкатеръ, при двухъ единорогахъ, и „къ великому порадованію“ жителей прибылъ въ Озерную 8-го Января 1774 года.

Но продовольствія этого могло достать не надолго. Поэтому полковникъ Демаринъ посылалъ въ Орскъ за провіантомъ еще два раза. Послѣдній разъ былъ посланъ поручикъ Поспѣловъ и какъ нарочно, при обратномъ его слѣдованіи въ Озерную съ провіантомъ, генералъ Станиславскій отказалъ ему въ конвоѣ, потому что крѣпость эта въ это время находилась въ самомъ тревожномъ состояніи. Гарнизону и жителямъ грозила опасность со стороны Орскихъ казаковъ, жившихъ при крѣпости отдѣльнымъ „форштадтомъ“. Они, въ надеждѣ, что Станиславскій дастъ подъ свозъ провіанта значительное прикрытіе, надумали воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и послали къ Пугачову нарочныхъ, чтобы онъ немедленно спѣшилъ къ нимъ на условленное мѣсто, предварительно бы увѣдомивъ о своемъ приближеніи, чтобы они могли заранѣе ночью перебить всѣхъ солдатъ, разставленныхъ у нихъ по квартирамъ. Замыселъ заговорщиковъ не удался лишь потому, что одинъ изъ нихъ, почти въ туже минуту, какъ были отправлены гонцы къ Самозванцу, явился къ генералу Станиславскому и разска-

*) Записки Поспѣлова. (Орен. Губ. В. 1869, № 27).

залъ ему обо всемъ. Послѣдній тотчасъ же приказалъ перевязать всѣхъ казаковъ, „оставя только малыхъ ребятъ“ и, забивъ въ колодки, посадилъ въ винный погребъ, вырытый въ горѣ [1]), откуда предварительно выбрали вино. Въ погоню же за посланными былъ командированъ офицеръ съ 20 драгунами, которые на четвертый день догнали ихъ и, отобравши у нихъ письмо къ Пугачову, представили къ коменданту. И хотя потомъ измѣнники эти, „при допросахъ, кои чинены имъ пристрастно съ великимъ истязаніемъ, и чинили во всемъ запирательство, но привезенное письмо явно изобличало ихъ измѣну, за что, къ чувствительному наказанію, генералъ приказалъ всѣ дома ихъ разломать до основанія и раздать жителямъ“.

Такимъ образомъ Поспѣловъ долженъ былъ отправиться съ транспортомъ безъ всякаго прикрытія, если не считать взятыхъ имъ изъ Озерной 25-ти Калмыковъ, на защиту коихъ была плохая надежда, и онъ „всякую минуту былъ въ величайшей опасности, ожидая злодѣйскаго нападенія“.

На четвертый день пути, пройдя разоренную Пугачовымъ Ильинскую крѣпость, Поспѣловъ замѣтилъ вдали двухъ верховыхъ казаковъ, ѣхавшихъ по направленію отъ Верхне-озерной къ нему. Думая, что это разъѣздъ изъ какой нибудь Пугачовской шайки, онъ пріостановился и послалъ впередъ двухъ Калмыковъ узнать и разспросить, что это за люди, откуда они, и если окажутся лихими злодѣями, немедленно донести ему. Но верховые эти оказались Озернинскими казаками, отправленными полковникомъ Демаринымъ на-встрѣчу транспорта съ радостнымъ извѣстіемъ о пораженіи генераломъ Голицынымъ Пугачова подъ Татищевой крѣпостью. Демаринъ писалъ Поспѣлову, что князь Голицынъ, разбивъ Самозванца, гналъ его до Сакмарскаго городка, что все пространство отъ Татищевой до Сакмарска устлано трупами мятежниковъ и что столица Пугачова Берда вся истреблена и состоитъ теперь подъ вѣдѣніемъ Оренбурга, а самъ „злодѣй бѣжалъ и гдѣ нынѣ скрывается, неизвѣстно“ [2]).

Полковникъ Демаринъ воспользовался этимъ случаемъ и, „ища свою сатисфакцію въ отомщеніе за безпокойство“ Верхне-озерной Кондуровскими Татарами, двинулъ на ихъ слободу 100 челов. солдатъ и 50 Калмыковъ и казаковъ при одномъ капитанѣ и двухъ субалтернъ-офицерахъ, приказавъ

---

[1]) Должно быть въ горѣ Преображенской.

[2]) Поспѣловъ въ своихъ запискахъ, основываясь на ордерѣ къ нему полковника Демарина, указываетъ днемъ пораженія Пугачова *8-е Марта*. (См. „Оренб. Губ. Вѣд.“ 1869, № 27). Очевидно, это или описка или опечатка за неразборчивостью рукописи, такъ какъ первая побѣда кн. Голицына надъ скопищами Пугачова подъ Татищевой точно установлена—22-го Марта. Но здѣсь приходится замѣтить разногласіе въ числахъ относительно освобожденія г. Оренбурга отъ осады: Пушкинъ (V, 66—67) говоритъ, что кн. Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ 26-го Марта 1774 г. и, слѣдовательно, съ этого времени Оренбургъ освободился отъ полчищъ бунтовщиковъ, ибо иначе какимъ образомъ кн. Голицынъ могъ проѣхать къ нему? Рычковъ указываетъ пріѣздъ Голицына съ легкимъ конвоемъ 31-го Марта (стр. 498), а мѣстный (позднѣйшій) изслѣдователь Р. Г. Игнатьевъ, ни на чемъ не основываясь, настойчиво увѣряетъ, что гор. Оренбургъ освобожденъ отъ осады 29-го Марта („Оренб. Епарх. Вѣдом. 1874, № 2, стр. 69).

употребить всѣ способы, чтобы разорить ее. Татары сначала было вступили съ отрядомъ „въ жестокое сраженіе, которое продолжалось немалое время“, но напослѣдокъ принуждены были „ретироваться“ за р. Сакмару, которая вслѣдствіе быстраго теченія противъ ихъ селенія не замерзаетъ зимой, такъ что „за торопливостію многіе изъ нихъ перетонули, а многіе побиты, и тако симъ врагамъ христіанства учинено изрядное возмездіе не только убивствомъ нѣкоторыхъ, но и сущимъ раззореніемъ“.

На третій день послѣ встрѣчи съ посланными къ нему казаками, Поспѣловъ прибылъ съ транспортомъ въ Озерную, сдѣлавъ 150 верстъ пути отъ Орской крѣпости ровно въ 8 сутокъ вслѣдствіе усталости, худобы и безсилія полуголодныхъ лошадей.

Вскорѣ потомъ онъ былъ командированъ съ 5-ю сотнями казаковъ и Калмыковъ въ Башкирію для отысканія муки и *для публикованія манифеста о поимкѣ злодѣя* Емельки Пугачова.

Въ этой командировкѣ Поспѣловъ пробылъ болѣе двухъ недѣль, разъѣзжая по Башкирскимъ селеніямъ; но онъ не могъ исполнить возложеннаго на него порученія прежде всего потому, что въ селеніяхъ на его пути не было „ни одного человѣка“. Послѣ разбитія Пугачова и разоренія Кондуровской слободы Башкиры, опасаясь той же участи, покинули свои жилища и бѣжали въ горы. Тѣ же изъ Башкиръ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, при приближеніи Русскихъ фуражировъ, старались скрыться отъ нихъ.

Доѣхавъ до одного Башкирскаго селенія, оказавшагося также совершенно безлюднымъ, Поспѣловъ хотѣлъ переночевать въ немъ; но вдругъ къ нему прискакалъ какой-то Башкирскій сотникъ и извѣстилъ его, что не далеко собирается значительная партія Башкировъ, которая намѣревается напасть на селеніе и захватить его. Поручикъ до-того перетрусилъ, что, не провѣривъ этого сообщенія, собралъ свой отрядъ и отправился поспѣшно въ обратный путь, и всю ночь Русскіе вояки скакали, не останавливаясь. Только пробѣжавъ верстъ 60, когда уже всякая опасность миновала, отрядъ остановился на отдыхъ въ пустой деревушкѣ и, накормивъ лошадей найденнымъ здѣсь овсомъ, продолжалъ весь день свой путь дальше.

Проѣхавъ еще много пустыхъ селеній, наконецъ, къ вечеру того же дня казаки достигли Башкирской деревни, не оставленной жителями. Видя, что лошади ихъ, сдѣлавшія въ сутки болѣе ста верстъ, отказывались служить дольше, они обратились къ Башкирцамъ съ просьбой перемѣнить лошадей, и тѣ охотно согласились на это.

Оставивъ своихъ изнуренныхъ клячъ въ этой деревушкѣ и немного отдохнувши здѣсь, фуражиры, въ сопровожденіи проводниковъ-Башкировъ, передъ разсвѣтомъ выѣхали далѣе и „весь остатокъ той ночи и наступающаго дня, ѣхавши на свѣжихъ лошадяхъ, къ полудню прибыли въ лежащую на самомъ берегу Сакмары большую деревню, населенную Казанскими Та-

тарами, которые, не принимая участія въ Пугачовскомъ бунтѣ, много потерпѣли отъ Самозванца“ [1]).

Надѣясь на ихъ вѣрность, Поспѣловъ рѣшился остаться у нихъ и, отпуская отъ себя взятыхъ изъ Башкирскаго селенія проводниковъ, приказалъ имъ доставить сюда оставленныхъ у нихъ лошадей отряда съ тѣмъ, чтобы потомъ получить своихъ. На пятый день Башкирцы привели казачьихъ коней и при этомъ доносили, что та шайка, которая намѣревалась напасть на отрядъ Поспѣлова, *состоящая изъ 300 человѣкъ*, дѣйствительно „доѣзжала до того селенія“, гдѣ онъ хотѣлъ заночевать и распрашивала о немъ окрестныхъ жителей; но узнавъ, что онъ уже болѣе сутокъ, какъ бѣжалъ изъ селенія этого, не преслѣдовала его и воротилась назадъ...

Трусливый поручикъ, возвратившись потомъ въ Верхне-озерную, такъ и доложилъ объ этомъ коменданту Демарину. Послѣдній былъ крайне пораженъ такой вѣстью, что командиръ пятисотеннаго вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ отряда испугался 300 невооруженныхъ Башкирцевъ. Разсказывая въ своихъ запискахъ этотъ случай, Поспѣловъ оправдывается лишь тѣмъ, что „потомъ, спустя нѣкоторое время оказалось, что Емелька Пугачовъ, не будучи пойманъ и скрываясь тогда въ Башкиріи, находясь отъ меня не въ дальнемъ разстояніи и слыша неоднократно, что я публикую манифестъ о поимкѣ сего злодѣя, приказалъ Башкирцамъ меня поймать, которыхъ нарочно для сего собралось ровно 300 человѣкъ; но я благодарю Бога, что Онъ всесильной Своей рукою отъ сего меня избавилъ, а то досталось бы пить мнѣ отъ сего злодѣя горькую чашу“ [2]).

Таковы были у насъ военачальники!

V.

Осада Уфы.—Слухи по городу.—Вѣсти о Пугачовѣ.—Боевыя силы Уфы.—Чика и Губановъ.—Переговоры Чики.—Подметныя письма.—22 Октября 1773 г.—Недостатокъ продовольствія.—Дальнѣйшія дѣйствія наступающихъ.—Купецъ Дюковъ.—Начало 1774 года.—25-е Января и 25-е Марта.—Появленіе Михельсона и освобожденіе города.—Казнь Чики.

Въ то время какъ Самозванецъ бродилъ около Оренбурга и по линейнымъ крѣпостямъ, наводя всюду ужасъ и разрушеніе, во имя его бунтъ вспыхивалъ и въ другихъ мѣстахъ Пріуралья. Провинціи Уфимская, Исетская и Верхне-Яицкая не замедлили примкнуть къ общему мятежу. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ молвой въ народѣ о Пугачовѣ, высказались необыкновенное броженіе умовъ, безсознательная вѣра въ царственное происхожденіе его и полная готовность покориться ему, какъ властителю, обѣщающему „царскаго благосердія ради“ разныя льготы и вольности, а главное уничтоженіе крѣпостнаго ига и воеводъ съ ихъ „утѣсненіями и чрезвычайными поборами“.

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что это была Сеитовская-Татарская слобода, или Каргале (по Пушкину), въ восемнадцати верстахъ отъ Оренбурга.

[2]) См. его записки („Оренб. Губ. В.“ 1869, № 27).

Для бунтовщиковъ тамъ было открыто свободное поле побѣдъ, такъ какъ долженствовавшія служить опорой Русской власти наши крѣпости стояли или полуразрушенными или имѣли такіе незначительные и вмѣстѣ съ тѣмъ плохіе гарнизоны, что они были годны лишь для содержанія каралловъ по тюрьмамъ да острогамъ, но ни въ коемъ случаѣ не для защиты крѣпостныхъ стѣнъ и жителей, а тѣмъ болѣе для усмиренія непокорныхъ.

Главный центръ Сѣверной Башкиріи и нашъ оплотъ въ ней, городъ Уфа, хотя еще въ 1728 году Петромъ II признавался „военнымъ пунктомъ“ и въ 1732 году, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, обнесенъ „рвомъ, валомъ и палисадомъ, съ исправленіемъ старинной крѣпости [1]), но во время Пугачовскаго возмущенія представлялъ незначительное укрѣпленіе изъ „стараго вала и частокола“. Гарнизонъ же его состоялъ въ это время изъ 200 солдатъ и нѣсколькихъ Казаковъ Уфимской станицы.

Задолго еще до появленія Пугачова на Яикѣ, именно въ началѣ 1773 года, стали появляться въ Уфѣ разныя „знаменія“, которыя уже заранѣе пугали народъ пришествіемъ чего-либо необычайнаго. Такъ, въ Февралѣ этого года протоіерей Смоленскаго собора Іаковъ Невѣровъ и воевода Уфимскій, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ, доносили: первый преосвященному Лаврентію (Бараповичу), епископу Вятскому [2]), а второй—Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, что въ соборѣ Смоленской Б. М. каждый день, „когда на утрени начнутъ читать шестопсалміе („Слава въ вышнихъ Богу“) раздается въ сводахъ колокольный звонъ или гулъ“. Народъ былъ въ смятеніи. Страхъ и ужасъ обуяли жителей. И хотя по полученіи этого извѣстія изъ Оренбурга для разслѣдованія такого необыкновеннаго событія былъ командированъ архитекторъ Казаковъ, который нашелъ, что гулъ происходитъ отъ креста, слабо утвержденнаго въ главѣ надъ сводомъ, и поэтому крестъ звонитъ, колеблемый при сильномъ вѣтрѣ, глава была разобрана, при чемъ оказалось, что крестъ упирался на связи, потомъ глава была вновь сложена, и крестъ прочно утвержденъ въ сводѣ, не касаясь связей; но гулъ въ сводѣ попрежнему продолжался.

— Знать, Богу угодно за грѣхи наказать насъ! говорилъ народъ. Погибнетъ Уфа! И многіе изъ жителей хотѣли бѣжать изъ города.

— Самъ христіанскій Богъ разгнѣвался на Русскихъ и хочетъ казнить ихъ! всюду разглашали Башкиры и Татары.

Волненіе умовъ было страшное. Всѣ, отъ мала до велика, готовились къ карѣ Господней, ждали суда Божія. Дѣло дошло до Сената, до Государыни, и 14-го Іюля 1773 года, за № 8.887, Сенатъ предписалъ Оренбургскому губернатору „употребить всѣ мѣры къ изслѣдованію гула для спокойствія народа“ [3]). Рейнсдорпъ пригласилъ епископа Вятскаго и Велико-пермскаго

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6.226.

[2]) Нынѣшняя Уфимская губернія въ то время подчинялась въ духовномъ отношеніи Вятской епархіи. Смоленскій соборъ—нынѣ церковь Св. Троицы на углу Посадской и Троицкой улицъ.

[3]) Тургайск. област. арх., столпы указовъ, за 1773 г., лист. 105—119.

Лаврентія въ Уфу; но чѣмъ „порѣшено“ было это событіе, изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, къ сожалѣнію, не видно.

Скоро Рейнсдорпу было уже не до того. 8-го Августа Уфимскіе воевода и комендантъ получили отъ него секретныя предписанія о появленіи на Яикѣ Пугачова и о принятіи мѣръ къ защитѣ города и успокоенію народа [1]). Власти Уфимскія, описывая беззащитность своей крѣпости, просили прислать хоть тотъ драгунскій (Уфимскій) полкъ, который ранѣе стоялъ въ Уфѣ, и снабдить боевыми припасами. Но Рейнсдорпъ выслалъ только 3.500 патроновъ и 50 пудъ пороху, отказавъ въ присылкѣ военнаго отряда [2]). Комендантъ Уфы, полковникъ Сергѣй Степановичъ Мясоѣдовъ снова (20-го Августа) просилъ о помощи, но на этотъ разъ не получилъ никакого отвѣта. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Уфы началось волненіе среди крестьянъ и инородцевъ. Въ Сентябрѣ появились въ Уфѣ Русскіе и Татарскіе возмутительные листы Самозванца къ народу. 12-го Сентября листы эти были посланы къ Рейнсдорпу съ новымъ требованіемъ прислать войско, но отъ него также не было отвѣта [3]).

Уфа была въ самомъ жалкомъ состояніи. Кругомъ рыскали мятежники, хотя еще не набѣгая на нее. Изъ уѣзда въ городъ бѣжали помѣщики и духовенство. 14-го Сентября воевода Борисовъ и комендантъ Мясоѣдовъ собрали жителей города и объявили о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи защищаться и не сдавать городъ мятежникамъ, если послѣдніе нападутъ на него. Духовенство собралось въ Смоленскій соборъ; былъ отслуженъ молебенъ. Протоіерей Невѣровъ съ крестомъ въ рукахъ и съ чудотворными, очень чтимыми иконами Богоматери Казанской и Смоленской, несомыми хоругвеносцами, вышелъ изъ собора къ народу, напомнилъ горожанамъ долгъ присяги и заклиналъ Богомъ бороться съ мятежниками до послѣдней капли крови. „Пресвятая Богородица спасетъ насъ!“ осѣняя православныхъ крестомъ, сказалъ онъ. И весь городъ, всѣ сословія, помѣщики, солдаты, крестьяне, казаки, откликнулись на этотъ зовъ. Тутъ двадцатитрехлѣтній Ростовскій купецъ Иванъ Игнатьевичъ Дюковъ, проживавшій по своимъ торговымъ дѣламъ въ Уфѣ, взялъ у отца-протоіерея изъ рукъ икону и со словами: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“ кликнулъ кличъ молодцамъ изъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ люди, отъ воеводы, коменданта, воинскихъ чиновъ и до простыхъ обывателей, благоговѣйно преклонили колѣна предъ мѣстными святынями и торжественно присягнули защищать другъ друга и Св. Церковь до послѣдняго издыханія. Минута была самая трогательная. Врядъ ли кто удержался отъ слезъ въ это время. Въ тотъ же день, какъ говоритъ преданіе, на сводахъ собора пересталъ слышаться гулъ.

Несчастіе соединило всѣхъ, не смотря на степень развитія, положенія и знатности. Сословія всѣ ополчились поголовно и требовали оружія и

---

[1]) Изъ дѣла Тург. обл. архива. О возмутителѣ Емелькѣ Пугачовѣ, № 85, I, лист. 140—141.

[2]) Тамъ же, листъ 152 и 160.

[3]) Тамъ же, л. 841.

пороху. Дюковъ, этотъ второй Мининъ [1]), предводительствовалъ мѣщанами, купцами и разночинцами изъ отставныхъ, коихъ набралось 204 человѣка, способныхъ стать подъ ружьемъ. Дворянство составило ополченіе изъ 250 человѣкъ, подъ начальствомъ отставнаго секундъ-маіора Николая Николаевича Пекарскаго [2]), Уфимскаго предводителя дворянства. *Штатная рота* „Уфимскихъ инвалидовъ“ въ 200 человѣкъ, 150 Уфимскихъ казаковъ, до 40 пушекъ съ 58-ю артиллеристами, частію бывшими при нихъ и частію набранными изъ отставныхъ, стали подъ команду командира роты капитана Кузьмы Кузьмича Пастухова. А всего въ Уфѣ нашлось 862 защитника, готовыхъ „положить животъ свой за други своя“. Орудія распредѣлены были на четыре крѣпостныхъ и одну подвижную (съ легко-конной запряжкой) батареи. Одна изъ нихъ въ 12 орудій была поставлена на берегу Бѣлой по направленію Оренбургской дороги, другая (6 пушекъ) на горѣ Усолкѣ, третья, въ 8 пушекъ, на кладбищѣ, лицомъ на Сибирскую дорогу, и четвертая, съ 6-ю орудіями на горѣ надъ р. Бѣлой близъ нынѣшняго архіерейскаго дома. Остальныя восемь орудій составили подвижную батарею. Кругомъ города были назначены казачьи разъѣзды и патрули [3]).

Приготовившись такимъ образомъ къ встрѣчѣ врага, комендантъ и воевода съ казакомъ Матрусинымъ послали Рейнсдорпу донесеніе и снова просили помощи. Но посланный, всюду задерживаемый волновавшимися уже крестьянами и Башкирами, которые даже грозили убить его, едва-едва добрался 30-го Сентября 1773 года до Оренбурга, гдѣ уже началась въ это время Пугачовская осада [4]), такъ что о высылкѣ въ Уфу какой либо помощи и думать было нельзя.

Одновременно съ этимъ, того же 30-го числа, чрезъ торговаго человѣка изъ казаковъ Василія Трифонова, въ Уфѣ было получено извѣстіе, что къ городу подвигается непріятельская рать въ 10 тыс. человѣкъ Башкировъ, крестьянъ, Татаръ, Мордвы и казаковъ съ предводителями ихъ Яицкимъ казакомъ Иваномъ Зарубинымъ (или по просту Чикою) и Уфимскимъ уроженцемъ, торговымъ человѣкомъ изъ казаковъ, Васпліемъ Губановымъ.

27-го Сентября Чика пировалъ на Богоявленскомъ (мѣдноплавильномъ) заводѣ, прикащикъ коего и всѣ заводскіе крестьяне, видимо, держа сторону злодѣевъ, даромъ угощали ихъ, а 30-го Сентября онъ занялъ окрестности Уфы [5]).

На другой день, т. е. 1-го Октября, чуть свѣтъ, когда еще въ церквахъ служили заутреню, Уфимскіе разъѣздные казаки замѣтили приближающіяся толпы мятежниковъ: съ Оренбургской стороны шелъ Чика и остановился въ 18 верст. въ с. Чесноковкѣ, а по Сибирской дорогѣ подвигался

---

[1]) Разница лишь въ томъ, что Мининъ былъ говядарь, Дюковъ рыбный торговецъ

[2]) Извѣстный своими учеными трудами покойный академикъ П. П. Пекарскій, какъ можно прослѣдить по родословнымъ записямъ дворянъ Уфимской губерніи, доводится роднымъ внукомъ ему.

[3]) Дѣло Тург. Обл. архива № 85, т. III, листъ 3117 и т. д. (см. журналъ „Осады Уфы“).

[4]) Тамъ же л. 330. Книга явокъ Оренбург. губерн. канцел. 1773, л. 30.

[5]) Сыскн. дѣло Уфимск. воевод. канцел. 1773 г., вязка II, л. 110.

Губаповъ къ с. Богородскому, также въ 18-ти верс. отъ города. Отряды были громадные. Въ нихъ, кромѣ Башкировъ и крестьянъ, были замѣтны солдаты и Яицкіе казаки съ нѣсколькими орудіями.

Объ этомъ сейчасъ же донесено было воеводѣ, который немедленно отправился въ соборъ и оттуда, послѣ обѣдни, былъ совершенъ крестный ходъ кругомъ города.

На слѣдующій день двѣ партіи охотниковъ вышли изъ Уфы попытать счастія въ борьбѣ съ врагомъ. Одна изъ нихъ въ 30 человѣкъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и казаковъ съ Дюковымъ во главѣ направилась по Сибирской дорогѣ; другая же въ 25 стрѣлковъ, подъ начальствомъ сержанта Ладыгина, переправилась за Бѣлую на Оренбургскую сторону.

Дюкову посчастливилось встрѣтить толпу Башкировъ около 100 человѣкъ; завязалась перестрѣлка, и плоховооруженные мятежники скоро бѣжали, оставивъ трехъ убитыми (у насъ же убитъ одинъ мѣщанинъ); но охотники, боясь засады, не преслѣдовали противника и 3-го числа возвратились въ Уфу. Ладыгинъ же съ своей партіей успѣлъ только разузнать, что Чика сильно укрѣпляется въ Чесноковкѣ, и 4-го Октября вернулся въ городъ.

Погода въ это время стояла сырая, шли дожди, дороги по окрестностямъ были испорчены. Только съ 8-го Октября начались первые морозы; окрайны Бѣлой начали замерзать. Но бунтовщики еще не показывались близъ города, ожидая, должно быть, когда рѣка замерзнетъ совсѣмъ. Лишь 9-го числа утромъ на противоположной сторонѣ Бѣлой появился небольшой отрядъ Яицкихъ казаковъ съ бѣлыми платками на пикахъ *). Видимо они вызывали переговорщиковъ. Воевода послалъ на лодкѣ къ нимъ Дюкова, и когда онъ переѣхалъ на другую сторону, къ нему подъѣхали двое мятежниковъ: одинъ повидимому казачій начальникъ, другой, одѣтый въ офицерскій мундиръ, изображалъ при немъ нѣчто въ родѣ адъютанта, ближайшаго совѣтника.

— Кто у васъ тутъ воевода и комендантъ? спросилъ казакъ Дюкова. Гдѣ они? Я желаю видѣть ихъ и говорить съ ними.

Дюковъ отвѣчалъ, что онъ посланъ отъ воеводы. Что вамъ, господа, нужно?

— Намъ нечего съ тобой говорить. Ступай, скажи воеводѣ и коменданту, чтобы они не противились законному государю!

Посланный въ точности исполнилъ желаніе мятежниковъ. Воевода и комендантъ, посовѣтовавшись между собой, приказали Дюкову передать бунтовщикамъ, что-де начальство Уфимское и само видитъ, что городу не устоять, но народъ-де хочетъ защищаться и не только не послушаетъ ихъ, а даже могутъ убить, ежели они только помыслятъ о сдачѣ города, пока-де надо выждать время, и потомъ они сдадутъ городъ.

Мятежные предводители выслушали Дюкова и потомъ съ гнѣвомъ сказали ему: „По указу Его И. В-ва дается вамъ сроку три дня на размышленіе, или страшитесь государева гнѣва“.

---

*) Дѣло Уфимс. комендан. канцеляр. 1773, в. 3 и 4, листы 11, 13, 118 и 119.

— Да ты, умная голова, не изъ командировъ-ли будешь? спросилъ Дюкова мнимый офицеръ.

— Нѣтъ! Я только теперь временный солдатъ всемилостивѣйшей Государыни нашей и долженъ исполнять волю начальства.

— Хорошо баишь, умная голова! Такъ скажи своему начальству что̀ слышалъ, да и жителямъ скажи, а особливо господамъ казакамъ: имъ не гоже, тяжкій грѣхъ есть поднимать руку на законнаго государя; Богъ и царь накажутъ ихъ.

Воевода, комендантъ и множество горожанъ стояли на берегу, когда Дюковъ воротился съ такимъ отвѣтомъ и объявилъ его имъ.

— Что-жъ, православные, али намъ сдавать городъ? Какъ вы хотите, а я до послѣдняго издыханія буду стоять за вѣру, Государыню нашу и отечество: вѣдь я присягу принималъ! сказалъ тутъ воевода.

— Мы тоже всѣ присягали. Хошь сечасъ веди насъ противъ злодѣевъ! завопилъ народъ [1]).

Три условленныхъ дня мятежники дѣйствительно нигдѣ не показывались. Холода за это время усилились, и власти, опасаясь скораго замерзанія рѣки, много защищавшей городъ отъ скопищъ мятежниковъ, старались поддерживать его искусственно, приказывая горожанамъ и вогнскимъ людямъ каждый день расчищать полыньи.

На четвертый день утромъ на берегу Бѣлой снова явились съ бѣлыми значками казаки. Опять къ нимъ посланъ былъ Дюковъ. На этотъ разъ предводитель бунтовщиковъ, оказавшійся самимъ Чикою, былъ одѣтъ въ мѣховой полушубокъ съ Андреевскою звѣздой на груди.

— А гдѣ-жъ воевода? встрѣтилъ онъ посланнаго. Я хочу говорить съ головой, а не съ хвостомъ.

Борисовъ, въ сопровожденіи секретаря своего Протопопова и еще одного дворянина, немедленно поѣхалъ къ Чикѣ, который по прежнему требовалъ сдачи Уфы. Но воевода тоже отвѣчалъ ему, какъ и ранѣе черезъ Дюкова [2]).

— Охъ, смотри! Это твоя хитрость протянуть время! сказалъ ему Чика. Не думаешь ли ты обмануть государя? Не думаешь ли, что помощь подойдетъ? Не жди: самъ государь стоитъ подъ Оренбургомъ!

Борисовъ еще разъ повторилъ свое обѣщаніе, упомянувъ при этомъ, что „теперь до поры, до времени нѣтъ нужды вести переговоры, а когда нужно, онъ самъ дастъ знать Зарубину (т. е. Чикѣ“).

— Ладно! промолвилъ Чика. Переговоровъ не будетъ, дамъ вамъ время подумать; но помни, воевода, за твое упорство ты и все твое начальство будете повѣшены, городъ сожженъ, жители перебиты, а иные проданы Киргизамъ.

---

[1]) Разговоры эти въ нѣсколько измѣненномъ и слишкомъ пространномъ видѣ значатся въ особой запискѣ Уфимской коменд. канц. в. 4, листы 130—284.

[2]) Дѣло Тург. обл. ар. № 85, III, л. 50 и 51.

Чика уѣхалъ. Борисовъ возвратился въ Уфу. Въ карманѣ его секретаря Протопопова оказались незамѣтно положенныя казаками Пугачовскія прокламаціи. Ихъ тотчасъ же запечатали въ конверты и положили хранить въ денежный сундукъ. Но на другой день точно такія же воровскія письма были наклеены на воротахъ отставнаго солдата Чибурина по Сибирской улицѣ и на стѣнѣ церкви свв. мучен. Флора и Лавра въ Флоровской улицѣ. Поэтому, какъ эти письма, такъ и письма, представленныя Протопоповымъ, въ тотъ же день были сожжены рукой палача, и жителямъ объявлено съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто найдетъ подобныя письма, немедленно долженъ представлять ихъ въ воеводскую канцелярію; кто же отыщетъ виновнаго въ распространеніи писемъ будетъ награжденъ, а кто утаитъ ихъ будетъ повѣшенъ [1]).

Чика и Губановъ вездѣ устроили разъѣзды, не допуская никого въ городъ, особенно же съѣстные припасы и дрова, грабили проѣзжихъ, захватывали въ плѣнъ и убивали.

Поутру 18-го числа на Сибирской дорогѣ показалась толпа Башкировъ, вооруженныхъ большею частію кольями и топорами. На встрѣчу имъ вышли капитанъ Пастуховъ съ 50 солдатами и Дюковъ съ нѣсколькими мѣщанами. Бунтовщики было храбро ринулись на горсть Уфимскихъ защитниковъ, но при первомъ же залпѣ солдатъ разстроились и постыдно бѣжали, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми и нѣсколько ранеными; трое мятежниковъ были захвачены въ плѣнъ. Побѣда эта досталась намъ очень легко: только одинъ солдатъ былъ раненъ стрѣлой.

Плѣнниковъ допрашивали въ комендантской канцеляріи, и они показали, что у Губанова 8,000 войска и 9 пушекъ [2]).

Настала зима. Ледъ покрылъ всѣ рѣки. Бѣлая, не смотря на тщетныя усилія горожанъ задержать ея замерзаніе, наконецъ, стала. Чика началъ готовиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и 19-го Октября вызвалъ къ себѣ на совѣтъ Губанова. Мятежники рѣшили дѣйствовать дружно; но впослѣдствіи Губановъ почему-то не сдержалъ своего слова. Говорятъ, что онъ боялся, какъ-бы воевода и комендантъ, за его измѣну, не погубили его семью, жившую въ то время въ Уфѣ.

22-го числа утромъ, Чика со всѣми своими силами выступилъ изъ Чесноковки и, занявъ лѣвый берегъ Бѣлой, противъ главной крѣпостной батареи, открылъ изъ своихъ пушекъ частый артиллерійскій огонь. Изъ города также отвѣчали изъ всѣхъ пушекъ, направленныхъ на Оренбургскую дорогу. Одновременно по Сибирской дорогѣ показался съ разношерстной ратью Губановъ и, не дойдя верстъ двухъ до города, остановился въ выжидательномъ положеніи.

Орудійная пальба Чики продолжалась до вечера. Къ сумеркамъ выстрѣлы замѣтно стали рѣдѣть и, наконецъ, мятежники совсѣмъ прекратили стрѣльбу и не спѣша стали отступать. Воспользовавшись этимъ моментомъ,

---

[1]) Дѣло о Пугачовѣ № 85, III, 38.

[2]) Дѣло Уфим. коменд. канц. 1773, л. 39.

когда уже совершенно стемнѣло, отставной прапорщикъ Ерлыковъ съ 20 солдатами и Дюковъ съ 60-ю своими молодцами захватили два легкихъ орудія, спустились мимо нынѣшняго архіерейскаго дома къ Бѣлой, перешли ее, незамѣтно пробрались перелѣскомъ и неожиданно ударили въ тылъ противнику, открывъ залпъ изъ ружей и орудій. Мятежники были устрашены такимъ внезапнымъ нападеніемъ, бросили на мѣстѣ дѣйствія свои четыре пушки безъ лафетовъ, 13 плѣнниковъ и 28 человѣкъ убитыми и отъ страха постыдно бѣжали. Дюковъ и Ерлыковъ за темнотой ночи не преслѣдовали врага и воротились въ городъ, гдѣ народъ радостно привѣтствовалъ ихъ. И не смотря на позднее уже время, въ Смоленскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о столь счастливой побѣдѣ. Радость Уфимцевъ была невыразима.

Въ туже ночь захваченныхъ плѣнныхъ допрашивали въ комендантской канцеляріи, и изъ допросовъ ихъ выяснилось, что у Чики было до 10 тыс. мятежниковъ и 24 пушки безъ лафетовъ. Кромѣ того онъ послалъ на Заводы еще за пушками. Въ лагерѣ его Чесноковкѣ постоянно пируютъ казаки, развратничаютъ и сорятъ деньгами на право и на лѣво. Чика и Губановъ ведутъ непрерывную переписку съ Пугачовымъ. Всѣ получаемые отъ послѣдняго изъ Берды приказы Чика прочитываетъ, собравъ, по казацкому обыкновенію кругъ и потомъ ужъ отдаетъ соотвѣтствующее приказаніе. Мятежники дѣйствовали только съ согласія своихъ предводителей; Яицкіе же казаки могли поступать такъ, какъ имъ вздумается.

Потерпѣвъ первое свое пораженіе подъ Уфой, Чика долго не показывался подъ ея стѣнами. Впрочемъ были схватки, но очень незначительныя 27-го Октября на Сибирской, а потомъ на Оренбургской дорогахъ; затѣмъ 29-го числа и 2-го и 4-го Ноября шайки бунтовщиковъ подступали къ Уфѣ и, выпустивъ нѣсколько ядеръ, уходили, не нанеся урона осажденнымъ.

8-го Ноября посланные Чикой переговорщики снова требовали отъ воеводы сдачи города, но по прежнему безуспѣшно. 10 и 11-го Дюковъ, сержантъ Ладыгинъ и урядникъ Поповъ еще разъ дѣлали вылазки за р. Бѣлую и оба раза удачно. Дюковъ былъ всегда впереди съ своими молодцами *).

Между тѣмъ въ Уфѣ ощущался все больше и больше недостатокъ въ продовольствіи и другихъ жизненныхъ припасахъ. Все страшно вздорожало. И если бы, какъ говоритъ преданіе, не Золотуха (предмѣстье города близъ Усольскихъ горъ), то жители всѣ повымерли бы съ голода. Пользуясь крутизнами занимаемаго ими мѣстоположенія на мысѣ, между рр. Уфой и Бѣлой, недоступнымъ для мятежниковъ, жители Золотухи своими запасами хлѣба, сѣна и прочаго, хотя не за дешевую цѣну, но все таки дѣлились съ горожанами. Между тѣмъ за Бѣлой были городскіе стога сѣна, почему-то не уничтоженные мятежниками; но до нихъ трудно было добираться. 17-го Ноября капралъ Семечкинъ съ 15-го солдатами рѣшился было попользоваться сѣномъ. Въ это время бунтовщики окружили его со всѣхъ сторонъ,

*) Дѣло Уфимской коменд. канцеляріи 1773, в. 3, л. 204—214.

и лихая попытка закончилась тремя убитыми и семью ранеными; и если бы на выручку не подоспѣлъ капитанъ Пастуховъ съ сотнею солдатъ и двумя орудіями, то всѣ смѣльчаки эти достались бы въ жертву врагамъ.

Послѣ этого до 21-го Ноября съ обѣихъ сторонъ стояло затишье. Непріятель ничего не предпринималъ. Только утромъ, въ день праздника Введенія во храмъ Богородицы, едва отошла церковная служба, съ южной стороны загремѣли орудія Чики. И въ тоже время съ Сибирской дороги появились шайки Губанова съ 7-ю пушками и остановились отъ города приблизительно на пушечный выстрѣлъ.

Уфимское начальство раздѣлило гарнизонъ на двое: одна часть его, подъ начальствомъ воеводы, заняла Сибирскую улицу и всѣ выходы съ Сибирской стороны; другая же, подъ управленіемъ коменданта, обратилась на Оренбургскую дорогу.

Теперь у Чики были уже единороги и мортиры. Но, поставивъ противъ города три батареи, онъ попрежнему не причинялъ вреда гарнизону. Должно быть, артиллеристы его не умѣли стрѣлять, такъ что за время дневнаго боя зажгли ядромъ одну лишь отдѣльно стоявшую избу близъ Бѣлой; но народъ, разобравъ ее тотчасъ же, не далъ распространиться огню. Напрасно Чика въ своемъ бараньемъ, крытомъ бархатомъ, полушубкѣ съ Андреевской звѣздой на груди и въ высокой овчинной шапкѣ, скакалъ отъ орудія къ орудію, отъ пѣхоты къ конницѣ, поставленнымъ внѣ дѣйствія огня, и отъ конницы опять къ пушкамъ, билъ нагайками артиллеристовъ, понукалъ казаковъ, кричалъ на пѣхотинцевъ; дѣло мало спорилось. За весь день въ Уфѣ было только трое убитыхъ, между тѣмъ какъ отъ мѣткихъ крѣпостныхъ выстрѣловъ мятежники падали рядами. Подъ Чикой убита сначала одна лошадь; онъ пересѣлъ на другую; къ вечеру убили и другую, онъ пересѣлъ на третью и все продолжалъ скакать неистово по полю, усѣянному тѣлами мятежниковъ. Губановъ же все время боя бездѣйствовалъ.

Уже смерклось, когда Чика, убравъ пушки, медленно потянулся въ свой лагерь. Слѣдомъ за нимъ тихо, осторожно, тѣмъ же путемъ, какъ 22-го Октября, выступили 240 Уфимцевъ съ двумя орудіями. Молодцамъ и на этотъ разъ посчастливилось. Они захватили 40 человѣкъ въ полонъ, уложивъ 30 мятежниковъ убитыми и ранеными. Въ тоже время съ Сибирской стороны съ 300 солдатъ при двухъ пушкахъ вышли на Губанова маіоръ Пекарскій и купецъ Дюковъ. Но того давно и слѣдъ простылъ. Только въ хвостѣ его колонны наши воины настигли запоздавшую шайку, изъ которой 20 человѣкъ пало мертвыми и 15 взято въ плѣнъ. Всѣ захваченные мятежники потомъ оказались или крестьянами, или Башкирами, Чувашами и другими инородцами; но не было ни одного Яицкаго казака.

Уфа ликовала. Въ церквахъ радостно звонили колокола, служили молебны, народъ торжествовалъ, молился и славилъ Бога.

Между тѣмъ комендантъ и воевода видѣли горестное состояніе города: хлѣба нѣтъ, боевые запасы истощились, держаться дольше и защищать городъ было нечѣмъ.

Посовѣтовавшись, они еще разъ послали въ Оренбургъ двухъ надежныхъ людей съ просьбой о помощи, хотя хорошо знали о плачевномъ состояніи этого города; а на другой день повѣдали горожанамъ о своемъ тяжкомъ горѣ. Народъ не смутился, не палъ духомъ. Всѣ были вполнѣ увѣрены, что они безъ всякой посторонней помощи отстоятъ городъ. Среди жителей носились даже слухи, что изъ церкви Св. Пророка Иліи выѣзжалъ на конѣ мужъ свѣтлый и грозный видомъ, наводитъ страхъ на осаждающихъ; на колокольнѣ Успенскаго монастыря вырѣзанный изъ желѣза въ видѣ флюгера ангелъ постоянно, въ какой бы ни было вѣтеръ, стоитъ обращенный лицомъ къ Чесноковкѣ и угрожаетъ мятежникамъ. Многіе вѣрили предсказанію отца Невѣрова, „Богородица спасетъ насъ“, такъ какъ два приступа какъ нарочно отбиты въ дни Богородичныхъ празднованій: 22-го Октября и 21-го Ноября. Народъ даже самъ хотѣлъ идти на мятежниковъ въ Чесноковку, разбить ихъ, разграбить и уничтожить это разбойническое гнѣздо и только благодаря совѣтамъ и благоразумію воеводы коменданта не привелъ въ исполненіе такой пагубной затѣи.

Чтобы насколько возможно сберечь боевые причасы, съ этого дня гарнизонъ сталъ уклоняться отъ безполезной перестрѣлки съ мятежниками, когда они подходили незначительными партіями. Но бунтовщики, получивъ хорошій урокъ, долго не показывались. Лишь ночью 6-го Декабря мятежники незамѣтно пробрались въ городъ, подожгли домъ на Флоровской улицѣ и въ общей суматохѣ начали грабить и убивать. Въ церквахъ ударили набатъ, караульщики затрещали въ трещетки, народъ сбѣжался, затушилъ пожаръ, лихо и скоро расправился съ мятежниками, захвативъ въ плѣнъ четверыхъ, изъ коихъ на другой день трое были повѣшены, а четвертый съ отрѣзанными носомъ и ушами былъ отправленъ къ Чикѣ, „дабы не позволялъ онъ другой разъ разбойничать“ [1]).

Послѣ этого мятежники не отваживались уже дѣлать воровскіе набѣги Весь Декабрь и почти Январь 1774 года прошли спокойно. Чика два раза опять было предлагалъ условія сдачи города, но также не имѣлъ успѣха [2]).

25-го Января былъ сильный буранъ. Мятежники воспользовались этимъ временемъ и рано утромъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Народъ перетрусилъ. Звуки набата смѣшались съ отчаянными воплями. Гарнизонъ, ободряемый начальниками, хотя держался стойко, но не могъ выдержать насѣдающихъ на него массъ.

Сдѣлавъ сильный залпъ изъ орудій, поставленныхъ на льду Бѣлой, Чика съ своими казаками бросился на главную крѣпостную батарею и тотчасъ же почти безъ боя завладѣлъ ею. Одновременно Губановъ ворвался съ Сибирской улицы и захватилъ всѣ поставленныя тамъ противъ него пушки. Наконецъ, съ Усольской улицы ломились еще бунтовщики. Тогда бой закипѣлъ въ городѣ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ. Громадные

[1]) Дѣло Оренбург. оберъ-коменд. 1774, вязко 3, л. 71.
[2]) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 40 и т. д.

сугробы снѣга выше заборовъ не давали ходу мятежникамъ и были чуть ли не единственной защитой осажденнымъ въ домахъ жителямъ. Плохо вооруженные Чикинскіе пѣхотинцы вязли въ снѣгу, мѣтко поражаемые пулями. Больше всѣхъ въ этомъ бою отличились Ладыгинъ съ своими стрѣлками и Дюковъ съ молодцами - мѣщанами. Первый хотѣлъ было обойти въ тылъ Чики, но былъ убитъ, и команда его разсѣялась. Къ счастію, подоспѣли 4 орудія легкой батареи и картечью очистили дорогу. Подъ Чикой была убита лошадь, онъ пересѣлъ на другую. Но, не смотря на его хладнокровіе (стоя на горѣ, онъ самъ руководилъ сраженіемъ), поражаемые картечью и пулями солдатъ капитана Пастухова, мятежники дрогнули и бросились бѣжать, вязли въ снѣгу и снова попадали подъ выстрѣлы. Вскорѣ главная батарея надъ Бѣлой была отбита, силы у защитниковъ прибавилось, выстрѣлы участились. Чика уже не могъ удержать бѣгущихъ, старавшихся скрыться отъ губительнаго огня въ овраги, гдѣ они гибли въ сугробахъ. Мятежный предводитель и самъ едва-едва убрался оврагомъ на Золотуху.

Тѣмъ временемъ на Сибирской сторонѣ бой еще продолжался. Губановъ сильно насѣдалъ; но подоспѣвшая, послѣ пораженія Чики, батарея заставила его остановиться. Картечь и здѣсь скоро произвела потрясающее дѣйствіе. Губановскіе сообщники бѣжали, устилая землю мертвыми и ранеными и побросавъ захваченныя крѣпостныя и три своихъ пушки, которые были поставлены на полозья.

Надвинулась уже ночь, когда былъ окончательно отбитъ приступъ. Горожане молились по церквамъ, гарнизонъ убиралъ тѣла своихъ убитыхъ, которыхъ отыскалось только 20 человѣкъ и которые на другой же день съ честью были погребены при Смоленскомъ соборѣ [1]).

Третій разъ Уфа праздновала побѣду надъ врагами. Подъемъ духа былъ сильный. Солдаты и народъ всѣ поголовно собирались идти добить противника въ Чесноковкѣ. Роптали на начальство и видѣли уже измѣну. „Въ Чесноковку, на злодѣя Чику!“ слышались крики. Начальство, понимая опасность и зная про недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, голодъ и болѣзни въ городѣ, всѣми мѣрами старалось отговорить жителей отъ этого безумнаго шага.

Воевода нѣсколько разъ уговаривалъ народъ, обѣщалъ самъ идти на врага въ Чесноковку, когда придетъ время, „а теперь надо обождать“. Духовенство ободряло и наставляло православныхъ въ терпѣніи и въ повиновеніи властямъ. Каждый праздникъ кругомъ города совершался крестный ходъ съ хоругвями и иконами Смоленской и Казанской Богоматери. Жители говѣли, исповѣдывались и причащались, каждый день готовясь къ смерти. А тѣмъ временемъ голодъ и дороговизна жизненныхъ припасовъ усиливались все больше и больше [2]) Разсказываютъ, что солдатамъ выдавали хлѣба „по

---

[1]) Всего во время осады Уфы было убито 100 человѣкъ, тѣла коихъ покоятся въ трехъ ямахъ около этого собора или нынѣ Троицкой церкви. Много умерло отъ голода и различныхъ болѣзней, усилившихся въ это время въ городѣ.

[2]) Пудъ ржи продавался по 1 р. 20 к., пудъ пшеницы по 1 р. 60 к. Ред.

полупайку"; а чтобы не кормить даромъ арестантовъ изъ мятежниковъ, начальство распорядилось утопить ихъ въ Бѣлой, для чего была выстроена надъ прорубью изба, гдѣ вмѣсто пола былъ сдѣланъ прорубъ, такъ что всякій входившій въ нее арестантъ неминуемо попадалъ въ воду, и народъ прозвалъ избу эту *„тайной тюрьмой"* [1]).

27-го Января Чика снова появился подъ городомъ, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, ушелъ обратно. 30-го числа они опять вмѣстѣ съ Губановымъ обстрѣливали Уфу, но также безъ всякаго успѣха. Въ крѣпости сберегали боевые заряды и на десять-двадцать выстрѣловъ мятежниковъ выпускали одинъ или два крѣпостныхъ. 3-го Февраля Чика снова палилъ по городу, почти безъ всякаго вреда, если не считать того, что во время крестнаго хода изъ Христорождественскаго женскаго монастыря мятежнымъ ядромъ перешибло пополамъ одну послушницу, несшую икону, и двухъ контузило. Но послѣ этого, въ теченіе всего Февраля и Марта, мятежники ничего не предпринимали, посылая въ городъ только свои воровскія письма [2]), коимъ уже не вѣрилъ народъ, а рвался все сразиться съ врагомъ.

Наконецъ, въ Уфѣ открылась ранняя весна. Была сильная распутица. Чика и Губановъ попрежнему бездѣйствовали. Вдругъ, въ ночь на 25-го Марта, вдали, по Оренбургской дорогѣ, Уфимцы увидѣли зарево, какъ бы отъ большаго пожара. „Что бы значило это?" недоумѣвали они. По обыкновенію въ 3 часа ночи, такъ какъ къ тому же день былъ праздничный, ударили къ заутрени; народъ потянулся въ храмы Божіи, начальство собиралось въ Смоленскомъ соборѣ. Какъ разъ въ самый разгаръ богослуженія прискакалъ къ собору офицеръ и объявилъ жителямъ, что наканунѣ Чика былъ разбитъ подполковникомъ Михельсономъ [3]). Уфа была освобождена. И въ тотъ же день во всѣхъ церквахъ были отслужены благодарственные молебны. По окончаніи литургіи въ Смоленскомъ соборѣ протоіерей Невѣровъ сказалъ прочувствованное слово, на текстъ „Сея бо насъ спасла есть, Богородице!" И добавилъ въ заключеніе: „Завѣщая потомкамъ или жителямъ сего богоспасаемаго града туже вѣрность Царю и отечеству и ко всякой власти отъ Царя поставленной, завѣщаемъ имъ не забыть никогда день спасенія сего града— день двадцать пятаго Марта".

Но, увы, только черезъ сто лѣтъ горожане Уфимскіе вспомнили эти знаменательныя слова и съ 25-го Марта 1874 года установили каждогодно совершать въ Троицкой церкви поминовеніе всѣхъ защитниковъ Уфы отъ мятежныхъ нападеній Чики и Губанова.

---

[1]) Оренб. Губ. Вѣд. 1864 г. ст. Сомова „Описаніе Уфы". Преданіе это заимствовано изъ неизданныхъ записокъ о Пугачовскомъ бунтѣ современника, В. А. Рембелинскаго.

[2]) Дѣла Оренб. оберъ-коменд. 1774, в. 3, л 73—75.

[3]) Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ (Орен. Лист. 1877, № 16, Орен. Епар. Вѣд. 1874 г., № 8, Уфим. Губ. Вѣд. 1874, № 12, Справоч. Книж. Уфим. губ. 1883 г. стр. 289) говоритъ, что Уфу освободилъ князь Петръ Михайл. Голицынъ. Странно тогда, какимъ же образомъ онъ 22 Марта того же года очутился подъ Оренбургомъ и захватилъ кр. Татищеву, отъ которой до Уфы не менѣе 300 верстъ. Явная несообразность.

Михельсонъ, не останавливаясь въ Уфѣ, преслѣдовалъ мятежниковъ. Губановъ, узнавъ о пораженіи Чики въ Чеснокovкѣ, того же 25-го Марта бѣжалъ въ Табынскъ. А въ это время Чика скрывался въ Богоявленскомъ заводѣ, гдѣ прикащикъ купца Твердышова, напоивъ его допьяна виномъ, далъ знать о томъ Михельсону, которому потомъ и выдалъ его руками [1]). Губановъ же, по преданію, самъ явился къ Михельсону и отдался ему. Ихъ обоихъ привезли въ Оренбургъ, гдѣ допрашивали и пытали, а потомъ, послѣ поимки Пугачова, отправили въ Петербургъ.

10-го Января 1775 года въ Москвѣ былъ казненъ Пугачовъ. Чику же и Губанова, „со всякою потѣшностью“, повезли въ Уфу, гдѣ они были посажены въ застѣнокъ подъ соборной колокольней, а *10-го Февраля 1775 года* [2]), при громадномъ собраніи народа, была совершена казнь надъ ними.

Чикѣ отрубили голову и воткнули ее на шестъ, который былъ выставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда онъ дѣлалъ на городъ нападенія, а тѣло его было сожжено. Губанову также отрубили голову, которую вмѣстѣ съ тѣломъ потомъ сожгли палачи и развѣяли прахъ его по вѣтру [3]). Преданіе же указываетъ, что трупъ Губанова былъ отданъ его семейству и погребенъ за р. Бѣлой, близъ Оренбургской дороги, гдѣ (многіе старожилы еще помнятъ) стоялъ каменный столбикъ, вмѣсто надгробнаго креста, безъ надписи [4]).

Сообщая объ осадѣ Мензелинска, г. Юдинъ ничего не говоритъ о побѣгѣ воеводы Можарова и маіора Тихановскаго въ Казань. Какъ видно изъ рапорта Брандта, они были преданы за таковой поступокъ суду. Убѣжалъ съ своего поста и комендантъ Бузулука подполковникъ Вульфъ, зять Брандта. Желательно ,чтобы г. Юдинъ точнѣе указалъ на чемъ онъ основывалъ свое сообщеніе. Ред.

VI.

Осада Мензелинска.—Вылазки гарнизона противъ мятежниковъ. — Волненіе подъ Челябинскомъ.—Распоряженіе воеводы Веревкина. — Хорунжій Невзоровъ.—Манифесты Пугачова и ихъ значеніе. — Декалонгъ и его объявленіе.—Побѣда Декалонга и освобожденіе Челябинска отъ осады.

Никогда еще крестьянское возстаніе не было такъ сильно, какъ въ Декабрѣ 1773 года. Бунтъ разгорался чуть не съ каждымъ часомъ. Образовавъ множество отрядовъ, бунтовщики разбрелись во всѣ стороны, всюду устилая путь свой убійствами и освѣщая пожарами. Многолюдная Кундравинская

---

[1]) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 343 и 401.

[2]) Относительно казни Чики и Губанова много разногласій: то они казнены 25-го Января (Орен. Губ. Вѣд. 1847, № 12—15), то въ первыхъ числахъ Февраля (Оренб Губ. Вѣд. 1852, № 8, 14—16). Но въ донесеніи воеводы Оренбургскому губернатору отъ 16 Февраля (дѣло № 85, т. VIII, л. 301) точно указано вышепоказанное нами число.

[3]) Что былъ за человѣкъ Губановъ, какая его была цѣль, бросивъ жену и дѣтей, присоединиться къ Самозванцу, изъ дѣлъ архивныхъ нельзя ничего почерпнуть. Даже въ сентенціи отъ 10 Января 1775 г. о немъ не упоминается, а между тѣмъ архивныя дѣла называютъ его главнымъ сообщникомъ Пугачова.

[4]) Орен. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8.

слобода Исетской провинціи [1]) первая примкнула къ волновавшимся Башкирамъ, которые, только что усмиренные лѣтъ 20 тому назадъ во время Бурзянскаго возмущенія, снова воспрянули духомъ и, соединившись съ крестьянами и мастеровыми горныхъ заводовъ, терзали предѣлы Оренбургской губерніи [2]).

Въ Декабрѣ 1773 года значительная шайка ихъ подступила къ Мензелинску, въ то время очень плохенькому уѣздному городишкѣ, который не представлялось взять никакой трудности, если бы мятежники дѣйствовали умѣло.

Положеніе города было самое плачевное. Изъ 130 отставныхъ солдатъ съ однимъ оберъ-офицеромъ большая часть была выведена въ Уфу. Въ Мензелинскѣ же оставались лишь старики, да малыя дѣти [3]). Но однако и съ такими ничтожными средствами, жители сумѣли выйти побѣдителями, когда бунтовщики съ 23-го по 25-е Декабря подвергли городъ бомбардировкѣ.

Раздраженные этой неудачей, на слѣдующій день, 26-го числа, мятежники рѣшили во что бы то ни стало завладѣть городомъ. 10 тысячъ ихъ съ 14-ю пушками, подъ начальствомъ Башкирскаго старшины Татарина Саяфина, окружили городъ со всѣхъ сторонъ и сначала открыли огонь съ р. Мензелы по городскому пикету, стоявшему въ концѣ Панской слободы. Но командиръ пикета этого, капитанъ Тихановскій отвѣчалъ имъ тѣмъ же, а чтобы бунтовщики не могли переправиться черезъ рѣку, приказалъ спустить въ этомъ мѣстѣ воду. Тогда мятежники отступили и, переправившись ниже, напали на шедшаго съ командой изъ Нагайбацкой крѣпости капитана Алексѣева. Завязалась отчаянная схватка. Толпа бунтовщиковъ, насѣдая на команду, приблизилась къ городу и зажгла гумна и одинъ крайній дворъ. Изъ города дали сильный залпъ. Мятежники остановились, но потомъ, послѣ неудачной попытки склонить горожанъ къ добровольной сдачѣ города, снова ринулись на крѣпостные валы. Съ часу дня до сумерекъ бились враги, но въ концѣ концовъ, потерявъ три пушки, принуждены были отступить съ значительнымъ урономъ. У насъ же было убито шесть человѣкъ и нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ капитанъ Алексѣевъ въ руку пикой.

Извѣдавъ картечь Мензелинскихъ пушекъ, мятежники уже не подступали близко къ городу; только конныя партіи ихъ въ 200—300 всадниковъ разъѣзжали по окрестностямъ и препятствовали жителямъ выѣзжать изъ города за необходимыми предметами продовольствія. Видя нерѣшительность бунтовщиковъ, горожане надумали сдѣлать противъ нихъ вылазку, и когда, 12-го Января, партія въ 300 конныхъ и пѣшихъ Башкировъ показалась вблизи

---

[1]) Нынѣ Троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи казачья станица.

[2]) Изъ рапортовъ Михельсона А. М. Бибикову видно, до какого ожесточенія дошли Башкиры: „въ нихъ злость и жестокость съ такою яростью вкоренились, что рѣдкій живой въ полонъ отдавался, а которые и были захвачены, то нѣкоторые вынимали ножи изъ кармановъ и рѣзали людей ихъ ловившихъ“. Ред.

[3]) Справочн. книжка Уфимской губ. 1883 г., II, стр. 296.

города, а потомъ скрылась изъ вида, маіоръ Петровъ и прапорщики Дударь и Самарцевъ съ отрядомъ вышли въ поле и, не смотря на глубокій снѣгъ, засѣли въ кустахъ около дороги. Чрезъ нѣсколько минутъ бунтовщики снова показались и направились къ Мензелинску; но какъ только они миновали кусты, солдаты дали ружейный залпъ и потомъ бросились на нихъ въ тылъ. Въ тоже время изъ города вышли съ командой маіоръ Головъ и капитаны Евсѣевъ и Рушинскій и съ противоположной стороны начали тѣснить мятежниковъ. Башкиры смѣшались и бросились къ дер. Мазиной, откуда, поддержанные новыми толпами, воротились назадъ; но дружнымъ натискомъ Мензелинцы сломили ихъ и преслѣдовали до Мазиной, захвативъ 2-хъ въ плѣнъ и 22 убитыми. Одновременно съ другой стороны у дер. Деуковой маіоръ Ляховичъ и капитанъ Евсѣевъ съ 80 человѣками пѣхоты и мѣщанъ обратили въ бѣгство 500-ную толпу, полонивъ одного старшину Абдулу Егафѣева и 50 Башкировъ со знаменемъ, которое было въ рукахъ убитаго въ дѣлѣ Башкирскаго сотника.

Такъ блистательно были отражены противники, которые хлынули прочь и больше за все время Пугачовскаго мятежа не показывались подъ Мензелинскомъ. Жители же въ воспоминаніе этого событія установили каждогодно въ Маѣ ко дню Св. Николая Чудотворца приносить изъ г. Елабуги икону Спаса Нерукотворнаго Образа и совершаютъ моленія о погибшихъ въ бою предкахъ своихъ [1]).

Бунтъ тѣмъ временемъ разгорался съ большей силой и перешелъ далѣе къ границамъ Сибири. Въ Январѣ 1774 года опасность уже угрожала г. Челябинску, бывшему тогда центромъ управленія Исетской провинціи, въ кругъ которой входили вся Зауральная Башкирія и уѣзды или по тогдашнему дистрикты: Исетскій (Челябинскій), Шадринскій, Окуневскій, Куртамышевскій и Увельскій. Воеводою въ то время въ Челябинскѣ былъ стат. сов. Алексѣй Петровичъ Веревкинъ, человѣкъ умный и энергичный. Такъ какъ въ провинціи совсѣмъ не было войскъ, ибо большая часть Исетскихъ казаковъ была выведена въ Оренбургъ и по прилинейнымъ ближайшимъ къ Оренбургу крѣпостямъ, то онъ, когда получилъ отъ Рейнсдорпа первое извѣстіе о появленіи Пугачова и открытіи мятежа въ сосѣднихъ провинціяхъ, для защиты ввѣреннаго ему края сдѣлалъ слѣдующее довольно оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣльное распоряженіе.

Первымъ дѣломъ онъ приказалъ изъ всѣхъ людей выбрать 1300 здоровыхъ и способныхъ къ строю человѣкъ, назвавъ этотъ отрядъ *временнымъ казачествомъ*, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ казаковъ имѣлъ свое огнестрѣльное оружіе, у кого какое найдется, и запасъ провіанта на двѣ недѣли; а потомъ велѣлъ собраться въ Челябинскъ всѣмъ отставнымъ солдатамъ, проживающимъ въ слободахъ [2]).

Распоряженіе это было исполнено въ скоромъ времени, хотя не безъ нѣкоторыхъ злоупотребленій со стороны ближайшихъ его помощниковъ.

[1]) Изъ дѣла Тург. областнаго архива № 85.

[2]) Пермскій Сборн. 1859, кн. I, Ст. Зырянова. „Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ“.

Такъ напримѣръ, въ казаки набирались люди одинокіе, бѣдные, дряхлые или малолѣтки, на которыхъ была плохая надежда въ защитѣ. Чтобы точно установить кого должно выбирать въ казаки, Веревкинъ издалъ другое распоряженіе, „дабы люди набирались здоровые и немалолѣтніе отъ семи человѣкъ одинъ, а остальные шесть должны снабдить его необходимой одеждой, верховой лошадью съ приборомъ и сѣдломъ, фуражомъ и провіантомъ и по 25 коп. деньгами съ каждаго въ мѣсяцъ, приказавъ брать казаковъ изъ большихъ семей, гдѣ было пять-шесть человѣкъ работниковъ; въ тѣхъ же семействахъ, гдѣ было менѣе этого числа душъ, чтобы не разстраивать хозяйства и домашняго быта, не позволялось никого назначать въ казаки *).

Такимъ образомъ составилось временное ополченіе съ воинами въ различныхъ одѣяніяхъ и съ разнообразнымъ вооруженіемъ: у кого были винтовки, у кого ружья - турки, у кого сабли и казачьи шашки, а нѣкоторые были просто съ кольями и рогатинами. Тѣмъ временемъ шайка Башкировъ уже успѣла занять Кундравинскую слободу, обыватели которой встрѣтили ихъ съ почестью, а священникъ вышелъ съ крестомъ. Находившіеся тамъ для защиты слободы крестьяне-казаки схватили своего командира поручика Максимова и выдали его мятежникамъ. Поручикъ былъ посаженъ подъ стражу и на другой день повѣшенъ.

Бунтовщики сожгли тутъ всѣ „конторскія“ дѣла, разграбили казенное имущество и, выпивъ двѣ бочки вина, сопровождаемые крестьянами-казаками и Кундравинскими жителями, направились къ Чебаркульской крѣпости, гдѣ были также встрѣчены священникомъ съ крестомъ и народомъ. На другой день, въ праздникъ Крещенія Господня, мятежники, послѣ обѣдни ходили съ крестнымъ ходомъ на воду, при чемъ священникъ на эктеніяхъ поминалъ императоромъ Петра Ѳеодоровича.

Отъ Чебаркуля до Челябинска оставался одинъ лишь переходъ, и бунтовщики намѣревались подступить къ нему 7-го Января. Въ городѣ въ это время было неспокойно. Среди Челябинскихъ казаковъ, тайно возбуждаемыхъ хорунжимъ Невзоровымъ, началось волненіе, которое вскорѣ разразилось открытымъ возмущеніемъ.

Дня за два до нападенія на Челябинскъ бунтовщиковъ, въ Воскресенье, 5-го Января, когда народъ еще былъ у заутрени, казаки эти во главѣ съ Невзоровымъ напали на часовыхъ, карауливщихъ только что привезенныя съ Сибирской линіи пушки, поставленныя на городской площади противъ церкви и дома воеводы, связали ихъ, завладѣли орудіями, зарядили ихъ и повернули по улицамъ, чтобы стрѣлять по городу; но подоспѣвшіе крѣпостные артиллеристы прогнали ихъ штыками.

Воевода, бывшій въ это время въ церкви, услышавъ шумъ и тревогу, вышелъ на площадь. Мятежники бросились на него, связали и потащили его на воеводскій дворъ „чинить надъ нимъ судъ и расправу“. Богъ знаетъ,

*) Предписаніе Долматскому мірскому старостѣ отъ секундъ-маіора Завороткова, отъ 10 Декабря 1773 года.

чѣмъ бы кончилась эта схватка, если бы не подоспѣли тѣже артиллеристы, которые съ помощію оружія отбили у казаковъ несчастную жертву. Казаки разбѣжались. Невзоровъ, видя неудачу, поспѣшилъ скорѣе скрыться въ Чебаркуль, но пятерыхъ его главныхъ сообщниковъ успѣли схватить и посадили въ тюрьму *).

Тѣмъ временемъ предводитель мятежныхъ шаекъ, пировавшихъ въ Чебаркульской крѣпости, называвшій себя полковникомъ, наградивъ Чебаркульскаго попа за усердіе „двумя ведрами вина и деньгами“ и захвативъ потомъ пять бывшихъ тамъ пушекъ, 7-го Января двинулся къ Челябинску. Городъ еще за три версты встрѣтилъ мятежниковъ пушечными выстрѣлами, на что и они отвѣчали тѣмъ же, и чтобы похвалиться предъ горожанами своей „несмѣтной силой“, разсыпали въ одиночку по возвышенностямъ въ окрестностяхъ Челябинска временныхъ, передавшихся имъ, казаковъ (крестьянъ). Маневръ этотъ однако не имѣлъ никакого существеннаго значенія. Жители Челябинска твердо рѣшились защищаться до послѣдней капли крови.

Слѣдующій день бунтовщики ничего не предпринимали. Только одинъ Невзоровъ не разъ подъѣзжалъ къ крѣпости и убѣждалъ часовыхъ сдаться „законному государю“ и отворить наступающимъ ворота. Желаніе его, наконецъ, исполнили; но едва лишь онъ въѣхалъ въ городъ, какъ тѣже часовые связали его и представили въ воеводскую канцелярію, а на другой день его водили по городу въ *конскихъ* желѣзахъ на показъ народу, какъ измѣнника.

Утромъ 9-го числа мятежники ближе подвинулись къ городу и начали пальбу, которая продолжалась до полудня, не причинивъ однако гарнизону никакого вреда. Тогда бунтовщики, видя, должно-быть, безуспѣшность своихъ дѣйствій и невозможность побѣдить городъ, хотя и были подкрѣплены четырьмя сотнями Баштымскихъ крестьянъ при двухъ орудіяхъ, отхлынули отъ Челябинска къ дер. Шершневой, гдѣ къ нимъ присоединились еще нѣсколько шаекъ изъ рабочихъ Кыштымскаго, Каслинскаго и Уральскаго заводовъ.

Со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень текли къ мятежникамъ вооруженныя и невооруженныя шайки крестьянъ. Этому особенно способствовали листы, распространяемые агентами Пугачова, въ которыхъ такъ заманчиво для простаго, угнетеннаго крѣпостнымъ правомъ люда проповѣдывалась „вольность“. Вотъ одинъ изъ этихъ листовъ:

„Божею милостію, мы, Петръ Третій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и проч., и проч., и проч., объявляемъ во всенародное извѣстіе.

„Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданому рабу, какимъ образомъ мы отъ недоброжелателей и завидцевъ общаго покоя Всероссійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго Престола лишены были; а нынѣ Всемогущій Господь, неизрѣченными Своими праведными судьбами и моленіемъ и

*) Показаніе перебѣжавшаго изъ Челябинска въ Шадринскъ посадскаго Прокопія Чебыкина въ дѣлѣ о Пугачовѣ въ архивѣ бывшаго Шадринскаго уѣзднаго суда, № 5547.

усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, и завидцевъ общему покою и благотишію подъ ноги наши повергае ъ; токмо и нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣдѣніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувства и высокой власти нашей чинятъ противленіе и непокореніе и тщатся процвѣтшееся имя наше такимъ образомъ, какъ и прежде, угасить и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ и истинныхъ сыновъ отечеству, аки младенцевъ, осиротить. Однако мы, по природному нашему и вѣрноподданныхъ неизрѣченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ изъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, власти нашей покоритесь, всемилостивѣйше прощаемъ; сверхъ того, всякой *вольности* отечески васъ жалуемъ. А буде-же кто и за симъ въ такомъ же ожесточеніи и суровости останется и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный нашъ и неизбѣжный гнѣвъ, чего ради отъ насъ, для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія, симъ и публикуется".

„Манифестъ" этотъ [1]) изданъ „Декабря ..... дня 1773 года" и подписанъ однимъ словомъ „Петръ".

Конечно, крестьяне нисколько не задумывались надъ тѣмъ, вправду ли, настоящій ли Петръ III писалъ и слалъ къ нимъ такіе „милостивыя" грамотки или то дѣлалъ Самозванецъ. Поэтому шли и шли подъ знамена „чудесно спасшагося" Царя. И хотя одновременно въ противовѣсъ этому мѣстныя власти (не только главное начальство края, но даже воеводы и коменданты крѣпости), чтобы направить народъ на путь истины, также издавали воззванія, но имъ уже никто не вѣрилъ, отчасти потому, что слишкомъ много было воззваній этихъ [2]), которыя каждый изъ начальствующихъ варіировалъ по своему, стараясь подѣйствовать на темную массу то угрозами (какъ, напримѣръ комендантъ Верхояицкой крѣпости полковникъ Ступишинъ), то ласками и, обѣщаніемъ милостей (какъ генералъ-поручикъ Декалонгъ), а отчасти и, главнѣе всего, потому что большинство властей было не любимо народомъ, такъ какъ даже въ обыкновенное время своими дѣйствіями возбуждало всеобщую ненависть.

Собравшись толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, мятежники отъ Шершевой снова подступили къ Челябинску, на этотъ разъ, видимо, съ твердымъ намѣреніемъ завладѣть имъ, и обложили его со всѣхъ сторонъ, не пропуская ни коннаго, ни пѣшаго внутрь города и оттуда.

Управитель Окуневскаго уѣзда Томиловъ, извѣстясь о грозившей Челябинску опасности, собралъ 100 человѣкъ крестьянъ и въ половинѣ Января 1774 года выступилъ съ ними, намѣреваясь если не прогнать отъ Че-

---

[1]) Напечатанъ въ „Пермскомъ Сборн." 1859, кн. I и перепечатанъ въ „Орен. Губ. Вѣд." 1869, № 45. Еще характернѣе воззванія Грознова. См. Дубровинъ II, 220—221. Ред.

[2]) Кромѣ приложенныхъ къ „Истор. Пугач. бун." Пушкина, ихъ можно еще найти въ „Перм. Сбор." 1859, кн. I, „Оренбур. Губер. Вѣдом." за 1868 г., № 33 и за 1869 г. № 46, въ „Памят. книж. Оренб. губер." 1865 г., стр. 133 и друг. изданіяхъ. Затѣмъ въ воззваніяхъ своихъ правительство иногда прибѣгало къ завѣдомой и очевидной лжи. Ред.

лябинска мятежниковъ, то хоть дать какую либо помощь городу. Но узнавъ, что всѣ пути къ Челябинску заняты уже Башкирами, заблагоразсудилъ за лучшее воротиться въ Окуневскъ [1]).

Челябинскъ находился въ самомъ безвыходномъ положеніи. Помощи ни откуда, гарнизонъ малъ, а между тѣмъ толпы мятежниковъ съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе. Очевидно, ихъ привлекала сюда „богатая казна“, которая по ихъ мнѣнію, должна была находиться въ Челябинскѣ, такъ какъ въ немъ сосредоточивалось все управленіе обширной Исетской провинціи. Къ счастью горожанъ, мятежники не производили еще серьезныхъ дѣйствій и ограничивались лишь обложеніемъ города; должно быть, хотѣли выморить его осадой.

Одинъ изъ мятежныхъ предводителей Михаилъ Ражевъ, отобравъ лучшія силы бунтовщиковъ изъ подъ Челябинска и оставивъ тутъ лишь однихъ Башкировъ, въ концѣ Января двинулся на Міясскую крѣпость и далѣе до села Бродокалмацкаго, покоряя себѣ всѣ лежащія на пути деревни. Тѣмъ временемъ другія шайки, дойдя предѣловъ Окуневскаго дистрикта, захватили близъ него лежащіе пригороды: форпостъ Карачельскій и богатое село Воскресенское [2]).

Опасаясь за участь своего города, Окуневскій управитель просилъ старосту Воскресенскаго села прислать имѣвшіяся тамъ пушки и послалъ для того своего канцеляриста Шляпкина; но послѣдній 7-го Февраля донесъ ему, что исполнить приказанія не можно, такъ какъ селомъ этимъ успѣли завладѣть мятежники, „изъ коихъ 90 было Русскихъ и 10 Башкировъ“, и жители уже присягнули Самозванцу. Мятежники сожгли дѣла сельской конторы, въ кабакѣ выпили все вино, а цѣловальника за то, что у него оказалось мало выручки, избили, старосту-же „за опубликованіе присылавшихся прежде распоряженій начальства о Пугачовѣ“, высѣкли плетьми и заковали въ желѣза, послѣ чего, набравъ въ разныхъ мѣстахъ у обывателей пожитковъ на десять возовъ и захвативъ двѣ пушки, на лошадяхъ Воскресенскихъ крестьянъ увезли это имущество въ Карачельскій форпостъ. „Здѣсь, какъ удалось узнать Шляпкину посредствомъ шпіонства, бунтовщики похвалялись набрать войска до 10 тысячъ и идти чрезъ два дня къ Окуневску; а ушло ихъ къ Долматову монастырю и къ городу Шадринску пять тысячъ, отправлено на низъ по Тоболу въ Куртамышъ до шести тыс. и около Челябинска, кромѣ Башкировъ, стоитъ однихъ Русскихъ девять тыс., которые осажденныхъ въ Челябинскѣ продержатъ безъ баталіи вплоть до Благовѣщенія, а потомъ, ежели не покорятся, они поступятъ съ ними, какъ съ злодѣями, вооруженной рукой“.

Чувствуя, что ему не справиться съ буйной ватагой, Томиловъ забралъ изъ Окуневска пушки, казну и канцелярію и поспѣшилъ скрыться въ

---

[1]) Изъ отношенія Томилова къ Шадринскому коменданту 17 Января 1774 г. (дѣло бывшей Окуневской управит. канцеляріи).

[2]) Село это ранѣе принадлежало архіерейскому дому митрополита Сибирскаго и Томскаго.

Исетскъ; но по дорогѣ, въ селѣ Мехомскомъ, былъ встрѣченъ посланнымъ къ нему отъ Шадринскаго коменданта нарочнымъ, съ приглашеніемъ идти въ Шадринскъ, какъ мѣсто болѣе безопасное для проживанія, и Томиловъ направился туда, гдѣ и жилъ все время до усмиренія мятежа (до 9-го Апрѣля 1774 г.).

Послѣ удаленія его, мятежники не только взяли приступомъ Окуневскъ, но прошли даже до предѣловъ Куртамышевскаго уѣзда. Предводитель ихъ Ражевъ, усилившись еще больше солдатами и крестьянами захваченныхъ селъ, крѣпостей и городовъ, пошелъ къ Сѣверу по р. Міясу къ Долматову монастырю [1]), съ цѣлью завладѣть его сокровищами, которыми тотъ въ то время славился. Бунтовщики употребляли всѣ мѣры, чтобы овладѣть хорошо укрѣпленнымъ монастыремъ, дѣйствуя на осажденныхъ то угрозами, то увѣщаніями съ обѣщаніемъ различныхъ льготъ и вольностей [2]). Съ каждымъ днемъ толпы ихъ усиливались, замѣняя убитыхъ и раненыхъ новыми силами, а монастырь изнемогалъ отъ тяжести полутора мѣсячной осады; силы защитниковъ съ каждымъ днемъ слабѣли, боевые запасы истощились, продовольствія уже не хватало.

Въ это самое тяжкое время, когда Челябинскъ едва держался, Шадринскъ также былъ обложенъ кругомъ, Окуневскій и Куртамышевскій уѣзды разграблены мятежниками, и въ послѣднихъ числахъ Февраля съ своимъ трехтысячнымъ корпусомъ въ предѣлы Исетской провинціи вступилъ давно ожидаемый „надъ Сибирскими войсками главный командиръ“, генералъ-поручикъ Декалонгъ.

Прежде всего онъ очистилъ отъ мятежныхъ шаекъ г. Шадринскъ, назначивъ комендантомъ его маіора Кенига и закрывъ въ немъ всѣ кабаки, въ которыхъ обыкновенно сообщники Пугачова спаивали народъ и склоняли его „разными злокозненными прельщеніями“ въ подданство Самозванца. Затѣмъ онъ обратился къ жителямъ Исетской провинціи съ воззваніемъ, призывая ихъ къ покорности законной государынѣ и объявляя, что „если которыя по тракту къ Екатеринбургу селенія еще тѣмъ ядомъ (мятежа) заражены, то бъ очувствовались; жители оныхъ присылали ко мнѣ встрѣчу отъ себя лучшихъ мірянъ съ признаніемъ своего преступленія, которые, получа прощеніе, паки въ жительство отпущены будутъ; а какъ я съ состоящими при мнѣ войсками, коихъ не менѣе трехъ тысячъ, имѣю слѣдовать къ Екатеринбургу, для того въ деревнѣ Коротковой, въ Долматовѣ монастырѣ и въ прочихъ по тракту лежащихъ мѣстахъ приготовить къ продовольствію тѣхъ войскъ провіанта, овса и сѣна безнедостаточно“ [3]).

---

[1]) Долматовъ мужскій монастырь расположенъ на лѣвомъ берегу р. Исети, въ 158 верстахъ отъ Екатеринбурга, по дорогѣ къ Шадринску. Еще въ 1762 монастырскіе крестьяне взбунтовались противъ монаховъ. Возстаніе это извѣстное подъ именемъ „Дубинщины“, усмирено было съ большой жестокостью. Ред.

[2]) Священникъ села монастырскаго Никольскаго поддерживалъ духъ возмущенія. Ю. Б.

[3]) Перм. Сборн. 1859 г., кн. I. „Оренб. Губ. Вѣд.“ 1869, № 46.

Но воззваніе это на первыхъ порахъ нисколько не подѣйствовало на народъ. Не смотря на дальнѣйшее движеніе Декалонга отъ Шадринска, непстовства мятежниковъ продолжались, и жертвой ихъ сдѣлался Усть-Міясскій винокуренный заводъ, разграбленный бунтовщиками. Одновременно съ этимъ Ражевъ, снявъ осаду Долматова и оставивъ осаду Челябинска на долю Башкировъ и разной сволочи, стягивалъ свои лучшія силы къ р. Уксянкѣ, чтобы дать Декалонгу генеральное сраженіе и воспрепятствовать его движенію въ глубь провинціи.

Дѣйствительно подъ Уксянкой произошло жаркое дѣло, длившееся подрядъ нѣсколько часовъ и, не смотря на то, что у Декалонга было всего нѣсколько пушекъ, а у мятежниковъ до 50 орудій и численность ихъ далеко превышала численность правительственныхъ войскъ, побѣда была на нашей сторонѣ. Мятежники были разбиты на-голову и бѣжали, оставивъ на полѣ боя 800 человѣкъ убитыми и до 1000 ранеными и 26 орудій.

Такая побѣда возвысила Декалонга въ глазахъ народа; теперь воззваніе его было болѣе убѣдительнымъ, и къ нему начали поступать просьбы о помилованіи, провинившіеся называли его *отцомъ* и просили его „смиловаться надъ ними“. И генералъ, чтобы наглядно доказать народу, какъ слуги законной Государыни чужды звѣрства и озлобленія Пугачовскихъ предводителей, прощалъ виновныхъ, отдавая въ руки правосудія только главныхъ и серьезныхъ зачинщиковъ.

Послѣ побѣды Декалонгъ вернулся въ Шадринскъ, чтобы дать тамъ нѣкоторый отдыхъ войскамъ, время отъ времени посылая небольшіе отряды по окрестнымъ деревнямъ и селамъ для очищенія ихъ отъ мятежниковъ. Но отряды эти мало имѣли успѣха, такъ какъ бунтовщики соединялись большими партіями, съ которыми трудно было справиться мелкимъ отрядамъ. Тогда Декалонгъ самъ со всѣми своими войсками вновь выступилъ изъ Шадринска и направился къ Челябинску, усмиряя по дорогѣ попутныя села. Но лишь только онъ удалялся, какъ бунтъ вспыхивалъ снова и ожесточался еще болѣе. Декалонгъ понялъ, что, пока глава мятежа не будетъ у него въ рукахъ, прочнаго спокойствія нельзя ожидать. Поэтому онъ рѣшился настичь самого Самозванца, который уже свирѣпствовалъ въ Карагайской крѣпости. Но приблизившись туда, Декалонгъ засталъ только дымившіяся развалины— Пугачовъ громилъ Троицкую.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЧИНОВНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ

(Петра Ивановича Голубева [1]).

Въ продолженіе производства дѣлъ о расходахъ на войну съ Турціею въ 1828 и 1829 годахъ, директоръ часто посылалъ меня къ министру для доклада особенно экстренныхъ бумагъ, и тогда-то я увидѣлъ близко этого необыкновеннаго человѣка [2]). Множество дѣлъ, въ которыхъ онъ, своею расчетливостію и предвидѣніемъ послѣдствій какихъ либо финансовыхъ мѣръ, доставлялъ казнѣ огромныя выгоды, производились въ моемъ отдѣленіи. Такъ, въ 1829 году, онъ купилъ у коммерческаго дома Сегенъ и К° 100 т. Голландскихъ червонцевъ по 10 р. 20 к. и отдалъ ихъ на заграничные расходы по 11 руб. 75 к.; слѣдовательно выигралъ при этомъ оборотѣ 155 т. руб. Съ этими бумагами я посланъ былъ къ нему въ Духовъ день 1829 года, когда въ лѣтнемъ саду во всѣхъ сторонахъ гремѣла музыка и толпилась огромная масса гуляющихъ. Министръ жилъ тамъ же во дворцѣ Петра I-го вмѣсто дачи, чтобы менѣе тратилось времени на пересылку бумагъ за городъ обратно. Я, за тѣснотою, не могъ пройти къ его квартирѣ со стороны Инженернаго замка, а зашелъ съ Невы. У меня было только два предписанія Главному Казначейству: одно, чтобы принять отъ Сегена и К° 100 т. черв. и отпустить имъ 1.020.000 руб., а другое выдать эти червонцы по извѣстному назначенію, поставя ихъ въ расходъ суммою въ 1.175.000 ассиг. Подписавъ эти бумаги, онъ съ улыбкою спросилъ меня: *Каково?*» Я отвѣчалъ «*превосходно, ваше сіятельство*». Вообще онъ терпѣть не могъ никакой болтовни, какъ бы она ни была краснорѣчива, и Басинъ нравился ему въ особенности тѣмъ, что умѣлъ избѣгать всякихъ предисловій и послѣсловій, но ограничивался только словами самыми необходимыми, стараясь лишь отвѣчать на вопросы графа.

Однажды, тоже лѣтомъ 1829 года, получена была отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова съ

---

[1]) См. выше книга I, стр. 513.

[2]) Графа Е. Ф. Канкрина. П. Б.

нарочнымъ бумага, по которой требовалось немедленно ассигновать въ его распоряженіе 100 т. р. на расходы по прекращенію бывшей тогда въ Одессѣ чумы. Это требованіе нельзя было отложить ни на одинъ день; но и слишкомъ поспѣшное исполненіе казалось невозможнымъ потому, что на отпускъ этихъ денегъ не было еще испрошено высочайшее разрѣшеніе. Розенбергъ послалъ меня съ этою бумагаю къ министру, узнать, что̀ по ней будетъ приказано. Войдя въ кабинетъ, я сказалъ: «Ваше сіятельство графъ Воронцовъ»... *Знаю, но что намъ тълать? Государь теперь полънъ, и я никакими токлатами безпокоить его не смью!*» Я доложилъ, что графъ Воронцовъ обязанъ доставлять пищу оцѣпленнымъ домамъ. Графъ отворилъ ключемъ бюро и, доставъ оттуда какую-то бумагу, сказалъ:

«*А Иванъ Иванычъ вѣрно тумаетъ, что я проспвалъ испросить плаговременно нужныя повелѣнія... Нѣтъ, патюшка, напишите ассигновку по высочайшему повелѣнію и пришлите мнѣ къ подписанію съ курьеромъ*».

Такъ и было сдѣлано.

Одинъ разъ при мнѣ откланивался графу Егору Францовичу вновь опредѣленный вице-губернаторъ *), которому онъ далъ такое напутственное наставленіе: «Не подписывайте бумагъ, не читая; та не посволяйте себѣ на носу пирюльки точить!!!»

Мнѣ однажды случилось въ присутствіи графа защищать противъ директора особенной канцеляріи по кредитной части (въ послѣдствіи министра и графа Вронченки) составленный въ департаментѣ нашемъ расчетъ съ Кабинетомъ Его Величества въ суммѣ, какая Кабинету слѣдовала изъ добычи золота и серебра на Колывановоскресенскихъ Нерчинскихъ заводахъ. Мое защищеніе этого расчета прошло очень благополучно, и графъ, отпуская меня, удостоилъ благосклонною улыбкою, которая очень меня порадовала.

Вообще, приводя себѣ на память приказанія и поступки этого великаго министра, я не могу умолчать о нихъ, желая принесть и мою убогую жертву памяти этого незабвеннаго государственнаго человѣка. Мои воспоминанія о графѣ, конечно, очень бѣдны, и я не считаю себя достойнымъ коснуться его исторіи, къ величайшему сожалѣнію еще никѣмъ не начатой, исторіи требующей отъ ея составителя высокихъ финансовыхъ свѣдѣній и дарованій, чтобы понять и объяснить всѣ дѣйствія величайшаго изъ министровъ.

Изъ разныхъ остатковъ суммъ, пріобрѣтенныхъ его же бережливостію и не входившихъ въ государственный бюджетъ, составилъ онъ

*) Бывшіе вице-губернаторы переименованы потомъ предсѣдателями казенныхъ палатъ.

значительные капиталы и построилъ изъ нихъ биржевые пакгаузы и таможенный скверъ (они приносятъ порядочный ежегодный доходъ казнѣ и величайшую пользу купечеству), основалъ Технологическій Институтъ съ православною церковью и всѣми его практическими заведеніями; развелъ на гласисѣ здѣшней крѣпости превосходный публичный садъ, назвавъ его Александровскимъ паркомъ (въ самомъ же дѣлѣ паркъ этотъ долженъ бы былъ считаться живымъ и вѣчнымъ монументомъ самого графа), построилъ также Пѣвческій мостъ *), украсивъ такимъ образомъ дворцовую площадь, окончилъ великолѣпный соборъ Смольнаго монастыря, начатый при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, по плану знаменитаго архитектора Растрелли, воздвигнулъ множество памятниковъ сраженій отечественной войны 1812 года. Но самое важное изъ его распоряженій по части департамента Государственнаго Казначейства было учрежденіе гербовыхъ квитанцій. Дѣло это производилось не въ нашемъ первомъ, но въ третьемъ отдѣленіи бухгалтеріи, котораго начальникомъ былъ статскій совѣтникъ Севриновъ. За участіе въ этихъ трудахъ графъ наградилъ его орденомъ Св. Анны 2 степени, украшеннымъ брилліантами.

Мѣра эта совершенно прекратила милліонныя кражи казначеевъ, которые утаивали доходы въ свою пользу.

Приспособленіе таможеннаго тарифа къ современнымъ требованіямъ народа, въ видахъ усиленія доходовъ, временныя мануфактурныя выставки, въ обѣихъ столицахъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ произведеній, возстановленіе упадшихъ питейныхъ доходовъ, распространеніе золотыхъ пріисковъ, улучшеніе технической части монетныхъ дворовъ, громадное увеличеніе банковыхъ оборотовъ, доставившихъ обильный источникъ денежныхъ суммъ для устройства разныхъ шоссированныхъ дорогъ, военныхъ сооруженій и проч., всѣ эти дѣйствія составляютъ истинную славу министра, но принадлежатъ, какъ сказано, его исторіи.

Съ увеличеніемъ нашихъ работъ по части ассигнованія суммъ на военные расходы, Басинъ ходатайствовалъ о помѣщеніи меня въ казенную квартиру. Мнѣ ее дали, но крайне дурную, хотя очень об-

*) У графа Канкрина была страсть къ постройкамъ, которыя иногда не удавались. Такъ одинъ мостъ (кажется, на Крюковомъ каналѣ) провалился въ день его освященія, что̀ дало поводъ къ строфѣ въ шуточномъ стихотвореніи С. А. Соболевскаго *Канкриніада*:

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ чудный зодчій
Самопадающій мостъ?

ширную; она испорчена была наводненіемъ, но черезъ годъ я, по назначенію директора, перемѣнилъ ее на болѣе удобную во второмъ или антресольномъ этажѣ. Казенная квартира дана мнѣ очень кстати, потому что кромѣ чрезвычайно умножившихся въ первомъ отдѣленіи бухгалтеріи временно распорядительныхъ и счетныхъ работъ по военнымъ обстоятельствамъ, возложены были на это отдѣленіе по высочайшей волѣ навсегда постоянныя обязанности—представлять разные срочные счеты и еженедѣльную вѣдомость о чрезвычайныхъ по государству расходахъ. Чтобы не утомлять высочайшее вниманіе, нужно было писать эту вѣдомость на одной страницѣ обыкновеннаго листа, слѣдовательно оставалось вносить только важнѣйшія статьи расходовъ кратко и ясно, показывая издержки мелочныя итогомъ. Представленная за одну недѣлю вѣдомость возвращалась отъ Государя министру, а тотъ подносилъ въ тоже время новую. Приготовленіе этой вѣдомости требовало особенной точности и тщательности въ редакціи, такъ какъ Государь обращалъ на всѣ ея статьи особое высочайшее вниманіе.

Другое, болѣе тяжкое дѣло относилось къ общимъ обязанностямъ по исполненію высочайшаго повелѣнія о представленіи отчетовъ о дѣйствіяхъ каждаго министерства и управленія.

Здѣсь до перваго отдѣленія бухгалтеріи, т. е. до меня, касались только численность по обороту суммъ, а она-то и составляла чрезвычайную трудность, такъ какъ, по обширности Имперіи, невозможно было получать изъ губерній къ сроку для составленія этого предварительнаго отчета нужныя свѣдѣнія, и во многихъ случаяхъ непзбѣжно было извлекать цыфры изъ приблизительныхъ соображеній. При первомъ приступѣ къ этому дѣлу оно оказалось совершенно невозможнымъ. Написано было директоромъ „Розенбергомъ, Басинымъ, мною, огромное число формъ и примѣрныхъ счетовъ, но всѣ они далеко неудовлетворяли требованіямъ. Мы опасались, что со временемъ, при сличеніи цыфръ, составленныхъ по примѣрнымъ соображеніямъ, съ цыфрами настоящихъ отчетовъ, откроются большія несходства, и можно подвергнуться за невѣрности въ суммахъ отвѣтственности и даже гнѣву Государя Императора; но наконецъ Богъ вразумилъ насъ одолѣть этотъ тяжкій трудъ и, послѣ мукъ, потерпѣнныхъ при составленіи этого почти невозможнаго отчета за первые три года, дѣло облегчилось опытомъ и постепенно придуманными облегчительными формами.

Текстъ этого отчета, въ самомъ началѣ, порученъ былъ Александру Максимовичу, а потомъ поручался другимъ лицамъ, по избранію директоровъ; цыфры же главнѣйше требовались отъ перваго отдѣленія бухгалтеріи.

Въ званіи бухгалтера я былъ ровно 8 лѣтъ и почти во все это время не имѣлъ своей воли. Отправляясь къ роднымъ на Петербургскую Сторону, я выбиралъ время, смотря по ходу дѣла, и уѣзжалъ изъ департаментскаго дома, даже на часъ, не иначе, какъ съ дозволенія начальника отдѣленія, который всегда зналъ, гдѣ меня отыскать въ случаѣ надобности. Онъ однако не требовалъ такой рабской покорности, а я самъ, опасаясь быть причиною какой либо остановки въ дѣлахъ по военному времени, добровольно наложилъ на себя тяжелое бремя такой зависимости.

Въ Январѣ 1829 года я получилъ чинъ 8-го класса и орденъ Св. Анны 2-й ст. Василій Степановичъ пригласилъ меня съ женою на вечеръ и при многихъ гостяхъ, въ присутствіи бывшаго нашимъ главнымъ начальникомъ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ А. И. Миллера, благодарилъ за мое примѣрное, какъ онъ тогда выразился, усердіе къ службѣ, и облобызавъ возложилъ на меня орденъ. Это былъ мой тріумфъ. Честь дороже денегъ.

1829 годъ окончился для меня не совсѣмъ счастливо: начальникъ и благодѣтель мой, директоръ департамента, тайный совѣтникъ Розенбергъ скончался внезапно, 16 Декабря. Мѣсто его заступилъ въ качествѣ управляющаго департаментомъ вице-директоръ Николай Романовичъ Политковскій. Онъ любилъ всѣхъ сослуживцевъ и былъ любимъ всѣми. Эта прекрасная, благороднѣйшая душа не могла быть съ черствымъ чиновничьимъ сердцемъ, и Николай Романовичъ, сокровище своихъ друзей, отлично образованный и принадлежавшій къ лучшему обществу, не имѣлъ дарованій присяжнаго сидѣльца, а потому не могъ при такомъ министрѣ, какъ графъ Канкринъ, наслѣдовать званіе директора.

Послѣ утвержденія росписи на 1830 годъ, Николай Романовичъ выпросилъ мнѣ и моему товарищу, другому бухгалтеру, Н. Р. Кондратьеву всемилостивѣйшія награды, по бриллiантовому перстеньку изъ Кабинета.

Въ Розенбергѣ я лишился втораго отца, но Богу угодно было послать мнѣ другаго покровителя: изъ сердитаго грубаго, взыскательнаго командира, Василій Степановичъ обратился въ благодѣтельнаго и внимательнаго начальника, какъ я уже и говорилъ.

Хотя Турецкая война окончилась еще въ Сентябрѣ 1829 г., но расчеты и разныя претензіи по этой войнѣ не только не уменьшались, но еще увеличивались, а между тѣмъ возникла новая переписка и отчетность по войнѣ противъ Польскихъ мятежниковъ. Дошло до того, что мы иногда сидѣли въ департаментѣ съ 8 часовъ утра до 9 часовъ

вечера, не имѣя времени дойти нѣсколько шаговъ до своихъ квартиръ въ домѣ департамента.

Наступилъ 1831 годъ, въ Польшѣ и Западномъ нашемъ краѣ появилась холера. Въ это время я чуть не попалъ въ бѣду отъ одного безтолковаго писца. Изъ нѣкоторыхъ губерній требовались для дѣйствующей арміи и въ зараженныя холерою мѣстности врачи. Надобно было дать циркуляръ нѣкоторымъ казеннымъ палатамъ, чтобы онѣ отпускали для этихъ медиковъ прогоны и путевое пособіе въ вѣдѣніи губернаторовъ. Точныя слова этой циркулярной ассигновки были изложены такъ: «*на отправленіе въ дѣйствующую армію врачей отпустить* и проч. Два писца, каждый въ своей долѣ, по нѣскольку экземпляровъ написали это какъ слѣдовало; третьему же вздумалось написать: на отравленіе въ дѣйствующей арміи врачей отпускать..... Всѣхъ бумагъ было до 18 совершенно одинаковаго содержанія. По настоящему довольно было бы прочесть одну или двѣ бумаги, а повѣрку прочихъ предоставить писцамъ; но зная этихъ господъ очень хорошо, я прочиталъ каждую самъ, и дойдя до *отравленія* страшно испугался. Мнѣ представилось, что какой-то злой духъ вертится между нами, ища, кого погубить. Въ самомъ дѣлѣ тогда распространилась между черни молва, что холеры нѣтъ, а людей отравляютъ умышленно. Что̀ было бы со мною, если бы эти бумаги были отправлены безъ должной осмотрительности, и кто бы мнѣ повѣрилъ, что это написано по ошибкѣ?

Въ Іюнѣ 1831 года появилась страшная эта болѣзнь и у насъ въ Петербургѣ. Изъ первыхъ ея жертвъ былъ нашъ безподобный Николай Романовичъ. Исполнивъ христіанскій долгъ, онъ послѣ исповѣди и св. причастія потребовалъ секретаря и приказалъ при себѣ написать докладную записку о выдачѣ изъ канцелярской суммы пособій нѣкоторымъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Министръ тотчасъ утвердилъ эту записку и прислалъ къ Николаю Романовичу; но онъ былъ уже безъ чувствъ, и мы не могли его поблагодарить, а только помолились объ упокоеніи прекрасной души его.

Департаментъ былъ впрочемъ очень счастливъ добрыми начальниками. Къ намъ поступилъ директоромъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ I-й. При началѣ моей службы въ 1811 году онъ былъ начальникомъ перваго стола бывшей экспедиціи о государственныхъ доходахъ. И тогда еще Дмитрій Максимовичъ, любимый всѣми сослуживцами, былъ отличнымъ дѣлопроизводителемъ, имѣя прекрасный даръ излагать ясно и всегда удовлетворительно самые многосложные предметы въ нашей бюрократіи. Кромѣ службы онъ бывъ весьма ревностнымъ членомъ тогдашняго Общества Любителей Словесности (о чемъ

сказано выше), сдѣлался извѣстнымъ своими разборами синонимъ, какъ-то: *почитаю* и *уважаю*, *ученость* и *просвѣщеніе* и проч. По этому случаю онъ получилъ прозваніе (псевдонимъ) *Сослововъ*. Въ послѣдствіи, при открытіи нашего департамента, былъ онъ начальникомъ перваго распорядительнаго отдѣленія, потомъ здѣшнимъ вице-губернаторомъ, находился заграницею при генер.-интендантѣ Канкринѣ для ликвидаціонныхъ расчетовъ съ жителями Нѣмецкихъ владѣній, за поставки для войскъ; по возвращеніи въ Россію, сдѣланъ вице-директоромъ департамента государственныхъ имуществъ, затѣмъ директоромъ канцеляріи министра финансовъ и наконецъ поступилъ въ директоры къ намъ.

Со вступленіемъ Дмитрія Максимовича началась новая эпоха для департамента. Отчетность его доселѣ представляема была только одному Государственному Совѣту; а съ 1831 года ревизія отчетовъ казенныхъ палатъ, производившаяся въ Государственномъ Контролѣ, возложена на департаментъ Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобы онъ, по предварительномъ обревизованіи губернскихъ отчетовъ, представлялъ Контролю общій о государственныхъ доходахъ и расходахъ отчетъ. Исполненіе этого новаго закона требовало измѣнить совершенно весь счетный составъ департамента, согласить съ его возможностію и средствами слишкомъ распространенныя требованія Контроля и дать этому обширному дѣлу правильный и удобный ходъ.

Это могъ совершить и совершилъ только Дмитрій Максимовичъ. Онъ своими практическими и неопровержимыми доводами поставилъ Государственный Контроль въ необходимость отступиться отъ всѣхъ излишнихъ подробностей и принять формы болѣе ясныя и краткія по проектамъ не Контроля, а самаго департамента, которому впрочемъ не дано для совершенія этого дѣла никакихъ вспомогательныхъ суммъ въ дополненіе къ штату 1821 года.

При дѣятельномъ содѣйствіи самого директора, одолѣны ревизіонными отдѣленіями всѣ трудности, и первый отчетъ доставленъ Контролю въ опредѣленный срокъ; а потомъ привычка чиновниковъ и вновь допущенныя, по сношенію съ Контролемъ, облегченія дали этому огромному дѣлу успѣшный ходъ, но съ непремѣннымъ условіемъ постоянныхъ послѣобѣденныхъ занятій всѣхъ контрольныхъ нашихъ частей. Главнымъ облегченіемъ въ этомъ дѣлѣ было сокращеніе формъ отчета, представляемаго ежегодно министромъ финансовъ Государственному Совѣту. Представленіе объ этомъ писано самимъ Дмитріемъ Максимовичемъ и принадлежитъ къ образцамъ превосходнаго дѣловаго слога. Лучшими сотрудниками Дмитрія Максимовича въ этомъ гигантскомъ трудѣ по части отчетной были: начальникъ 2-го отдѣленія бухгалтеріи

М. М. Севриновъ и бухгалтеры С. М. и А. М. Кобылины, Ермолинъ и Криль.

Такъ наши съ Басинымъ дѣйствія (государственный бюджетъ и военныя дѣла) отошли на второй планъ дѣйствій департамента.

Въ 1832 году Басинъ и П. П. Янжулъ-Михайловскій утверждены вице-директорами, первый за труды, второй изъ особаго уваженія, какое всегда питалъ въ душѣ своей Дмитрій Максимовичъ въ памяти бывшаго управляющимъ экспедиціею, Лубьяновича.

На мѣсто начальника отдѣленія Басина было два кандидата, бухгалтеры Н. Р. Кондратьевъ и я. Министру угодно было избрать меня. Записка объ этомъ написана была собственною рукою Дмитрія Максимовича и утверждена графомъ Канкринымъ 20 Января 1832 года, но я никогда прямыхъ докладовъ Дмитрію Максимовичу не имѣлъ, и ихъ удержалъ за собою Басинъ. Къ министру я также во все время управленія Княжевича департаментомъ не показывался. При всемъ томъ Дмитрій Максимовичъ избралъ для меня прекрасную квартиру (одну изъ лучшихъ въ домѣ департамента) въ 4-мъ этажѣ, на углу Садовой и Италіянской улицъ. Окладъ моего жалованья составлялъ по штату 4000 р. ассигн. въ годъ.

Долгъ благодарности и глубокаго душевнаго почтенія къ Д. М. Княжевичу побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ памяти этого незабвеннаго начальника. Какъ директоръ, онъ строго требовалъ, чтобы каждый чиновникъ старательно исполнялъ свои обязанности; но, какъ добрѣйшій человѣкъ, отечески входилъ въ семейственныя обстоятельства подчиненныхъ и пособлялъ имъ, сколько дозволяли служебныя средства. Стараніями его многія изъ дѣтей чиновниковъ получили на счетъ казны воспитаніе; многимъ оказана отъ правительства помощь на пользованіе трудныхъ недуговъ, даны значительныя вспомоществованія въ тѣсныхъ обстоятельствахъ семейной жизни; большая часть чиновниковъ украшена орденами. Словомъ, управленіе его было для всѣхъ насъ золотымъ временемъ.

Никогда начальники отдѣленій не пользовались такимъ уваженіемъ своихъ директоровъ, какъ при Дмитріѣ Максимовичѣ. Онъ обращеніемъ съ нами разъяснилъ, что̀ значила поговорка Петра Великаго «*время работѣ, веселью часъ*». Въ дѣлахъ онъ былъ всегда первымъ труженикомъ: бумагу, написанную не совсѣмъ ловко, онъ исправитъ безъ гнѣва; негодную, какія иногда случались, напишетъ самъ безъ всякихъ выговоровъ и замѣчаній дѣлопроизводителю; но, будучи отъ природы чувствителенъ и слѣдовательно горячъ, онъ не могъ владѣть собою, если замѣчалъ въ чиновникѣ нерадѣніе и особенно подлость, когда иной старается свою вину взвалить на товарища.

Дмитрій Максимовичъ былъ красавцемъ до старости, высокъ ростомъ и дороденъ; но это не мѣшало ему работать съ утра до вечера, а иногда просиживать за дѣлами цѣлыя ночи. За то были дни, когда онъ радушно приглашалъ къ себѣ обѣдать начальниковъ отдѣленій, и они вмѣстѣ съ его родственниками и знакомыми участвовали въ его семейныхъ праздникахъ. Между прочимъ мы всякій годъ были приглашаемы на Большую Охту, 5 Іюля, на поминки покойнаго Корнилія Антоновича Лубьяновича (бывшаго управляющимъ экспедиціею о доходахъ), котораго память для Дмитрія Максимовича была священна.

Увлекшись однако пріятными воспоминаніями о нашемъ любимомъ начальникѣ, я многое не досказалъ о своемъ семействѣ.

Послѣ несчастнаго разрѣшенія Софьи Петровны въ 1825 году первымъ младенцемъ, намъ Богъ далъ второе дитя, дочь Марію. Она родилась благополучно и была, повидимому, очень здоровая дѣвочка; но мы съ женою лишились ея, держась, по неопытности нашей, чужихъ совѣтовъ. Старшая сестра увѣрила Софью Петровну, что она не можетъ кормить свое дитя сама, и что надо взять кормилицу; въ ожиданіи, покуда найдутъ послѣднюю, кормили дитя соской. Дѣвочка эта, казалось, имѣла свой упорный характеръ и, привыкнувъ къ соскѣ и рожку, не хотѣла уже никакъ взять груди. Къ несчастію, ко времени ея рожденія, я переѣхалъ въ первую казенную квартиру, крайне сырую послѣ бывшаго наводненія. Отъ неестественной пищи и дурнаго помѣщенія, дитя видимо истощалось изо дня въ день, и мы схоронили ее зимой 1826—1827 на четвертомъ мѣсяцѣ отъ рожденія.

Эта малютка едва было не увлекла за собою въ могилу и мать свою: Софья Петровна, стараясь всячески приспособлять младенца къ принятію груди, простудилась и получила жестокую грудницу. При весьма ограниченныхъ способахъ я не щадилъ ничего для пользованія жены. Ее лечилъ очень извѣстный докторъ-акушеръ, г. Гейдельбергъ, получая по 5 р. за визитъ, и не только не доставилъ облегченія, но грудница угрожала воспаленіемъ. Случайно, товарищъ мой Н. Р. Кондратьевъ посовѣтовалъ мнѣ употребить средство, испытанное въ подобномъ случаѣ его женой: какую-то воду Бенедикта Руланда (Aqua Benedicti Rulandi). Надобно было взять двѣ равныя части тертой моркови и березоваго толченаго угля, смѣшать вмѣстѣ то и другое, поливъ это одною ложкой сказанной воды; смѣсь эту, завернувъ холстинною ветошкой, прикладывать къ больному мѣсту. Это средство перешло къ г. Кондратьеву отъ знаменитаго въ наше время медика, Христіана Яковлевича Витта. Жена моя, употребивъ это лекарство въ нѣсколько пріемовъ, получила совершенное исцѣленіе.

Въ 1829 году родился у меня сынъ Григорій. Опять свояченица моя настояла взять кормилицу; но для хорошей кормилицы средства наши были очень еще недостаточны, и намъ пришлось взять такую, какая попалась подъ руку. Вышло, что это была опытная плутовка и кормила нашего младенца, будучи беременна, что̀ объявилъ департаментскій докторъ, П. В. Богословскій. Разумѣется, мы ее прогнали и взяли другую, одобренную уже докторомъ; эта, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, объявила, что она по какимъ-то, навѣрное, вымышленнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, ни за что́ у насъ оставаться не можетъ. Съ этимъ вмѣстѣ у нея обнаружился какой-то тяжелый кашель, который немедленно сообщился и дитяти. Такъ потеряли мы и третье дитя, но по крайней мѣрѣ своимъ горькимъ опытомъ научились, что вмѣсто этихъ поганыхъ бабъ, принимающихъ на себя изъ корысти питаніе младенцевъ, гораздо лучше, если дитя будетъ питаться молокомъ своей матери.

Въ 1831 году Богъ далъ мнѣ, 12-го Апрѣля въ Вербное Воскресенье, сына Николая. Замѣчательно, что онъ родился въ тотъ самый моментъ, когда раздался первый звонъ колокола къ поздней обѣднѣ; но не далъ знать о своемъ рожденіи крикомъ, и голосъ его услышали мы чрезъ нѣсколько секундъ послѣ его рожденія. Это показывало его болѣзненныя начала, которыя впослѣдствіи развивались довольно сильно. Его долго наблюдалъ очень опытный докторъ Шибель и не скрывалъ отъ насъ своего опасенія, что если это дитя останется въ живыхъ, то нельзя будетъ надѣяться на его хорошія умственныя способности. Это пророчество не сбылось. Правда, малютка началъ ходить только по четвертому году; но скоро обнаружилъ удивительную память и любознательность, необыкновенное незлобіе, примѣрное послушаніе и любовь къ умственнымъ занятіямъ, отъ которыхъ благоразумнѣе было бы его отвлекать, чтобы на счетъ излишнихъ свѣдѣній пріобрѣсти для него долю здоровья. Онъ окончилъ съ отличіемъ гимназическій курсъ, вышелъ изъ университета первымъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета, но имѣлъ несчастіе, еще учась въ гимназіи, простудиться; при усиленныхъ занятіяхъ въ университетѣ у него явилась глухота, которая сперва преслѣдовала его періодически, а къ 20-лѣтнему возрасту обратилась постоянно въ тѣлесный недостатокъ весьма трудно излечимый. Были недѣли, что онъ вовсе не могъ слушать лекцій; но товарищи отдавали ему свои записки, и онъ составлялъ изъ нихъ особые мемуары. Впрочемъ его исторія ему и принадлежитъ.

Послѣднимъ нашимъ дитятею была родившаяся въ 1834 году дочь Марія. Эта дѣвочка, вскормленная матерью, росла благополучно и

также одарена отличными способностями; училась въ Институтѣ Св. Екатерины и при выпускѣ награждена первою золотою медалью.

Обращаюсь опять къ главному элементу жизни моей, т. е. къ службѣ.

Въ числѣ чиновниковъ второго отдѣленія бухгалтеріи былъ очень замѣчателенъ по необыкновеннымъ дарованіямъ помощникъ бухгалтера, Александръ Ивановичъ Криль. Ближайшими его начальниками были два брата Кобылины. Они почему-то не давали ему большаго хода, вѣроятно опасаясь, при возвышеніи его, проиграть во мнѣніи высшаго начальства, которое не могло бы не замѣтить необыкновенныхъ талантовъ этого молодаго человѣка. Такимъ образомъ онъ долго оставался въ тѣни, и таланты его были извѣстны только товарищамъ. При утвержденіи меня начальникомъ отдѣленія, мнѣ предложено было избрать на свое мѣсто достойнаго чиновника; я просилъ назначить Криля, и его тотчасъ же утвердили къ намъ въ первое отдѣленіе бухгалтеромъ.—Я сдѣлалъ это сколько изъ желанія вывести Криля изъ его замкнутаго положенія въ департаментѣ на Божій свѣтъ, столько же съ намѣреніемъ доставить службѣ отличнаго дѣлопроизводителя; но Кобылины не могли съ нимъ разстаться. Они считали его своимъ ученикомъ, отчего поступокъ мой приняли за совершенный дневной грабежъ и рѣшились насолить мнѣ въ свою очередь. Въ самомъ дѣлѣ я поступилъ неосторожно, взявъ изъ ихъ среды, безъ всякаго предварительнаго съ ними объясненія, человѣка, безъ котораго они не могли обойтись; этимъ неловкимъ съ моей стороны поступкомъ я далъ имъ случай разыграть со мною пословицу-водевиль: «на чужой каравай— ротъ не разѣвай, а пораньше вставай, да свой доставай».

Въ противоположность даровитому Крилю, служилъ въ третьемъ бухгалтерскомъ отдѣленіи бухгалтеръ Дмитрій Герасимовичъ Чулковъ. Онъ былъ и старъ, и грубъ, и крайне безтолковъ, такъ что не знали, куда его дѣвать.

Тогда третье отдѣленіе, окончивъ отчетность за прежне время, соединилось со вторымъ, и оба они поступили подъ начальство старшаго Кобылина, соединясь для одного общаго дѣла: отчетности за новѣйшее время.

Гг. Кобылины ловко доказали, что они, потерявъ Криля, лишились лучшаго работника и не могутъ уже удостовѣрить, что новая отчетность Государственному Контролю пойдетъ съ должнымъ успѣхомъ. По настояніямъ ихъ, Чулкова посадили ко мнѣ, а Криля взяли опять въ отчетныя отдѣленія. Нечего было дѣлать. По совершенной неспособности Чулкова, оставалось мнѣ, какъ лакею, стать на запятки за обѣими каретами, т. е. отвѣчать за начальника отдѣленія и править

должность бухгалтера. По счастію, у насъ въ отдѣленіи по штату 1821 года положено три бухгалтерскихъ вакансіи; я сталъ просить о помѣщеніи на третью, не занятую съ самаго открытія департамента, вакансію одного, также отличнаго чиновника, Михайла Дмитріевича Шемадамова, но не изъ чужихъ, а собственно изъ нашихъ, 1-го отдѣленія бухгалтеріи. Ходатайство мое объ этомъ подкрѣпилъ Василій Степановичъ Басинъ, и это исполнилось, чѣмъ я совершенно спасенъ отъ страшныхъ и даже невыносимыхъ трудовъ. Эта интрига удалась Кобылинымъ такъ легко, потому что послѣ выбытія изъ департамента ихъ начальника М. М. Севринова, сдѣланнаго еще въ 1827 году Пермскимъ вице-губернаторомъ, старшій Кобылинъ, Семенъ Михайловичъ, заступилъ его мѣсто, и при помощи старшаго брата, Андрея Михайловича, отличнаго знатока въ счетномъ дѣлѣ и превосходнаго дѣлопроизводителя, имѣлъ вліяніе на ходъ дѣлъ всѣхъ счетныхъ частей департамента, кромѣ нашего 1-го отдѣленіе бухгалтеріи. Такимъ образомъ, хотя Криль поступилъ не въ 3-е отдѣленіе, а на вакансію, открывшуюся послѣ Чулкова, во 2-е, но все же былъ въ полномъ распоряженіи Кобылиныхъ.

Съ 1833 года мое положеніе въ департаментѣ чрезвычайно измѣнилось. Прежде всѣ мои труды совершались въ глазахъ директора, и я дѣйствовалъ почти независимо, по его приказаніямъ; но Дмитрій Максимовичъ, желая сохранить правила дисциплины и не зная меня такъ хорошо, какъ зналъ Розенбергъ, обращался во всѣхъ случаяхъ къ вице-директору, предоставя даже ему докладывать всѣ обыкновенныя по отдѣленію исходящія бумаги, за моею скрѣпою.

Скоро мой добрѣйшій Василій Степановичъ смекнулъ, какъ ему надобно дѣйствовать; онъ подписывалъ себѣ свои пенсіонныя ассигновки и со стороны казалось, что онъ всегда озабоченъ и занятъ дѣлами; съ нимъ, какъ съ оракуломъ въ казусныхъ дѣлахъ, совѣтовались; ему поручались болѣе важныя дѣла на предварительное заключеніе, а онъ сталъ передавать ихъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи, т. е. мнѣ, и дошло до того, что если какую нибудь затруднительную бумагу не берутъ ни въ какое отдѣленіе, то ее директоръ передавалъ на разрѣшеніе Басину, тотъ мнѣ, и наконецъ канцелярія департамента приняла за правило: «если бумагу никто не беретъ, отдавать Голубеву».

Министру обыкновенно докладывали директоръ съ вице-директоромъ Басинымъ и нѣкоторыми начальниками отдѣленій. Разумѣется, докладныя бумаги, заготовляемыя къ подпису министра по моей части, отдавались Василію Степановичу. Ему было хорошо: онъ походилъ на орангутанга, который, поймавъ кошку, доставалъ лапками изъ печи

горячіе каштаны. Въ случаѣ, когда что нибудь не удавалось, виноватъ былъ начальникъ отдѣленія, а весь успѣхъ въ дѣлахъ принадлежалъ ему, какъ старшему. При этомъ невольно вспомнишь поговорку употребляемую, въ подобныхъ случаяхъ нашими мужичками: «ему блинки да пышечки, а мнѣ пинки, да тишечки». Были однако люди, которые понимали, кто именно достаетъ и кто именно ѣстъ каштаны; первый между этими людьми былъ мой прежній начальникъ и благодѣтель, Александръ Максимовичъ Княжевичъ.

Надобно сказать, что мой добрѣйшій начальникъ Василій Степановичъ, кромѣ свойственнаго всѣмъ старичкамъ недуга, жадности, побуждающей схватить при случаѣ лишнюю тысячу, страдалъ отчасти и другою болѣзнію, небольшимъ тщеславіемъ. Бывая иногда, по случаю разсмотрѣнія государственной росписи Комитетомъ Финансовъ, въ предверіи этого Комитета, онъ всегда восхищался величавыми манерами нѣкоторыхъ вельможъ, между прочими князя Алексѣя Борисовича Куракина, котому любилъ подражать, иногда въ манерахъ: говорилъ съ высшими по своему, торопливо, съ низшими, подражая князю, величественно и протяжно; при входѣ съ лѣстницы въ департаментъ снимали его соболью шубу нѣсколько сторожей. Онъ проходилъ въ комнату общаго присутствія шаркая и слегка кланяясь на обѣ стороны и нѣсколько досадуя, что чиновники обѣихъ сторонъ не всѣ отвѣчали ему на поклоны; чихая, кланялся и благодарилъ, хотя никто изъ присутствовавшихъ и не думалъ ему здравствовать, такъ какъ старика не любили и охотно надъ нимъ подшучивали.

Это я написалъ отнюдь не для того, чтобы глумиться надъ уважаемымъ мною начальникомъ, но въ своемъ мѣстѣ этихъ записокъ, отдавъ справедливость хорошимъ его качествамъ, не рѣшаюсь умолчать и о его слабостяхъ, свойственныхъ всякому человѣку, и только различныхъ своими симптомами. Я назвалъ его добрѣйшимъ Васильемъ Степановичемъ. Онъ былъ дѣйствительно добръ, но, предаваясь иногда припадкамъ ребяческаго тщеславія и чванства, дѣлалъ зло противъ воли.

Такъ онъ привыкъ смотрѣть на меня отнюдь не какъ на труженика, обремененнаго множествомъ разнородныхъ дѣлъ начальника отдѣленія, но какъ на своего адъютанта. Иногда, не обращая никакого вниманія на то, что я занятъ исполненіемъ какихъ либо очень нужныхъ бумагъ, онъ требовалъ меня къ себѣ чрезъ курьера за сущими пустяками и, кажется, большею частію для того, чтобы показать при постороннихъ свою власть и величіе, а потомъ самъ же дѣлалъ понужденіе окончить скорѣе мои бумаги, изъявляя свое нетерпѣніе, что онѣ еще не готовы.

Однажды, возвратясь отъ министра, онъ передалъ мнѣ крошечный листокъ съ нѣсколькими строками, написанными собственноручно министромъ графомъ Егоромъ Францовичемъ, и приказалъ отправить этотъ лоскутокъ немедленно къ князю А. С. Меньшикову, бывшему тогда начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба и Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Дѣло касалось продажи Военному Министерству пороха, выдѣланнаго на Финляндскомъ Эстермюрскомъ заводѣ. Листочикъ этотъ я передалъ нашему журналисту, А. А. Постникову, и просилъ послать эту бумажку тотчасъ же. Вышла прескверная исторія. Графъ Е. Ф. Канкринъ приказалъ послать эту записочку князю Меньшикову съ надписью на конвертѣ: *особенно секретно, въ собственныя руки*, а этого-то и не сдѣлано. Князь Меньшиковъ, чувствуя всю важность записки, не ясную для насъ, простыхъ чиновниковъ, жаловался нашему графу, что ее прислали въ Морское Министерство неосторожно, безъ надписи секретно, и она потому раскрыта не самимъ княземъ, а чиновникомъ, которому предоставлено распечатывать всѣ обыкновенныя бумаги.

Не знаю, кто былъ тутъ виноватъ: я ли, не выслушавъ порядочно приказанія и не передавъ его, какъ должно, или журналистъ не выслушалъ меня порядочно; но во всякомъ случаѣ былъ очень не правъ и Василій Степановичъ: нечего было ему звать меня, онъ долженъ былъ, оставивъ на этотъ разъ княжеское свое величіе, потрудиться исполнить въ точности самъ приказаніе министра, надписавъ какъ было сказано на конвертѣ, или по крайней мѣрѣ велѣвъ сдѣлать это при себѣ журналисту.

Графъ Егоръ Францовичъ страшно разсердился, разругалъ бы Басина въ пухъ; но въ моментъ перваго гнѣва, попался не онъ, а невинный директоръ Дмитрій Максимовичъ.

Басинъ однако не оставилъ этого даромъ, позвалъ къ себѣ журналиста Постникова и сдѣлалъ ему любезность, сказавъ такую пріятную рѣчь: «Какой ты, братецъ, выросъ большой, а ничего не умѣешь порядочно сдѣлать! Какъ же ты отправилъ къ князю Меньшикову важную и очень секретную бумагу и не написалъ даже обыкновенное слово: въ собственныя руки». Сказавъ это, нашъ вице-директоръ быстро обернулся и ушелъ изъ этой комнаты, не слушая никакихъ оправданій журналиста. Къ удивленію моему, собственно мнѣ Василій Степановичъ не сказалъ ни слова.

Во множествѣ дѣлъ, захваченныхъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи и совершенно не принадлежавшихъ ему по учрежденію департамента, нѣкоторыя были многосложны и затруднительны, напримѣръ: о поступленіи въ Россійскую казну Персидской и Турецкой контрибуцій,

о суммахъ, которыя Государственное Казначейство обязано отдавать, по учрежденію Бессарабской области, тамошнему 10 процентному капиталу на устройство этого края; о вознагражденіи Курляндской помѣщицы баронессы Клопманъ за земли ея, отошедшія подъ Ковенское шоссе; о вознагражденіи Австрійскаго подданнаго барона Сакелларіо за 50 т. быковъ, поставленныхъ имъ для войскъ нашихъ во время войны съ Турціею 1828 — 1829 гг., разсмотрѣніе и заключеніе по указамъ Сената разныхъ другихъ претензій поставщиковъ во время той же войны и прочее исполненіе экстренныхъ бумагъ, поступавшихъ въ большіе праздники, на томъ основаніи, что я жилъ на казенной квартирѣ. Такъ въ 1834 году, по случаю предназначеннаго тогда путешествія по губерніямъ Великаго Князя Цесаревича (нынѣ царствующаго Императора) надобно было приготовить докладныя бумаги къ всеподданнѣйшему докладу о суммахъ, которыя слѣдовало отпустить здѣсь и отпускать въ губерніяхъ по этому случаю. Это надобно было сдѣлать начальнику 3-го распорядительнаго отдѣленія Слонецкому, но его директоръ пощадилъ ради наступавшей Св. Пасхи, и такое чрезвычано спѣшное и хлопотливое дѣло, гдѣ всякій промахъ, всякая недомолвка въ предписаніяхъ могли быть опасны, передали мнѣ. Чиновники на Страстной недѣлѣ говѣютъ, и я говѣлъ. Докладныя бумаги Государю объ этихъ расходахъ составилъ и переписалъ я самъ, потому что никого не нашли дома. Въ Свѣтлое Воскресенье, возвратясь отъ заутрени, очень усталый, я погрузился въ глубокій отрадный сонъ; вдругъ, въ два часа ночи, курьеръ, присланный отъ директора, прямо ко мнѣ съ утвержденными уже Государемъ бумагами, разбудилъ меня и объявилъ, что Дмитрій Максимовичъ требуетъ, чтобы эти бумаги были приготовлены въ тотъ же самый день. Нечего дѣлать, я сѣлъ за работу, которую и окончилъ къ 10 часамъ Воскреснаго дня; надобно было переписывать болѣе 30 бумагъ не одинаковаго содержанія, но съ разными варіантами. Для одного меня это было физически невозможно, и я на этотъ разъ употребилъ въ дѣло подлѣйшее обыкновеніе таскаться къ начальству съ поздравленіями. Каждаго изъ приходившихъ ко мнѣ съ визитомъ молодыхъ чиновниковъ какъ моего, такъ и другихъ отдѣленій, я, во имя начальства, усаживалъ за работу, и такимъ образомъ часу въ 4-мъ дня бумаги были готовы. Потомъ, разумѣется, и всѣ послѣдствія о расходахъ по этому дѣлу, и разные вопросы Казенныхъ Палатъ поступали ко мнѣ. Кажется, за это дѣло я украшенъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Результаты дѣлъ, о которыхъ упомянулъ я выше, окончились довольно выгодно для казны. Мы составили новыя правила для отчисленія въ Бессарабскій 10% капиталъ ежегодныхъ

суммъ на устройство тамошняго края; изъ предъявленныхъ долговъ этому капиталу на Государственномъ Казначействѣ за прежнее время, простиравшихся по исчисленію Бессарабской Казенной Палаты до 780 т. р. ассиг., мы, примѣнясь къ тѣмъ же правиламъ, предложили уплату Бессарабскому начальству только 67 т. р. На всѣ эти предложенія изъявлено согласіе генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи князя) Воронцова. Но главная выгода производившихся объ этомъ расчетовъ состояла въ томъ, что вновь данныя правила устранили и на всѣ послѣдовавшіе годы слишкомъ роскошное отчисленіе суммъ въ пользу 10% капитала изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Скажу не въ похвальбу себѣ, но какъ сущую истину, что всѣ эти правила для расчетовъ о 10% капиталѣ и всѣ сокращенія, сдѣланныя въ расходахъ казны по этому случаю, принадлежатъ собственно мнѣ, безъ участія г.г. директора и Басина. Неумѣренныя требованія баронессы Клопманъ за земли ея, отошедшія подъ Ковенское шоссе, по сдѣланнымъ съ нашей стороны замѣчаніямъ, приведены въ размѣръ опредѣленный закономъ и правилами, основанными на точнѣйшихъ исчисленіяхъ. Требовательный и настойчивый иностранецъ, баронъ Сакелларіо, не смотря на всѣ свои домогательства, вмѣсто огромныхъ процентовъ на проценты за многіе годы, удовлетворенъ очень въ уменьшенномъ видѣ, нежели онъ себѣ представлялъ; съ такою же осмотрительностію и стараніемъ соблюсти пользу казны представляемы были заключенія въ Правительствующій Сенатъ по всѣмъ подобнымъ дѣламъ, находившимся въ разсмотрѣніи нашего 1-го отдѣленія бухгалтеріи. Успѣшное производство этихъ дѣлъ доставляло вице-директору Басину, который по нимъ докладывалъ, уваженіе графа Канкрина и безпредѣльную довѣренность директора.

Въ 1834 году я разлучился съ любезнымъ товарищемъ по службѣ Николаемъ Род. Кондратьевымъ. Его сдѣлали начальникомъ 1-го контрольнаго отдѣленія, а на мѣсто его ко мнѣ поступилъ бухгалтеромъ столоначальникъ 2-го распорядительнаго отдѣленія Василій Осип. Будкинъ. Это былъ очень умный человѣкъ могъ очень скоро и правильно составлять дѣловыя бумаги, но не столько былъ знакомъ со счетною частію и особенно съ дѣломъ о составленіи росписи, требующимъ немаловременнаго опыта. Это перемѣщеніе для него было тяжело, да и съ моей стороны потребовало особенно усиленнаго труда; но «*Господь помощникъ мой и избавитель мой, на него уповахъ*»... Г. Будкинъ недолго пробылъ въ этой должности; какая-то страшная болѣзнь, въ родѣ размягченія мозга, свела его преждевременно въ могилу. Помощникъ его г. Сапожниковъ занялъ мѣсто бухгалтера по части росписи. Онъ получилъ образованіе въ Главномъ Инженерномъ училищѣ,

выпущенъ саперным офицеромъ, служилъ во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ и перешелъ въ гражданскую службу. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ удивительныя способности для счетной части. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы кто нибудь могъ быстрѣе его въ самыхъ затруднительныхъ справкахъ извлекать искомыя цыфры и распутывать самые неясные счеты; но каждому свое: онъ мало былъ ознакомленъ съ правилами Русскаго языка. Впрочемъ я отъ этого не встрѣчалъ затрудненій, и дѣло наше пошло несравненно успѣшнѣе прежняго.

Въ 1835 году директоръ нашъ, г. Княжевичъ 1-й, отпущенъ былъ въ отпускъ за границу, но болѣе для пользы службы, нежели для собственнаго отдыха.

Г.г. Княжевичи владѣютъ, между прочимъ, виноградными садами въ Крыму. Великій государственный хозяинъ, графъ Егоръ Францовичъ, желая улучшить винодѣліе въ Тавридѣ, предложилъ Дмитрію Максимовичу обозрѣть виноградники на Рейнѣ и, если возможно, пригласить въ Россію хорошихъ винодѣловъ для улучшенія Крымскихъ садовъ.

Управленіе департаментомъ нашимъ, на время отсутствія Дмитрія Максимовича, поручено вице-директору департамента внѣшней торговли, состоявшему при министрѣ тайному совѣтнику Ивану Максимовичу Ореусу. Онъ служилъ нѣкогда въ бывшей экспедиціи о доходахъ столоначальникомъ и былъ хорошо знакомъ со многими нашими чиновниками. Скоро онъ познакомился и со мною, часто въ департаментѣ приходилъ въ 1-е отдѣленіе бухгалтерій, садился возлѣ меня, требовалъ объясненій по предметамъ, касавшимся моего отдѣленія и другихъ частей департамента и всегда, повидимому, оставался доволенъ моими объясненіями, приходилъ въ департаментъ обыкновенно не позже 9 часовъ и заставалъ меня всегда на мѣстѣ и за дѣломъ. Лѣтомъ 1835 года онъ жилъ на дачѣ въ Гесслеровой аллеѣ, идущей отъ Широкой улицы на Петербургской Сторонѣ къ Крестовскому острову, а не подалеку отъ него нанималъ и я лѣтнюю квартиру. Мы часто встрѣчались по утру, идя къ должности. Онъ обыкновенно въ такомъ случаѣ дружески разговаривалъ со мною, но не иначе, какъ о предметахъ служебныхъ. Не смотря на временную обязанность свою въ отношеніи къ нашему департаменту, онъ исправлялъ ее съ особеннымъ усердіемъ.

При немъ возникло очень важное дѣло противъ интересовъ казны. Изъ разныхъ Польскихъ фундушей или суммъ, поступившихъ въ массу общественныхъ капиталовъ дворянства Гродненской губерніи, обращено было въ казну за недоимки около 1 мил. руб. ассиг. Дворянствомъ предъявленъ былъ споръ, разрѣшенный Сенатомъ въ

пользу истцовъ съ тѣмъ, чтобъ взятые изъ фундушей деньги возвратить отъ Министерства Финансовъ *съ накопившимися процентами*. Иванъ Максимовичъ очень озаботился этимъ дѣломъ и потребовалъ, чтобы каждый начальникъ отдѣленія представилъ ему свое мнѣніе, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ заплатить эти проценты, т. е. по 4%, 5% и 6%. Отъ меня этого мнѣнія не требовалось, потому что отдѣленіе мое было въ завѣдываніи г. Басина. По представленнымъ мнѣніямъ надо было, по самому меньшему размѣру, заплатить дворянамъ процентовъ не менѣе 200 т. рубл., такъ какъ принадлежавшія имъ суммы были взяты въ разные сроки, но въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ одно прекрасное утро, Василій Степановичъ, придя противъ обыкновенія, очень рано въ департаментъ, пригласилъ меня въ комнату общаго присутствія и спрашивалъ, что́ я думаю объ этомъ разсчетѣ съ дворянствомъ.

Зная, что большая часть взятыхъ изъ фундушей за недоимки денегъ употреблена была на разные расходы и только самая небольшая часть, до рѣшенія разныхъ тяжебныхъ дѣлъ, обращалась въ Банкѣ и Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, я сказалъ, что всего проще оставалось бы въ этомъ дѣлѣ придержаться буквы сенатскаго рѣшенія и не высчитывать проценты, а выдать столько, сколько ихъ получится отъ кредитныхъ установленій, такъ какъ Сенатомъ велѣно возвратить капиталъ съ *накопившимися*, а не съ *причитающимися* процентами. Едва успѣлъ я это сказать, какъ вошелъ къ намъ Иванъ Максимовичъ и показалъ Басину свою записку, по которой были исчислены очень умѣренные проценты, но все же около 200 т. рубл. серебромъ на весь капиталъ. В. С. Басинъ очень любезно отвѣчалъ, что не напрасно ли мы цыфиряли, разсчитывая проценты, и не лучше ли, придержась буквѣ сенатскаго рѣшенія, выдать ихъ столько, сколько получимъ сами отъ банковъ.

Иванъ Максимовичъ сложилъ свою записку въ четверо и спряталъ въ карманъ, поручивъ Басину доложить *его* мнѣніе министру.

Графъ Канкринъ нашелъ это мнѣніе совершенно справедливымъ. Вмѣсто 200 т. р. сер. заплачено процентовъ только 90 т. р. ассигн. Дворянство жаловалось Государю, но по заключенію Комитета Министровъ и высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, распоряженіе Министерства Финансовъ признано правильнымъ, и разсчетъ о 90 т. р. оставленъ во всей силѣ.

По этому дѣлу ходатайствовалъ въ Сенатѣ нѣкто г. Жальветръ, изъ Польскихъ урожденцовъ. Онъ былъ сильно убѣжденъ, что по точному смыслу рѣшенія, кромѣ капитала, получитъ онъ непремѣнно и самые высокіе проценты; но случилось не такъ, и онъ, будучи весьма

преклонныхъ лѣтъ, не могъ этого перенести; кажется, этотъ случай заставилъ его вскорѣ переселиться на тотъ свѣтъ, къ отцамъ и братіямъ Рѣчи Посполитой.

Настало время составленія государственной росписи на 1836 годъ. Иванъ Максимовичъ видѣлъ ясно, какъ умный человѣкъ, что главнымъ распорядителемъ и мастеромъ этого дѣла былъ самъ министръ и работалъ не иначе, какъ съ Василіемъ Степановичемъ, а послѣдній со мною. Министръ диктовалъ Басину всѣ доклады Государю, какіе находилъ нужными, наиболѣе важныя сношенія съ разными вѣдомствами о сокращеніи расходовъ по разнымъ министерствамъ; секретари писали также, по диктовкѣ графа, представленія о бюджетѣ Комитету Финансовъ и Государственному Совѣту. Въ чемъ же состояли наши бухгалтерскіе труды по росписи? Надобно сознаться, что они были довольно маловажны.

Нашимъ дѣломъ было наблюдать, чтобы въ смѣты разныхъ министерствъ не входили статьи, не разрѣшенныя высочайшими повелѣніями, чтобы таксовые и курсовые разсчеты были составлены вѣрно, чтобы сроки отпуска суммъ были соотвѣтственны существующимъ на то правиламъ и, наконецъ, чтобы каждая смѣта содержала опредѣленныя назначенія: сколько, откуда и какими частями слѣдуетъ къ выполненію расходовъ. Доходы требовали менѣе работы нашей, потому что смѣты о нихъ составлялись департаментомъ Министерства Финансовъ и подъ особеннымъ наблюденіемъ самого графа.

Для удобнѣйшихъ его соображеній мы составляли какъ о доходахъ, такъ и о расходахъ сравнительныя вѣдомости о суммахъ настоящаго и слѣдующаго бюджетнаго года, показывая въ нихъ возвышеніе или упадокъ каждой статьи доходовъ и объясняя достаточно основанія, принятыя какимъ-либо министерствомъ къ увеличенію расходовъ, также причины исключенія изъ счетовъ или послѣдовавшаго въ нихъ сокращенія. Для этой чисто-бухгалтерской работы нужны были усидчивость, привычка и аккуратность.

Графъ не любилъ умниковъ и терпѣть не могъ ничьихъ указаній въ финансовомъ дѣлѣ кромѣ высочайшей воли.

Какъ отличный въ свое время генералъ-интендантъ, онъ обращалъ особое вниманіе на расходы Военнаго Министерства и часто дѣлалъ весьма удачныя сокращенія расходовъ по военному и другимъ вѣдомствамъ, съ высочайшаго на то соизволенія. За всѣмъ тѣмъ онъ очень уважалъ и наши неособенно-важные труды, награждая охотно дѣятельность и усердіе. По утвержденіи росписи на 1836-й годъ я получилъ, по высочайшему повелѣнію, въ награду столовыя деньги по 2.000 р. ассигн. въ годъ, покуда находиться буду на службѣ. Эта ми-

лость исходатайствована мнѣ Иваномъ Максимовичемъ и Василіемъ Степановичемъ въ самомъ началѣ 1836 года. Скоро возвратился изъ-за границы Дмитрій Максимовичъ, и дѣла пошли прежнимъ порядкомъ; Ореусу вновь пришлось управлять, тоже временно, департаментомъ разныхъ податей и сборовъ.

Съ назначеніемъ мнѣ прибавочнаго содержанія средства въ пользу моего семейства и, главное, для образованія моихъ дѣтей, значительно увеличились.

Хотя я сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что исторія моего сына принадлежитъ ему; но за его дѣтство обязанъ отвѣчать я, какъ отецъ. Въ 1836 году ему минуло 5 лѣтъ. Онъ выучился читать почти играючи. Главною моею заботою было внушить ему, прежде всѣхъ познаній, начатки христіанства. Онъ любилъ бесѣдовать со мною и особенно съ большою охотою слушалъ разсказы мои изъ священной исторіи. Какъ ребенокъ, онъ иногда шалилъ, не слушался, капризничалъ, докучалъ просьбами о невозможномъ, выводя иногда изъ терпѣнія меня и мать. По его возрасту очень мудрено было убѣдить его словами, и хотя я это пробовалъ, но онъ слушалъ и дѣлалъ свое. Не мудрствуя лукаво, я объявилъ ему, что если онъ солжетъ или ослушается, то будетъ больно наказанъ розгами. Помня изреченіе Петра I-го «*всуе законы давать, если ихъ не исполнять*», я однажды что-то запретилъ ему, но чрезъ 10 минутъ онъ принялся опять за тоже; у меня недостало впрочемъ столько лютости, чтобъ его высѣчь, я ему повторилъ приказаніе: перестань! слушаться! Не пересталъ таки и ослушался; я его очень больно высѣкъ; потомъ въ подобныхъ запрещеніяхъ онъ, желая продолжать шалость, смотрѣлъ на меня, что́ я скажу; тогда я громко говорилъ *слушаться* и, какъ бы забава интересна для него ни была, онъ повиновался. Такимъ только способомъ я могъ избѣжать надъ нимъ частыхъ тѣлесныхъ наказаній и, говоря объ этомъ, не могу не вспомнить словъ библейскихъ: «любишь сына—не жалѣй жезла». Другой семейный законъ мой предложилъ я Софьѣ Петровнѣ, чтобъ она говорила съ обоими нашими дѣтьми не иначе, какъ по-французски, предоставя самому себѣ Русскій языкъ. Жена моя, не безъ затрудненія, на это согласилась и впослѣдствіи увидѣла сама прекрасные плоды этого правила. На шестомъ году сынъ мой могъ уже вести дѣтскій разговоръ по-французски, и даже малютка дочь наша, подражая брату, лепетала тоже по-французски на четвертомъ году возраста.

Уже въ первые годы младенчества дѣтей моихъ очень замѣтно было большое различіе въ ихъ характерахъ. Одинъ находилъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы бесѣдовать со мною, особенно о религіи, слушать исторію о сотвореніи міра, о пришествіи къ людямъ

Іисуса Христа Сына Божія, о будущемъ блаженствѣ добрыхъ, о безконечномъ страданіи злыхъ; другая любила болѣе всего быть съ малютками своего возраста, рѣзвиться и дѣлать всевозможныя сальтомортале, но была такъ жива и ловка, что никогда не ушибалась, чего, при ея чрезвычайной рѣзвости, мы безпрестанно опасались. Оба, сынъ и дочь, были одарены отличною памятью. Я занимался только съ сыномъ, мать—собственно съ дочерью. Мои занятія отнюдь не были для меня трудомъ, напротивъ того пріятнѣйшимъ отдыхомъ послѣ служебныхъ занятій. Чистописаніе, цыфры, начала рисованія, были игрушками для моего малютки, тогда какъ никакія обольщенія не могли подѣйствовать на дочь мою, чтобъ она согласилась заняться прилежно хотя одинъ часъ. Сѣсть смирно и заниматься было для нея наказаніемъ. Бѣгать, болтать, распѣвать какія-нибудь пѣсенки, вотъ что́ было ея любимымъ занятіемъ. Одинъ разъ мнѣ надобно было за что-то ее наказать, я сорвалъ пучекъ крапивы и хотѣлъ порядочно поучить шалунью; это было въ саду; она спряталась отъ меня въ кустахъ и, увидя, что я готовъ ее схватить, побѣжала отъ меня, и я съ полчаса напрасно за нею бѣгалъ; наконецъ, мнѣ стали смѣшны мой гнѣвъ на ребенка и ея кошачья быстрота; я бросилъ крапиву, позвалъ Машу къ себѣ, обѣщая прощеніе; она бросилась ко мнѣ на шею, и съ тѣхъ поръ мы съ нею помирились.

Мы съ женою усиливали свое стараніе о дѣтяхъ по мѣрѣ ихъ возраста. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы сынъ мой учился по-нѣмецки, но не книжному, а разговорному языку. Къ этому открылся прекрасный случай. У жены моей была очень хорошая знакомая, статская совѣтница Александра Ивановна Барклай-де-Толли, урожденная баронесса Ховенъ, супруга покойнаго генералъ-лейтенанта Бибикова и по второму замужеству родственница генералъ-фельдмаршала. Мужъ ея служилъ при Дрезденской миссіи и не находилъ удовольствія въ любви и дружбѣ своей супруги, которая, на Нѣмецкомъ языкѣ, была очень умная, а на Русскомъ—очень гордая и капризная дама. Она издавна любила мою Софію Петровну, и однажды мы, вмѣстѣ съ этой барыней, наняли дачу на Петербургской Сторонѣ. Отъ нечего дѣлать, она очень занялась моимъ Николинькой; къ радости нашей малютка полюбилъ ее и скоро привыкъ лепетать съ нею по-нѣмецки. Александра Ивановна, привыкнувъ къ моей семьѣ, не хотѣла, съ окончаніемъ лѣта, разъѣхаться съ нами и продолжала свои почти шуточныя занятія съ Николинькой. Года черезъ два онъ сталъ очень порядочно говорить по-нѣмецки, и мы взяли ему учителя, который могъ уже съ нимъ заниматься грамматически. Это былъ молодой и любезный Нѣмецъ изъ Риги, г. Томсонъ. Къ сожалѣнію, онъ занимался съ

моимъ ребенкомъ не болѣе года и потомъ вступилъ въ коронную службу въ одной изъ Остзейскихъ губерній.

Я ничего не жалѣлъ, чтобы продолжать начатое и обратился къ бывшему въ лютеранскомъ училищѣ Св. Петра инспектору Геккеру, извѣстному составленіемъ хорошей Нѣмецкой грамматики, съ убѣдительнѣйшею просьбой давать уроки моему сыну; но этотъ почтеннѣйшій человѣкъ не могъ на это согласиться, а рекомендовалъ мнѣ одного магистра Кенигсбергскаго университета, г. Вольфа, съ тѣмъ, чтобъ онъ преподавалъ моему сыну и Латинскій языкъ. Дѣло наше съ г. Вольфомъ пошло какъ нельзя лучше. Онъ не зналъ ни слова по-русски и кое-какъ лишь могъ объясняться на Французскомъ языкѣ, почему долженъ былъ преподавать латынь по-нѣмецки. Для Французскаго языка мы пригласили одного изъ младшихъ преподавателей 2-го Кадетскаго Корпуса г. Собера, бывшаго храбраго гусара Наполеоновской арміи 1812 года. Дѣти наши очень полюбили его. Они, конечно, не могли пріобрѣсти отъ него большихъ познаній; но онъ, будучи родомъ изъ Парижа, прелюбезно болталъ съ ними и скорѣе забавлялъ ихъ, нежели училъ; за то и былъ *не дорогъ*.

И не только дѣти, а всѣ мы полюбили душевно этого ветерана. Для меня онъ былъ забавенъ искусствомъ своимъ ломать нашъ Русскій языкъ. Часто разсказывалъ онъ мнѣ про Наполеона I-го, какъ онъ, въ день своего рожденія 3 (15) Августа, на военныхъ парадахъ разъѣзжалъ по рядамъ и дарилъ заслуженныхъ воиновъ полновѣсными Наполеондорами. Я говорилъ ему, что они, вѣроятно, были выбиты изъ золота, наловленнаго копьемъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ. Соберъ сердился. Иногда онъ повѣствовалъ намъ свою исторію, какъ грозно, весело и величественно шли они отъ Нѣмана до Москвы, а я спросилъ его: «Отчего же, г. Соберъ, вы говорите только о томъ, какъ весело войска ваши шли до Москвы; разскажите-ка, пожалуйста, какъ-то вы шли отъ Москвы и отчего не долго тамъ погостили?» Онъ надулся и съ досадою сказалъ: «Что же дѣлать, несчастіе можетъ случиться со всѣми».

Соберъ при обратномъ шествіи изъ Москвы взятъ былъ съ прочими толпами Бонапартовской сволочи въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, и гурты ихъ, отчасти подъ карауломъ деревенскихъ бабъ, разведены были по разнымъ губерніямъ. Соберъ попалъ въ Саратовъ. Тамъ ихъ на первый разъ заперли въ какой-то сарай; по счастію, при осмотрѣ плѣнныхъ какимъ-то чиновникомъ, Соберъ отличился хорошимъ своимъ произношеніемъ; за это взяли его учителемъ къ дѣтямъ губернатора, и съ того времени началось его педагогическое поприще. Онъ проболталъ у насъ болѣе года и передалъ свое мѣсто другому учи-

телю, своему товарищу г. Риго. Отъ послѣдняго мы получили только ту пользу, что онъ отпускалъ часто гостить къ намъ своего сына, Альфреда, съ которымъ дѣти мои играя упражнялись во Французскомъ языкѣ. Но какъ правильный ходъ ученія для толстаго, лѣниваго г. Риго былъ невозможенъ, то мы принуждены были взять человѣка болѣе способнаго. То былъ г. Ложье, красавецъ, умница, человѣкъ довольно образованный, и занятія съ нимъ дѣтей моихъ принесли имъ явную пользу. Онъ такъ же, какъ г. Вольфъ, пріѣхалъ недавно изъ Парижа, гдѣ почтенный его родитель имѣлъ ресторанъ на одномъ изъ бульваровъ, не зналъ по-русски ни слова, но полюбилъ насъ и Русскую ботвинью, которую называлъ *la soupe froide*.

Преподаваніе Русской грамматики, Русской и всеобщей географіи, ариѳметики, закона Божія я принялъ на себя. Менѣе всего мой ученикъ успѣвалъ въ географіи отъ тягостной ея номенклатуры. Это меня очень безпокоило; я всячески старался облегчить моему малюткѣ изученіе этой варварской науки. Напрасно, мнѣ кажется, называютъ ее пріятною; если учиться ей, какъ должно, то она очень тяжела.

Есть старинная пѣсня Аргонавтовъ: «*свѣтъ троякій зря счастливы очи*". Ея музыка лучше словъ; мы съ сыномъ любили пѣть одинъ изъ ея куплетовъ, именно:

„Образъ Діевъ, стѣны Вавилонски,
Гробъ Мавзоловъ и колоссъ Родосскій,
Ѳаросъ, пирамиды, съ храмомъ Артемиды,
Прахъ противъ нашихъ великихъ дѣлъ".

По легкости, съ которою сынъ мой выучилъ эти названія семи чудесъ свѣта, мнѣ пришла мысль, нельзя ли этотъ же способъ примѣнить и къ другимъ названіямъ историко-географическимъ, которыхъ огромная масса такъ обременяетъ память. Я сдѣлалъ опытъ, и онъ удался превосходно. Изъ этого составилась метода, которую одобрили многіе очень умные и надъ которою смѣялись многіе не очень глупые люди.

Вотъ въ чемъ дѣло. Если ребенокъ отъ природы имѣетъ музыкальную, хотя небольшую способность, напримѣръ, вѣрный слухъ, то въ успѣхѣ изученія множества собственныхъ именъ въ кратчайшее время сомнѣваться нельзя.

Мы начали съ Русской географіи. Взяли Архангельскую губернію. Надо было для этого расположить названія городовъ такъ, чтобы они подходили къ кадансу голоса или напѣва какой-либо музыкальной штуки, напримѣръ:

Архангельскъ,
Холмогоры,
Мезень, Кемь, Онега, Шенкурскъ, (Кола) и Пинега.
(bis) Кола и Пинега;
или
Каменецъ-Подольскъ, Проскуровъ,
Летичевъ, Литинъ, Брацлавъ,
Винница, Гайсинъ и Балта,
Могилевъ и Ольгополь,
Ушица, Ямполь.

Архангельскіе города подходили удобно на голосъ всѣмъ извѣстной Русской пѣсни «*Во саду ли, въ огородѣ*». Подольскую губернію пѣли мы на голосъ марша «*Громъ побѣды раздавайся*»; но послѣдніе два города, Ушица, Ямполь, нужно повторять, поддѣлываясь къ музыкальному размѣру.

Совокупное повтореніе въ школахъ почти на-распѣвъ таблицы умноженія отчасти указываетъ на возможность успѣха моей методы.

Такъ изученіе названій Американскихъ штатовъ съ ихъ городами было для насъ легко и пріятно.

На 11 году надобно было начать понемногу заниматься математикою повыше тѣхъ свѣдѣній, нежели могъ сообщить я самъ. Добрѣйшій нашъ Нѣмецко-латинскій учитель, бывъ тогда гувернеромъ въ приготовительномъ отдѣленіи Главнаго Педагогическаго Института, рекомендовалъ мнѣ для этого студента Жирухина, бывшаго послѣ адъюнктъ-профессоромъ математики въ томъ же Институтѣ. Испытавъ моего сына въ ариѳметикѣ, г. Жирухинъ нашелъ возможнымъ начать съ нимъ алгебру и геометрію. Къ сожалѣнію, г. Жирухинъ преподавалъ эти предметы мальчику 11 лѣтъ, какъ 20-лѣтнему студенту: прочтетъ, бывало, свою лекцію, возметъ 5 р. и уйдетъ. Я, человѣкъ православный, не могъ ни съ которой стороны судить о достоинствѣ преподаванія Агарянской науки, *алгебры*, и потому дѣло шло неуспѣшно. Однако же случилось, что, во время преподаванія Жирухинымъ геометріи, пришелъ къ намъ родной племянникъ Софьи Петровны, молодой инженерный офицеръ путей сообщенія Краснопольскій *); онъ нашелъ это преподаваніе слишкомъ непрочнымъ и принялъ великодушно на себя досказать своему маленькому двоюродному брату все то, что́ Жирухинъ преподалъ, но не сыну моему, а пріятному зефиру, который леталъ около, слушая его краснорѣчіе.

Вообще душевная благодарность моя и жены моей къ благородному истинно-родственному пособію М. Я. Краснопольскаго, въ выс-

*) Строитель, впослѣдствіи, знаменитыхъ мостовъ по Американской системѣ въ городахъ Псковѣ и Островѣ.

шей степени добросовѣстному преподавателю Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ г. Вольфу и за пріятнѣйшую болтовню съ нашими дѣтьми по-французски г. Ложье, сохранится нами до гроба.

Возвращаюсь къ предметамъ службы. Директоръ нашъ много и долго убѣждалъ графа Канкрина усилить денежныя средства департамента, чтобы нѣкоторымъ увеличеніемъ рабочихъ силъ нѣсколько усоразмѣрить тяжкіе труды чиновниковъ счетныхъ отдѣленій; но все это было безуспѣшно. Дмитрій Максимовичъ, къ большой досадѣ впрочемъ министра, бросилъ довольно неблагодарную для него службу въ Министерствѣ Финансовъ и перешелъ въ вѣдомство Народнаго Просвѣщенія. Тогдашній министръ, графъ Уваровъ, опредѣлилъ его попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Въ Августѣ 1837 года къ намъ поступилъ аристократъ, бывшій управляющимъ въ Заемномъ Банкѣ, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко. Онъ началъ по-русски, съ хлѣба соли. Дмитрій Максимовичъ и директоры прочихъ департаментовъ Министерства Финансовъ, канцеляріи министра и всѣ наши начальники отдѣленій приглашены были къ великолѣпному обѣду, гдѣ за каждымъ гостемъ былъ особый слуга. Ливреи слугъ были двухъ гербовъ, краснаго—князя Безбородко и синяго—фамиліи Кушелевыхъ. Обѣдъ происходилъ на извѣстной дачѣ, находящейся на Выборгской сторонѣ, на берегу Невы.

Наканунѣ графъ А. Г. принялъ департаментъ и спросилъ перваго меня, вѣроятно, зная, что отъ моего отдѣленія представляются срочныя бумаги и вѣдомости къ всеподданнѣйшимъ докладамъ. Первымъ его со мною словомъ было: «Познакомьте меня съ вашимъ отдѣленіемъ». Я доложилъ: «Не позволите ли, ваше сіятельство, для предварительнаго обозрѣнія предметовъ, относящихся къ моему отдѣленію, почтительнѣйше представить образцы срочныхъ счетовъ, докладываемыхъ Государю, и дѣло о составленіи росписи на истекающій годъ?»—«*Очень хорошо, потрудитесь прислать мнѣ все это подъ конвертомъ*», что́ я и сдѣлалъ. Оно было очень удобно, потому что графъ А. Г., желая ознакомиться съ дѣлами и обозрѣвъ ихъ предварительно, могъ сдѣлать мнѣ всѣ необходимые вопросы, тогда какъ, не видя ихъ, онъ нескоро бы понялъ меня, и на мое разглагольствіе потребовалось бы очень много времени. Графъ А. Г. былъ высоко образованный и, главное, добрый человѣкъ. Онъ имѣлъ дипломъ отъ Московскаго Университета на степень доктора этико-политическихъ наукъ и, самое главное: получая съ имѣній своихъ 900 т. р. ассиг. ежегоднаго дохода, самъ своеручно велъ счеты своимъ доходамъ и расходамъ.

Въ первые годы своего вступленія къ намъ директоромъ онъ много сдѣлалъ добра департаменту. Чего не могъ достигнуть Дмитрій

Максимовичъ, то графъ Кушелевъ - Безбородко испрашивалъ у министра скоро и легко. Такъ онъ доставилъ прибавку счетнымъ частямъ нашимъ до 85 т. р. ассигн. въ годъ.

Изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій онъ обратилъ преимущественно вниманіе на Семена Михайловича Кобылина и на меня, потому что въ моемъ отдѣленіи были бюджетная и кассовая части, а у перваго отчетность Государственному Контролю и Государственному Совѣту. Часто требовалъ онъ насъ къ себѣ по утрамъ въ свой городской домъ (у Гагаринской пристани). За нами обыкновенно пріѣзжала карета четвернею съ двумя гайдуками въ алыхъ ливреяхъ.

Графъ старался ознакомить насъ съ принятою имъ методою счетоводства по его имѣніямъ, желая примѣнить ее къ счетамъ Государственнаго Казначейства. Сущность этой методы состояла въ томъ, чтобы главный сводъ счетовъ всегда представлялъ вѣрные итоги: назначенія, прихода, расхода и наличности суммъ, долги дебиторовъ и долги кредиторамъ. Всѣ подверженныя измѣненіямъ цыфры, напримѣръ, *назначенія* писались какъ въ общемъ сводѣ, такъ и частныхъ счетахъ красными; неизмѣняемыя (*приходъ, расходъ и наличность*) черными чернилами.

Мы докладывали, съ своей стороны, что находимъ этотъ порядокъ чрезвычайно удобнымъ и постараемся ввести его, гдѣ окажется возможнымъ. Это очень пріятно было графу.

Вскорѣ по его вступленіи къ намъ случилось одно очень экстренное и важное дѣло по моему отдѣленію.

Въ 1837 году Государь Императоръ поручилъ министру объяснить Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ царствующему Императору) систему финансовъ Имперіи въ видѣ лекціи, въ составъ которой потребовалось не слишкомъ подробное, но обстоятельное объясненіе государственной росписи. Графъ Канкринъ приказалъ директору сдѣлать по этому предмету записку или объяснительное описаніе всѣхъ статей росписи, показавъ доходъ изъ налоговъ прямыхъ по окладамъ въ частности и годовое вступленіе по назначенію росписей текущаго года; налоги косвенные по способу взиманія съ обозначеніемъ общей годовой бюджетной цыфры каждаго наименованія. Прочіе неопредѣленные и случайные доходы приказано было показать по соображенію съ отчетами послѣднихъ лѣтъ, объяснивъ, по какимъ именно случаямъ они поступили и поступить могутъ.

Расходы росписи слѣдовало раздѣлить такъ: содержаніе высочайшаго двора и духовенства, платежъ долговъ, народное образованіе, издержки на сохраненіе внѣшней и внутренней безопасности государства, на взиманіе доходовъ, пути сообщенія и публичныя зданія, со-

держаніе контроля и почтъ. Каждая изъ этихъ главныхъ статей должна была имѣть свои подраздѣленія, чтобы дать ясное понятіе о всѣхъ видахъ государственныхъ расходовъ.

Дѣло это графъ Александръ Григорьевичъ возложилъ собственно на меня, и какъ онъ этимъ очень спѣшилъ, то надобно было заниматься день и ночь въ продолженіе двухъ сутокъ. По окончаніи всей этой работы составилась очень порядочная, по числу листовъ, книжечка. Къ величайшему моему счастію, и директоръ, и министръ остались вполнѣ ею довольны, тогда какъ, зная до какой высокой степени доходили въ подобныхъ дѣлахъ свѣдѣнія министра, я очень боялся неудачи.

Другой экземпляръ этой книги, очень чисто переписанной, хранился у меня въ департаментѣ; но эту книжку какіе-то злодѣи, не украли, а такъ себѣ—тихонько взяли и унесли домой.

Роспись на 1838 годъ подъ надзоромъ министра совершилась благополучно.

Великодушный графъ Александръ Григорьевичъ не оставилъ безъ особеннаго уваженія трудовъ по описанію росписи и исходатайствовалъ мнѣ награду необыкновенную: я удостоился получить, въ чинѣ 7 класса (надворнаго совѣтника) орденъ св. Владимира 3-й степени, кромѣ того 1000 р. ассигн. единовременно. Въ докладной запискѣ объ орденѣ сказано, однакоже, что онъ жалуется за участіе въ трудахъ по составленію росписи, такъ какъ неудобно было бы просить награды за трудъ по описанію ея, порученный собственно министру.

За роспись 1839 года и отчетность за 1836 и 1837 годовъ исходатайствовано графомъ директоромъ небывалое прежде денежное награжденіе мнѣ и обоимъ братьямъ г.г. Кобылинымъ по 5000 р. ассигн.; съ легкой руки графа А. Г., начали испрашивать у Государя денежныя награды каждый годъ всѣмъ начальникамъ отдѣленій по росписи и отчетности, но не въ такомъ уже размѣрѣ, а не выше 2000 р. ассигн. или 600 рубл. сер., и съ тѣмъ вмѣстѣ въ этой монаршей милости участвовали, по соразмѣрности званій, бухгалтеры и протчіе чиновники. Это продолжалось десять лѣтъ и прекратилось при министрѣ графѣ Вронченкѣ, на докладѣ котораго о томъ же награжденіи послѣдовала высочайшая резолюція въ Январѣ 1840 года: «Дѣлали свое дѣло; дать половину и впредъ не представлять».

Въ 1841 году, по случаю переложенія ассигнацій на серебро, высочайше учреждена въ Министерствѣ Финансовъ при департаментѣ Государственнаго Казначейства коммиссія, составленная изъ депутатовъ всѣхъ министерствъ и управленій подъ предсѣдательствомъ нашего директора, для переложенія на серебро всѣхъ штатовъ. Цѣль этой

коммиссіи состояла въ томъ, чтобы каждый опредѣленный окладъ переложенъ былъ въ круглую, сколько возможно, сумму, для удобнѣйшаго дѣленія на третныя и мѣсячныя части; чтобы разные вычеты, слѣдующіе въ инвалидный и пенсіонный капиталы, также удобно дѣлились безъ мелкихъ долей копейки и чтобы, наконецъ, переложеніе сдѣлано было, сколько позволитъ возможность, безъ ущерба для казны и чиновниковъ. Управляющимъ дѣлами этой коммиссіи сдѣланъ былъ я. Она продолжалась болѣе года и навлекла мнѣ множество хлопотъ сверхъ обыкновенныхъ занятій по должности. Соглашеніе мнѣній разныхъ депутатовъ, составленіе журналовъ, извѣщеніе министровъ и главно-управляющихъ о постановленіяхъ коммиссіи; распубликованіе чрезъ Правительствующій Сенатъ переложенныхъ на серебро штатовъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ испрашиваніе разрѣшеній Комитета Министровъ; нѣкоторые слишкомъ мелочные разсчеты, которые коммиссія обязана была повѣрить, напримѣръ, переложеніе разныхъ таксъ, военныхъ табелей, вещеваго довольствія войскъ, кормовыхъ денегъ и проч. терзали насъ своею мелодой и подробностью. Но въ этомъ чрезвычайно многотрудномъ дѣлѣ были мнѣ превосходными помощниками бухгалтеры моего отдѣленія гг. Сапожниковъ и Шемадамовъ.

Послѣдній, человѣкъ съ отличными дарованіями, изобрѣлъ средство къ облегченію расчетовъ нашихъ.

Посредствомъ его таблички можно очень легко перечислять какія угодно цыфры серебряныхъ денегъ на ассигнаціи и съ такимъ же удобствомъ обратно переводить ассигнаціи на серебро.

Съ нѣкоторою привычкою чиновники дѣлали такимъ способомъ переложеніе очень скоро, но не всякій могъ сдѣлать эту привычку; это удавалось только людямъ, способнымъ къ головному счисленію. Объ этомъ счастливо придуманномъ способѣ я довелъ до свѣдѣнія графа А. Г. Онъ велѣлъ Шемадамову сдѣлать при себѣ перечисленіе какой-то большой ассигнаціонной суммы, и даровитый Шемадамовъ объявилъ ему въ тотъ же моментъ сумму, которую она составитъ на серебро. Графъ не вѣрилъ, полагая, что это какой нибудь фокусъ; раздѣлилъ данную сумму самъ на 350 и убѣдился, что способъ этотъ превосходенъ. Съ тѣхъ поръ онъ обратилъ на Шемадамова особенное вниманіе, но, къ несчастію, не могъ ничего сдѣлать этому отличному чиновнику, кажется потому, что отношенія директора къ министру нѣсколько измѣнились, по какимъ-то неслужебнымъ обстоятельствамъ.

Мы, всѣ подчиненные графа А. Г., любили его какъ своего благодѣтеля; одинъ я оказался ему неблагодарнымъ отъ предосудительной вспыльчивости и нетерпѣливости своей. Покаюсь въ этомъ.

Въ 1842 году надо было избрать въ Государственномъ Казначействѣ разные свободные капиталы до 8 мил. руб. сер. для обращенія въ составъ неприкосновеннаго фонда, предположеннаго для обезпеченія хода въ народномъ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. На совѣщаніе съ Васильемъ Степановичемъ о томъ, какіе капиталы должны быть обращены въ составъ этого фонда, директоръ употребилъ все присутственное время, 13 Сентября 1842 г., и приказалъ мнѣ написать немедленно, по ихъ соображеніямъ, нужныя бумаги. Занявшись этимъ тотчасъ же, я замѣтилъ, что не всѣ суммы, которыя на этомъ совѣщаніи избраны, могли быть взяты въ составъ фонда, такъ какъ нѣкоторые капиталы получили уже всѣ или частію назначенія высочайше утвержденныя Государемъ Императоромъ, почему и слѣдовало соображенія нашихъ командировъ измѣнить. Я заготовилъ всѣ по этому предмету довольно сложныя и большія бумаги и, считая своею обязанностію доложить ихъ предварительно г. Басину, отправился къ нему на квартиру въ 7 часовъ вечера, но мнѣ сказали, что онъ въ церкви; потомъ еще въ 9 часовъ—объявили, что онъ прогуливается и когда возвратится неизвѣстно; послѣ того ходилъ къ нему въ 10 часовъ—объявили, что спитъ, а будить не смѣютъ; былъ и поутру, но мнѣ сказано, что Василій Степановичъ желаетъ объясниться въ департаментѣ со мною, а въ департаментъ его превосходительство пожаловалъ отъ обѣдни, когда пріѣхалъ и самъ директоръ, то есть во второмъ часу, и спѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ Басинымъ къ министру.

Я представилъ графу свои бумаги. Начавъ ихъ мелькомъ разсматривать, онъ увидѣлъ одну сумму 56/т. рубл., которую онъ считалъ слишкомъ мелочною и, остановясь на этомъ, объявилъ, что бумаги мои никуда не годятся и что я, когда дѣло идетъ о 8,000,000 рубл. сер., пишу о такой ничтожной суммѣ, какъ 56/т. рубл. сер. Мнѣ это показалось крайне обиднымъ тѣмъ болѣе, что всѣ начальники отдѣленій были въ общемъ собраніи предъ докладомъ въ комнатѣ присутствія; а при томъ злой духъ внушилъ мнѣ, что если я проглочу этотъ выговоръ безмолвно, то за этимъ останется терпѣть и тогда, если аристократу вздумается плюнуть мнѣ въ глаза. Я дрожалъ, слезы явились у меня на глазахъ, но почтительнѣйше доложилъ графу, что о 56/т. написаны слова не мои, а позаимствованы въ точности изъ подлиннаго высочайшаго повелѣнія; основаніе же, по которому неизбѣжно было отступить отъ назначеній, сдѣланныхъ на вчерашнемъ совѣщаніи, я всячески старался довести до свѣдѣнія Василья Степановича, и для того нѣсколько разъ являлся къ нему, чтобы предварительно показать свою работу, но не былъ принятъ его превосходительствомъ.

Графъ, пересмотрѣвъ опять всѣ бумаги, началъ ихъ скрѣплять одну за другою. Когда онъ окончилъ подписи, я, въ величайшемъ смущеніи, доложилъ ему: «Ваше сіятельство, я, прослуживъ 32 года, никогда не получалъ выговоръ за работу, но всегда имѣлъ я счастіе пользоваться признательностію начальства и вашею въ особенности; а потому испрашиваю великодушнаго прощенія въ томъ, что горе свое о настоящемъ со мною случаѣ не имѣю силы перенести и скрыть отъ васъ и моихъ товарищей». Съ этимъ словомъ я вышелъ изъ комнаты общаго присутствія; а графъ, вскочивъ съ своего мѣста, взялъ меня подъ руку и началъ ходить со мною по отдѣленію, дѣлая разные вопросы, касавшіеся этихъ бумагъ, но не сказалъ ни одного слова въ извиненіе своего опрометчиваго выговора.

Вслѣдъ за тѣмъ другой весьма непріятный случай явно охладилъ расположеніе графа ко мнѣ и моему отдѣленію.

Онъ увлекся какою-то страстію вводить разныя формы счетовъ и табелей ненужныхъ вовсе для службы, но довольно затруднительныхъ. Пріѣхавъ однажды въ департаментъ, по своему обыкновенію около $1^1/_2$ часа пополудни, онъ пришелъ къ намъ въ 1-е отдѣленіе и обратился съ приказаніемъ ко мнѣ и Шемадамову, чтобы мы сдѣлали табели на большихъ Александрійскихъ листахъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть ежемѣсячное поступленіе доходовъ и выполненіе расходовъ, суммы, высланныя въ Главное Казначейство изъ казначействъ уѣздныхъ, суммы, остающіяся въ недоимкѣ изъ доходовъ, недоплаченные расходы и ожидаемые еще къ высылкѣ въ Казначейство.

Я удивлялся, отчего графъ, пробывъ у насъ директоромъ около 6 лѣтъ, не могъ замѣтить, что, по отдаленности нашихъ отчетныхъ смѣтъ, подобныя свѣдѣнія не могли быть никогда получаемы къ удобнымъ для нашихъ соображеній срокамъ, что эти мѣсячныя свѣдѣнія всегда были бы и не полны и не вѣрны, что къ тому времени, когда могли они быть доставлены, оканчиваются и самые годовые отчеты по всѣмъ оборотамъ Государственнаго Казначейства и что, наконецъ, заведеніе этихъ новыхъ табелей было бы для тружениковъ-чиновниковъ совершенною казнію Данаидъ, такъ какъ цыфры въ этихъ табеляхъ надобно было безпрестанно перемѣнять и часто самыя табели переписывать. Но графъ, нисколько не думая объ этомъ, требовалъ, чтобы въ табеляхъ показывались цыфры: неизмѣняемыя—черными чернилами, а предполагаемыя—красными. Я улыбнулся совершенно противъ воли своей. Графъ строго на меня взглянулъ и, не окончивъ съ нами, ушелъ въ свой кабинетъ. Говоря объ этомъ, я проклинаю свою неумѣстную, хотя не умышленную, улыбку; ибо графъ, не смотря на капризы большаго барина, за свое великодушіе и стараніе о всѣхъ насъ заслужи-

валъ глубочайшее почтеніе и признательность цѣлаго департамента. Можно было бы, не входя въ большіе диспуты, завести эти табели, и потомъ прекратить ихъ, ибо скоро самъ графъ убѣдился бы въ совершенной невозможности выполненія его плана.

Тѣмъ досаднѣе казалась мнѣ моя безумная улыбка, что наступило время опредѣлять моего сына въ гимназію: при благорасположеніи ко мнѣ начальства, его тотчасъ бы приняли туда на казенный счетъ, но разсердивъ графа, я могъ опасаться отказа. Поэтому я не осмѣлился просить директора лично, а обратился къ одному изъ нашихъ начальниковъ отдѣленія, управлявшему конторою по имѣніямъ графа, г-ну Виноградову, который взялъ это дѣло на себя съ удовольствіемъ. Я желалъ опредѣлить сына во 2-ю гимназію, слыша много хорошаго о ея преподавателяхъ. Графъ далъ мнѣ знать, что онъ готовъ это сдѣлать, но велѣлъ меня спросить: почему же я не желаю помѣстить сына въ 1-ю гимназію? Я отвѣчалъ, что готовлю своего сына не для высшаго общества и болѣе надѣюсь на преподавателей 2-й гимназіи.

Въ Августѣ 1842 г. исходатайстовано высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи сына во 2-ю гимназію съ платою за него изъ казны 214 р. 28 к. и единовременно на обзаведеніе 14 р. 28½ коп.

Мы съ сыномъ поѣхали къ графу на дачу благодарить его, и онъ, повидимому, принялъ насъ очень благосклонно.

Въ 1842 году графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ оставилъ министерскій постъ, и на мѣстѣ его явился въ качествѣ управляющаго Министерствомъ Финансовъ тайный совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ Вронченко.

Вскорѣ послѣ этого наша коммисія о переложеніи на серебро окончилась, и всѣ участвовавшіе въ ней чиновники представлены къ наградамъ. Собственно на счетъ мой графъ А. Г. распорядился такъ: я былъ управляющимъ дѣлами коммисіи, но въ представленіи о наградахъ названъ депутатомъ со стороны Министерства Финансовъ, а званіе управлявшаго дѣлами приписано правителю канцеляріи нашего департамента, г. Диденко, собственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доставить ему хорошую награду, тогда какъ онъ не переступилъ ни разу даже чрезъ порогъ коммисіи. Ему, всѣмъ депутатамъ другихъ министерствъ и обоимъ бухгалтерамъ, моимъ помощникамъ, гг. Сапожникову и Шемадамову, даны денежныя награды, соотвѣтствующія полугодовому жалованью, а мнѣ объявлено монаршее благоволеніе.

Высочайшимъ указомъ 16 Января 1844 г. графъ Кушелевъ-Безбородко пожалованъ сенаторомъ, а начальникомъ департамента нашего сдѣланъ бывшій мой командиръ и постоянный благодѣтель, Але-

ксандръ Максимовичъ Княжевичъ. Вскорѣ и графа Канкрина смѣнилъ товарищъ его Вронченко.

Повидимому этимъ назначеніемъ былъ очень недоволенъ В. С. Басинъ. Онъ, въ ту самую минуту, когда новый директоръ хотѣлъ войти въ свой кабинетъ, подалъ просьбу объ отставкѣ. Это было впрочемъ очень грубо. Еще при вступленіи къ намъ графа Кушелева графъ Канкринъ докладывалъ Государю, что хотя Басинъ по старшенству и долженъ былъ занять мѣсто директора, но по старости своей отказывается отъ этой должности и, оставаясь въ званіи вице-директора, можетъ своею опытностію быть весьма полезенъ на службѣ, за что и пожаловали Басину единовременно 10/т. рубл. Продавъ, такимъ образомъ, свое право, онъ уже не имѣлъ причины думать, что его обошли при избраніи директора, послѣ Кушелева.

Со вступленіемъ Александра Максимовича, порядокъ службы снова измѣнился. Онъ не подписывалъ бумагъ какъ баринъ, на кредитъ, но читалъ каждую непремѣнно, и надобно было очень изучить свое дѣло прежде нежели пойдешь съ нимъ къ докладу въ кабинетъ директора.

Въ 1844 году новое наше начальство исходатайствовало высочайшее соизволеніе, по которому дочь моя опредѣлена въ Институтъ св. Екатерины на казенное содержаніе. Принеся благодарность мою Александру Максимовичу, я счелъ это милостію Провидѣнія за непризнанные, но тяжкіе труды въ нашей коммисіи.

Скоро новый, но отлично опытный директоръ нашъ убѣдился въ быстромъ и правильномъ теченіи дѣлъ въ моемъ отдѣленіи, безъ всякаго уже участія вице-директора Басина, съ которымъ онъ не хотѣлъ имѣть никакихъ объясненій. Наступило время къ составленію росписи на 1845 годъ. Я уже сказалъ прежде, что геній графа Канкрина выносилъ всѣ трудности этого чрезвычайно важнаго финансоваго дѣла. Всѣ доклады о немъ Государю, Комитету Финансовъ и Государственному Совѣту бывшій министръ диктовалъ своимъ секретарямъ и присылалъ къ намъ лишь для переписки, и отъ департамента требовалъ по этому предмету однѣхъ справокъ. Теперь всѣ труды по росписи остались на обязанности начальника отдѣленія; ему пришлось отвѣчать за всѣ промахи и упущенія, которыя могли случиться при разсмотрѣніи смѣтъ разныхъ вѣдомствъ и составленіи изъ нихъ общаго государственнаго бюджета. По обширности департамента, новому директору трудно было ознакомиться вдругъ со всѣми подробностями этого дѣла и объяснять министру, тоже мало знакомому со смѣтами, разные случаи, встрѣчающіеся при ихъ разсмотрѣніи.

Разсматривая роспись 1844 года, министръ Вронченко весьма основательно пожелалъ удостовѣриться, согласно ли съ предположеніемъ поступаютъ разные доходы, неимѣющіе опредѣлительнаго назначенія, и не производится ли какихъ либо лишнихъ расходовъ противъ исчисленій по смѣтамъ министерства?

Для этого надобно было обратиться къ отчетности, и Александръ Максимовичъ поручилъ начальнику отдѣленія С. М. Кобылину составить такія табели, которыя выражали бы вѣрно, какъ дѣйствительное поступленіе доходовъ, такъ и выполненіе расходовъ.

Эти табели сдѣланы были въ отчетныхъ отдѣленіяхъ немедленно. Министръ доложилъ ихъ Государю съ объясненіемъ, что, до поступленія его министромъ, многіе доходы и расходы поступали далеко не соотвѣтственно съ назначеніемъ. Поэтому высочайше повелѣно исправить смѣты о тѣхъ и другихъ, прибавя недостающее и исключивъ излишнее. Исполненіе этого высочайшаго повелѣнія принадлежало къ обязанностямъ моего 1-го отдѣленія. Высочайшую волю относительно расходовъ сообщили прочимъ министрамъ, объ исправленіи исчисленій доходовъ дали знать прочимъ департаментамъ нашего министерства и объявили графу Киселеву, министру государственныхъ имуществъ. Послѣдствіемъ этого было, что смѣты возвысились на 5/м. р., отчего даже за замѣномъ оказавшихся по нѣкоторымъ статьямъ доходовъ открылся дефицитъ до $3^1/_2$ м. р.

Это событіе, возможное при какихъ либо несчастныхъ обстоятельствахъ, было слишкомъ несообразно съ благополучными свѣдѣніями объ урожаѣ, цѣнахъ на провіантъ и при совершенномъ спокойствіи въ политическихъ взаимныхъ отношеніяхъ Европейскихъ государствъ во второй половинѣ 1844 года.

Я сдѣлалъ примѣрное о бюджетѣ 1845 года соображеніе съ показаніемъ дефицита въ $3^1/_2$ милліона. Директоръ докладывалъ это соображеніе безъ меня. Вронченко испугался его результатовъ, и не безъ причины.

Онъ потребовалъ меня къ 6 часамъ вечера того же дня, и у насъ происходилъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Онъ (показывая мнѣ соображенія по бюджету). Вы, милостивый государь, знаете это соображеніе?

Я. Долженъ знать, ваше высокопревосходительство.

Онъ. Долженъ! Да знаете ли?

Я. Знаю.

Онъ. Я просилъ бы васъ покорнѣйше объяснить мнѣ, какой дьяволъ заставилъ васъ показать дефицитъ въ $3^1/_2$ мил. Понимаете ли вы,

милостивый государь, что при благополучномъ положеніи государства этого не можетъ быть.

Я. Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

Онъ. Зачѣмъ же вы написали здѣсь такую дичь?

Я. Эти счеты не что иное, какъ простое сложеніе предполагаемыхъ на 1845 годъ доходовъ и расходовъ; изъ ихъ взаимнаго сравненія выходитъ, что первые недостаточны на покрытіе вторыхъ.

Онъ. Тутъ есть какая нибудь ошибка.

Я. Осмѣливаюсь доложить, что въ этомъ дѣлѣ ошибки не допускаются.

Онъ. Отчего расходы по всѣмъ почти вѣдомствамъ стали выше, нежели въ нынѣшнемъ году?

Я. Отъ увеличенія примѣрно назначаемыхъ расходовъ, не имѣющихъ опредѣлительнаго назначенія.

Онъ. На какомъ основаніи вы это сдѣлали?

Я. По высочайше утвержденной 15 Сентября докладной запискѣ вашего высокопревосходительства.

Онъ. Государю угодно было приказать, чтобы и доходы возвысились по тѣмъ статьямъ, гдѣ они показывались невѣрно.

Я. Они поставлены были въ бюджетѣ 1844 г. графомъ Егоромъ Францовичемъ, и въ примѣрномъ исчисленіи на 1845 увеличены въ нѣкоторыхъ статьяхъ, согласно съ послѣдними табелями, доложенными Государю.

Онъ. Вы изволите мнѣ дичь пороть! Я вамъ говорю, что доходы надо возвысить соразмѣрно расходамъ.

Я. Каждая цыфра доходовъ неопредѣленныхъ поставлена изъ записки 15 Сентября, а государственныя подати и всѣ окладные доходы въ тѣхъ самыхъ цыфрахъ, какія мы получили изъ прочихъ финансовыхъ департаментовъ и Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но если благоугодно будетъ сдѣлать увеличеніе въ нѣкоторыхъ статьяхъ сверхъ того, то это зависѣть будетъ отъ назначенія вашего высокопревосходительства.

Онъ. Почему же департаментъ Казначейства допустилъ въ прежнихъ смѣтахъ несоотвѣтственное съ дѣломъ уменьшеніе расходовъ?

Я. Бывшій г. министръ, зная все это въ подробности, находилъ невозможнымъ поправлять цыфры неопредѣленныхъ расходовъ; потому что если нѣкоторые изъ множества подобныхъ расходовъ увеличиваются, то передержки въ тоже самое время покрываются уменьшеніемъ издержекъ на другіе предметы. Такъ напримѣръ, во время рекрутскихъ наборовъ, статья на содержаніе рекрутъ возвышается болѣе нежели на $1^1/_2$ м. р., но въ тоже время увеличивается и доходъ, вносимый на

эту надобность отдатчиками рекрутъ; суммы на чрезвычайные по губерніямъ расходы никогда, даже и приблизительно, въ бюджетѣ опредѣлены быть не могутъ, то увеличиваясь, то уменьшаясь по разнымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ. Нельзя также не доложить о платежахъ Придворной Конторѣ за чрезвычайные расходы: они въ недавнихъ еще годахъ не превышали 120—160 т. въ годъ, и только въ 1844 году ассигновано было 445 т., которыя, по высочайшему повелѣнію 15 Сентября, поставлены въ бюджетъ 1845 года.

Онъ. Такъ вы находите, что дополнять такіе расходы не слѣдовало?

Я. Точно такъ, слѣдуя правиламъ бывшаго министра.

Онъ (громовымъ басомъ). Азіатскій образъ мыслей!! Съ этимъ словомъ онъ ударилъ кулакомъ по столу и вышелъ изъ кабинета, оставя тамъ меня одного.

Зная страшно подозрительный характеръ Вронченки, я вышелъ изъ кабинета въ ближайшую комнату, чтобы удалить подозрѣніе, что я безъ него читалъ какія нибудь секретныя бумаги.

Министръ, возвратясь изъ внутреннихъ комнатъ, грозно спросилъ: Отчего вы здѣсь, а не тамъ?

— Оттого, ваше высокопревосходительство, чтобы не дать подозрѣнія на себя, что я читалъ на столѣ ваши бумаги.

Онъ не сказалъ ничего и долго ходилъ большими шагами по комнатѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и раздумья онъ отпустилъ меня, приказавъ мнѣ явиться къ нему завтра въ 8 часовъ утра.

Явясь къ назначенному времени, я былъ тотчасъ же позванъ къ Ѳедору Павловичу и нашелъ его гораздо спокойнѣе. Онъ спросилъ, что̀ я думаю о возможности покрыть исчисленный дефицитъ. Я отвѣчалъ, что если бы при дальнѣйшемъ ходѣ росписи не встрѣтилось къ тому благопріятныхъ обстоятельствъ къ сокращенію расходовъ, то можно было бы уменьшить сумму, списываемую въ бюджетѣ изъ доходовъ на случай слабаго поступленія [недоимокъ. Эта сумма составляла до 7 м. и въ благополучные годы была слишкомъ велика въ сравненіи съ дѣйствительною надобностью. Министръ, сказавъ, что онъ и самъ тоже думаетъ, отпустилъ меня очень ласково и послѣ говорилъ директору, что онъ нашелъ во мнѣ очень толковаго чиновника (это передалъ мнѣ Александръ Максимовичъ).

Роспись 1845 года окончилась благополучно и безъ всякаго дефицита. Директоръ поручилъ мнѣ лично представить ее министру. Вронченко съ большею благосклонностію поблагодарилъ меня и удостоилъ пожатія руки.

Въ Маѣ 1845 года рѣшились отпустить В. С. Басина на покой. За его долговременную и дѣйствительно полезную службу министръ

предложилъ ему мѣсто члена въ совѣтѣ своемъ, съ тѣми окладами, какіе В. С. получалъ, и съ вознагражденіемъ за потерю казенной квартиры деньгами. Объ этомъ заготовлена была всеподданнѣйшая докладная записка въ двухъ видахъ: одна на 1000 рублей и другая на 1500 р. въ годъ. Эти два экземпляра надобно было приготовить и послать къ Вронченкѣ непремѣнно въ назначенный срокъ, и они были готовы. Василій Степановичъ неожиданно пришелъ въ мое отдѣленіе и, взявъ у меня со стола, прочелъ обѣ записки, а ту которая написана была о производствѣ только одной тысячи разорвалъ въ клочки и ушелъ, не сказавъ ни слова. Былъ уже 6-й часъ. Мнѣ крайне досадно было докладывать объ этомъ директору, тогда какъ было приказано отнюдь не показывать эти экземпляры Басину.

Когда я разсказалъ Александру Максимовичу, какъ В. С. взялъ у меня эти бумаги штурмомъ, онъ, въ величайшемъ гнѣвѣ на этотъ дерзкій поступокъ, приказалъ вмѣсто разорваннаго экземпляра написать другой, и записка все таки послана къ назначенному сроку въ двухъ видахъ.

Я былъ увѣренъ, что Басина непремѣнно накажутъ за эту дерзость, ограничивъ ему квартирныя деньги тысячею р.; но великодушный нашъ директоръ не хотѣлъ мстить старику, и Вронченко испросилъ ему 1500 р. сер. сверхъ всѣхъ окладовъ, производившихся по должности вице-директора.

Но не для всѣхъ и не всегда Ѳедоръ Павловичъ расположенъ былъ къ добру: онъ дѣлалъ его для чиновниковъ только по настояніямъ и просьбамъ ближайшаго начальства и не бралъ на себя труда замѣчать усердіе тѣхъ, которые день и ночь трудились въ его глазахъ. Такъ первая составленная имъ роспись угрожала дефицитомъ, но онъ былъ устраненъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ помощникомъ его былъ я. Онъ, впрочемъ, понималъ это вполнѣ и ограничился лишь пожатіемъ мнѣ руки.

Напротивъ того, судьбѣ угодно было поставить меня передъ нимъ мишенью, а его сдѣлать стрѣлкомъ, который учился стрѣльбѣ въ цѣль: ѣдкіе, иногда безъ всякой причины, выговоры, вѣчный шумъ и крикъ отъ того только, что, не зная порядочно счетнаго дѣла, онъ, по своей врожденной подозрительности, боялся ошибокъ, но никогда не былъ въ силахъ отвратить или предупредить ихъ, что̀ видно изъ сказаннаго выше, когда онъ согласился напичкать въ роспись безъ толку пустыхъ расходовъ. Изъ нихъ между прочимъ Придворной Конторѣ уплачивалась сверхъ обыкновенной смѣты такая сумма, какая дѣйствительно была издерживаема ею на непредвидѣнныя надобности и большею частію не превышала 100 т. или 200 т. въ годъ; но когда назначили ей

на 1845 годъ 445 т. р., то контора уже постоянно требовала каждый годъ всю эту сумму вполнѣ.

Если какой нибудь финансовый департаментъ значительно возвыситъ свою смѣту, то всѣ объясненія по этому предмету требовались отъ меня. Напримѣръ, департаментъ сборовъ проситъ прибавить на заготовленіе вина 2 или 3 милліона. Вронченко требовалъ, чтобы я доказалъ ему необходимость этой прибавки ведрами, чарками и рублями, чего нельзя было видѣть изъ смѣты. Въ такомъ случаѣ поднималась страшная буря, почему департаментъ Казначейства, т. е. я, представитель его, не можетъ дать порядочнаго объясненія; резонъ нашъ, что мы не имѣемъ возможности входить въ подробности чужаго дѣла не годился: шумъ и ругательство не прекращались до тѣхъ поръ, покуда не допросишься у дѣлопроизводителей департамента сборовъ, личными объясненіями, всѣхъ основаній сдѣланной добавки до послѣдняго рубля и до каждаго ведра. Разумѣется, что господинъ, понимающій дѣло, потребовалъ бы этихъ объясненій изъ первыхъ рукъ, а не отъ посторонняго мѣста. Между тѣмъ собраніе всѣхъ этихъ объясненій увеличивало вдесятеро обыкновенный трудъ при разсмотрѣніи смѣтъ. Весь этотъ тяжкій безпорядокъ происходилъ отъ того, что Вронченко никогда не разсматривалъ самъ финансовыхъ смѣтъ, а приказывалъ отсылать ихъ къ намъ, заботясь только о томъ, чтобы на конвертѣ, въ которомъ онѣ посылаются, написано было «*весьма нужное*».

Изъ привычнаго усердія къ своей должности, я дѣйствительно сбился съ такта, котораго надобно было держаться во время правленія Вронченка. Изъ дѣлъ моего отдѣленія было видно, что многія министерства изъ тѣхъ суммъ, которыя отпускаются имъ по росписямъ, составляютъ у себя экономическіе капиталы и, отличаясь въ годовыхъ отчетахъ бережливостью, продолжаютъ обременять Государственное Казначейство напрасными издержками, требуя на разные предметы болѣе, нежели нужно, съ надеждою увеличивать такимъ образомъ свои экономическіе капиталы.

Я разсказалъ объ этомъ Александру Максимовичу, и вслѣдъ за тѣмъ статсъ-секретарь Танѣевъ объявилъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ высочайшее повелѣніе доставлять министру финансовъ о подобныхъ капиталахъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Съ этимъ вмѣстѣ открылась для министра финансовъ полнѣйшая возможность къ правильному разсмотрѣнію смѣтъ. Лишнія или избыточныя требованія денегъ по ежегоднымъ смѣтамъ легче было обнаружить теперь, нежели прежде, и въ случаѣ значительнаго пріумноженія какихъ либо капиталовъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначе-

нія и составленныхъ большею частію изъ самыхъ же источниковъ казны, можно было обращать на подкрѣпленіе Казначейства.

Но въ тоже время явилась для департамента Государственнаго Казначейства новая, чрезвычайно тяжкая работа: по каждой такой вѣдомости высочайше повелѣно было министру финансовъ докладывать Государю Императору о томъ, въ какомъ положеніи находятся эти капиталы и что́ можно взять изъ нихъ для пособія Государственному Казначейству.

Иногда со стороны прочихъ министровъ дѣлаемы были протесты на замѣчанія министра финансовъ относительно предположеній его о возможности исключить въ смѣтѣ какую либо изъ этихъ капиталовъ сумму, съ обращеніемъ требуемаго расхода на собственные способы требовательнаго вѣдомства, или взять изъ капитала часть денегъ на общія надобности по росписи. Изъ этого возникла очень сложная переписка, о возбужденныхъ спорахъ необходимо было доводить до высочайшаго свѣдѣнія. По счастію, Государь Императоръ всегда принималъ нашу сторону, и мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣли уничтожить излишнихъ требованій и взять въ казну избыточныхъ капиталовъ всего до 5 милліоновъ рублей.

Предъ министромъ, желавшимъ искренно доставить пользу казнѣ, подобныя дѣйствія департамента были бы немаловажною заслугою; но Ѳедоръ Павловичъ, стараясь только объ очищеніи входящихъ бумагъ, мало обращалъ вниманія на послѣдствія своей бюрократіи.

Такимъ образомъ и я отъ своего грознаго министра не получилъ никакого благоволенія, а напротивъ того, онъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ мнѣ, что я перессорилъ его съ другими министрами и между прочимъ, что графъ Киселевъ не хочетъ смотрѣть на него прямыми глазами. Въ самомъ дѣлѣ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, имѣя многіе хозяйственные и запасные капиталы, принуждено было подѣлиться съ нами гораздо болѣе, нежели другія вѣдомства.

Не получая за свои труды ничего, мнѣ оставалось въ утѣшеніе свое пѣть Малороссійскую пѣсню: «*Биду соби купилà, да за свои гроши*».

Я долженъ признаться, что претерпѣнныя мною непріятности по расчетамъ о капиталахъ были достойнымъ мнѣ наказаніемъ, во 1-хъ за то, что я неосновательно вмѣшался не въ свое дѣло, забывъ правило опытныхъ Русскихъ людей «*на работу не набивайся, и отъ работы не отказывайся*». Мнѣ можно было предвидѣть, что прикосновенность къ интересамъ постороннихъ вѣдомствъ произведетъ безпрерывные съ ними споры и огромнѣйшую переписку, какъ это дѣйствительно и случилось; во 2-хъ, что Вронченко никогда не имѣлъ спо-

собности быть признательнымъ къ труду; что при его невниманіи къ счетному дѣлу трудно будетъ доказывать ему справедливость нашихъ выводовъ и, наконецъ, что изысканіе главныхъ финансовыхъ мѣръ ни въ какомъ случаѣ не относится къ обязанностямъ начальника отдѣленія, какъ простаго исполнителя буквы закона и воли начальства. И такъ, надѣлавъ глупостей, справедливо претерпѣть и ихъ послѣдствія.

Въ исходѣ 1847 года открылся на 1848 годъ огромный дефицитъ по чрезвычайному возвышенію цѣнъ на провіантъ и фуражъ. Государь Императоръ объявилъ Вронченкѣ, что самъ желаетъ заняться разсмотрѣніемъ смѣтъ и повелѣлъ доставить ихъ къ себѣ немедленно.

Это было для Вронченки громовымъ ударомъ: по этому Государь могъ сдѣлать ему такіе вопросы, на которые ему было бы слишкомъ тяжело отвѣчать. Онъ своеручно приготовилъ докладную записку, въ которой довольно ловко успокоилъ Государя, что со стороны Министерства Финансовъ сдѣланы всѣ возможныя распоряженія къ сокращенію расходовъ, и что по принятымъ мѣрамъ къ покрытію росписи 1848 года особыхъ затрудненій встрѣтиться не можетъ.

Это было 25 Декабря 1847 года, въ праздникъ Рождества; я былъ нездоровъ и никакъ не ожидалъ въ такой великій день служебной тревоги. Вдругъ, около 9 часовъ утра, получаю отъ директора записку съ приказаніемъ явиться немедленно къ министру; узнаю тамъ все, что́ сказано выше. Объяснительную записку Вронченко составилъ и послалъ къ Государю до пріѣзда Александра Максимовича и отпустилъ насъ съ тѣмъ, чтобы доставить къ нему тотчасъ же всѣ подлинныя смѣты министерствъ, на случай, если бы Государю, и за всѣми объясненіями, благоугодно было разсматривать это дѣло въ подробности. Я поѣхалъ въ департаментъ, собралъ смѣты и на двухъ курьерскихъ санкахъ отправилъ ихъ къ министру, явясь и самъ слѣдомъ за ними. Между тѣмъ записка, составленная министромъ, возвратилась съ разными высочайшими резолюціями, и съ тѣмъ вмѣстѣ отправленія къ Государю подлинныхъ смѣтъ не потребовалось. Александръ Максимовичъ довезъ меня въ своемъ экипажѣ до департамента и простился со мною, сказавъ, что остальное время праздника, кажется, наше. Но въ три часа, когда я только сѣлъ за нашъ семейный обѣдъ, директоръ пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру и объявилъ, что отъ Государя получены два тюка бумагъ и разныхъ вѣдомостей о капиталахъ, находившихся къ тому времени въ разныхъ вѣдомствахъ, и что Государю угодно, чтобы всѣ эти свѣдѣнія были немедленно разсмотрѣны и чтобы заключеніе министра финансовъ о томъ, сколько изъ нихъ можно взять для покрытія росписи, представлено было Его Величеству непремѣнно въ тотъ же самый вечеръ. По счастію всѣ эти вѣдомости

были мнѣ хорошо знакомы изъ практики за предшествовавшіе годы. Осталось пересмотрѣть на-скоро, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь новаго. Я доложилъ объ этомъ Александру Максимовичу, и мы, отправясь въ департаментъ и расположась въ его кабинетѣ, начали составлять всеподданнѣйшую докладную записку, которая однакоже ни въ какомъ случаѣ не могла быть слишкомъ кратка. Пересмотрѣвъ всѣ эти фоліанты, мы собрали довольно данныхъ, чтобы составить нѣчто дѣльное, и богатырь Александръ Максимовичъ продиктовалъ мнѣ начало, я написалъ справки, которыя успѣлъ извлечь въ такое короткое время, а заключеніе составили мы общимъ совѣтомъ. Было уже 8 часовъ вечера, но директоръ и я еще не обѣдали. Явился къ намъ нашъ отличный писецъ Сапожниковъ и, сосчитавъ строки, объявилъ, что онъ можетъ окончить нашу бумагу перепискою на чисто къ 11 часамъ ночи. Нечего было дѣлать; онъ сѣлъ переписывать. Александръ Максимовичъ поѣхалъ домой, сказавъ, что возвратится часамъ къ 9-ти, я тоже пошелъ обѣдать и потомъ отправился къ Сапожникову, чтобы разрѣшать могущіе встрѣтиться при перепискѣ вопросы. Все это благополучно окончилось въ присутствіи уже самого Александра Максимовича, и молодецъ Сапожниковъ переписалъ записку безъ малѣйшей ошибки и подчистки. Директоръ былъ этому чрезвычайно радъ, опять пригласилъ меня съ собою къ министру. Вронченко также былъ очень доволенъ запискою и тотчасъ же препроводилъ ее къ Государю въ собственныя руки. Мы опять отправились по домамъ.

Въ часъ ночи директоръ пріѣхалъ ко мнѣ съ высочайше утвержденными записками министра финансовъ. Одна изъ нихъ была та, которую составили о капиталахъ; другая представлена Его Величеству наканунѣ Рождества вообще о положеніи въ то время доходовъ и расходовъ, на 1848 годъ предполагаемыхъ; она-то и произвела страшную тревогу въ праздникъ. Въ этой запискѣ допущено было между прочимъ одно, собственно мое, предположеніе, одобренное какъ директоромъ такъ и министромъ безъ малѣйшаго измѣненія, относительно того, какъ производить изъ банковъ займы для шоссейныхъ работъ съ выполненіемъ платежей процентовъ и погашенія изъ земскихъ сборовъ, не стѣсняя послѣднихъ и не обременяя Государственнаго Казначейства. Противъ этой статьи Государь Императоръ изволилъ написать собственноручно «*хорошо*». Это доставило мнѣ высокое наслажденіе, котораго я не испытывалъ прежде и не забуду никогда.

Войдя ко мнѣ въ комнату, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Вотъ, П. И., Государь утвердилъ всѣ наши предположенія и противъ вашей статьи о займахъ на счетъ земскихъ сборовъ написалъ «*хорошо*»; я заѣхалъ къ вамъ нарочно для того, чтобы сказать объ этомъ

и выиграть для васъ время, чтобы можно было завтра что нибудь сдѣлать для исполненія высочайшихъ повелѣній». Я рѣшился на радостяхъ почтительнѣйше предложить Александру Максимовичу бокалъ шампанскаго; онъ выкушалъ и, поблагодаривъ, уѣхалъ.

За роспись 1848 г. директоръ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, я обычную награду наравнѣ съ отчетными и ревизіонными начальниками отдѣленій. Они обыкновенно получали по 600 рублей каждый.

Александръ Максимовичъ разсказывалъ, что онъ имѣлъ счастіе приносить лично всеподданнѣйшую благодарность за пожалованный ему орденъ Бѣлаго Орла, и что Государь Императоръ изволилъ ему сказать: «Да, я васъ порядочно помучилъ въ Рождество».

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я получилъ доказательство Русской правды, которая выражена въ пословицѣ: *за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ*».

Увидимъ послѣ, что благороднѣйшій Александръ Максимовичъ Княжевичъ, сдѣлавшись самъ министромъ, успѣлъ поправить то, чего не съумѣлъ сдѣлать невнимательный и черствый Вронченко, отнявшій у насъ даже то, что̀ было исходатайствовано не имъ, а графомъ Егоромъ Францовичемъ; именно постоянное денежное награжденіе за роспись и годовую отчетность.

Въ 1847 году сынъ мой окончилъ очень счастливо гимназическій курсъ. На выпускномъ экзаменѣ ему дали первую серебряную медаль съ надписью *преуспѣвающему*; онъ говорилъ рѣчь, въ которой выразилъ благоговѣйно благодарность Государю за свое образованіе, начальству гимназіи за попеченіе о питомцахъ, учителямъ въ особенности за то, что они, указавъ ему путь къ небу, научили быть полезнымъ обществу на землѣ. Эта рѣчь принята была всѣми присутствовавшими очень благосклонно. Двое изъ нихъ особенно обласкали моего сына: одинъ, протоіерей Маловъ, знаменитый въ свое время проповѣдникъ, остановилъ молодаго оратора, когда онъ сошелъ съ каѳедры, благословилъ его и совѣтовалъ преимущественно заниматься Русскою словесностію; другой, какой-то полковникъ Генеральнаго Штаба, привѣтствовалъ разными желаніями счастія въ службѣ и въ жизни. Получивъ аттестатъ, сынъ мой тотчасъ же поступилъ въ здѣшній университетъ по историко-филологическому факультету. Директоръ нашъ выпросилъ ему стипендію въ 175 рублей сер. въ годъ, и на это, по докладу министра, изъявлено высочайшее соизволеніе.

Въ 1847 году, кромѣ обыкновенныхъ занятій по моему 1-му отдѣленію мнѣ поручено было управленіе 1-мъ распорядительнымъ отдѣленіемъ, по случаю отъѣзда за границу статскаго совѣтника Григорьева, начальника этого отдѣленія. Такъ съ начала моей службы со-

ставилось нѣсколько лѣтъ, что я не могъ пользоваться красотами лѣта, собственно за недосугомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей за себя и другихъ.

Въ 1848 году посѣтила Петербургъ страшная холера, отъ которой въ Іюнѣ скончалась мать моя; вслѣдъ затѣмъ подвергся этой страшной болѣзни и я самъ, но стараніями придворнаго доктора Ѳедора Ѳедоровича Риттиха, на этотъ разъ, отдѣлался отъ смерти.

Въ 1848, 1849, 1850 и 1851 годахъ труды по росписи, особенно въ остальное время года, были едва выносимы отъ развитія дѣлъ, возникавшихъ вслѣдствіе высочайшей воли о строгомъ пересмотрѣ капиталовъ, находившихся въ распоряженіи разныхъ министровъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Государь Императоръ всегда изъявлялъ высочайшую волю, чтобы роспись непремѣнно была оканчиваема къ 1-му Января наступающаго года, хотя смѣта Военнаго Министерства получалась всегда почти въ послѣднихъ числахъ Декабря. Зная напередъ, что наша работа передъ окончаніемъ росписи не можетъ быть отсрочена ни на 24 часа, я обращался съ просьбами въ канцелярію Военнаго Министерства, и почтеннѣйшій начальникъ тамошней бухгалтеріи, теперь дѣйствительный статскій совѣтникъ Никаноръ Егоровичъ Викторовъ, сообщалъ намъ со всею готовностію и радушіемъ, которыя такъ свойственны этому отлично умному и образованному человѣку, всѣ необходимыя о расходахъ Военнаго Министерства свѣдѣнія, предварительно формальнаго ихъ доставленія въ Министерство Финансовъ, и такимъ только способомъ мы были въ состояніи исполнять высочайшія повелѣнія объ окончаніи росписи 31-го Декабря.

Въ 1851 году Вронченко ѣздилъ за границу для поправленія здоровья, но при возвращеніи оттуда въ глубокую осень простудился, и хотя употреблены были всевозможныя усилія къ его пользованію, но въ семидесятые годы, не смотря на его гигантскія силы, смерть взяла свое, и онъ скончался въ Апрѣлѣ 1852 года отъ водяной болѣзни.

Управленіе Министерствомъ поручено его товарищу, Петру Ѳедоровичу Броку, облеченному вскорѣ въ званіе министра финансовъ. Послѣ бурь и урагановъ, претерпѣнныхъ мною при докладахъ Вронченкѣ, наступило для меня время болѣе счастливое. Никогда не случалось, чтобы я вышелъ изъ кабинета Петра Ѳедоровича, всегда внимательнаго къ дѣльному труду, обиженнымъ или недовольнымъ, и что́ бы о немъ ни говорили, но я считаю все мое время, проведенное подъ его начальствомъ, особенно счастливымъ.

Смѣты на 1853 годъ разсмотрѣны были благополучно, безъ всякаго крика и шума, потому что Петръ Ѳедоровичъ понималъ счетное

дѣло гораздо лучше своего предмѣстника. Роспись утверждена въ обыкновенное время, и мнѣ съ моимъ отдѣленіемъ исходатайствована награда 2000 р. сер., изъ которыхъ я получилъ въ прежнемъ размѣрѣ 600 р., а 1400 р. раздѣлены бухгалтерамъ и прочимъ чиновникамъ.

Въ Апрѣлѣ 1854 г. А. М. Княжевичъ оставилъ департаментъ и возведенъ въ званіе почетнаго опекуна С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Простясь съ нимъ, мы всѣ считали себя осиротѣвшими. На мѣсто его командиромъ нашимъ поступилъ бывшій прежде Волынскимъ, потомъ Кіевскимъ предсѣдателемъ Казенной Палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ, сынъ протоіерея Астраханскаго собора и магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи. Онъ служилъ прежде въ разныхъ вѣдомствахъ, не пользуясь большимъ счастіемъ по службѣ; потомъ поступилъ, какимъ-то случаемъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу (въ послѣдствіи князю) Воронцову, и съ того времени фортуна ему улыбнулась.

Алексѣй Кирилловичъ явился къ намъ въ департаментъ 15 Мая 1854 г. и въ этотъ день только познакомился со всѣми старшими чиновниками, почтивъ вице-директоровъ, г.г. Севринова и С. М. Кобылина пожатіемъ рукъ, чего удостоился и я. На слѣдующій день онъ позвалъ всѣхъ столоначальниковъ, бухгалтеровъ и контролеровъ и пригласилъ ихъ признаться ему откровенно: нѣтъ ли у кого изъ нихъ залежавшихся бумагъ или упущеній по дѣламъ, внушивъ при томъ, что гораздо лучше признаться въ самомъ началѣ его вступленія, нежели допустить, чтобы онъ самъ или случай открыли за ними какія либо неисправности. На этотъ разъ такихъ грѣшниковъ не оказалось. Далѣе онъ потребовалъ образчики чистописанія всѣхъ канцелярскихъ служителей, со спискомъ получаемаго каждымъ изъ нихъ жалованья. Разсмотрѣвъ все это со вниманіемъ, онъ приказалъ правителю канцеляріи составить докладную записку, въ которой испрашивалось разрѣшеніе: писцамъ, неимѣющимъ хорошихъ почерковъ, уменьшить жалованье на 50 и даже на 100 р. въ годъ. Къ несчастію, министръ утвердилъ это крайне бѣдственное для писцовъ предположеніе, можетъ быть и дѣльное, примѣняя службу ихъ къ найму рабочихъ, но несправедливое въ понятіяхъ о достоинствѣ службы, которая никогда безъ вины не отнимаетъ того, что отъ нея пріобрѣтено. Въ этомъ случаѣ открылось, что многіе изъ писцовъ, не имѣвшихъ хорошаго почерка, были очень полезны для дѣлопроизводства и потому лишь не имѣли штатныхъ мѣстъ, что не было вакансій. Изъ чиновниковъ моего отдѣленія никто не подвергся этой проскрипціи. У насъ были чиновники, опредѣленные для усиленія департамента, и на нихъ,

по особому высочайшему соизволенію, производилась опредѣленная сумма. Всѣ эти господа, въ томъ числѣ извѣстный публицистъ Андрей Александровичъ Краевскій, уволены.

Въ это время у насъ было два вице-директора, дѣйствительные статскіе совѣтники, М. М. Севриновъ и С. М. Кобылинъ. Первый, завѣдывая распорядительными отдѣленіями, обязанъ былъ представлять министру, въ докладной день нашего департамента, по Средамъ, свѣдѣнія о состояніи кассъ Государственнаго Казначейства и распредѣлять свободныя суммы для отпуска главнымъ вѣдомствамъ, какъ-то: Коммиссіи Погашенія долговъ, Военному и Морскому Министерствамъ и Главному Управленію Путей Сообщенія. Вскорѣ по своемъ вступленіи въ департаментъ, Ключаревъ взялъ на себя это распредѣленіе, и затѣмъ вице-директору осталось подавать къ подписанію только ассигновки по этому предмету и безмолвствовать передъ министромъ. Другой вице-директоръ занимался собственно по счетной части и являлся къ министру съ представленіями годовыхъ отчетовъ. Директоръ очень крѣпко взялся за эту часть, хотя не сдѣлалъ къ ней заранѣе необходимой привычки. Онъ началъ съ того, что приказалъ купить себѣ колоссальные счеты съ крупными костями, на которыхъ впрочемъ вовсе нельзя было порядочно считать. Алексѣй Кирилловичъ скоро замѣтилъ, что С. М., проникнутый въ плоти и крови цыфрами, былъ далеко не отличный дѣлопроизводитель, и съ него перваго началось гоненіе. Оно скоро дошло до того, что директоръ, приглашая г. Кобылина въ общее собраніе начальниковъ счетныхъ отдѣленій, дѣлалъ ему разныя замѣчанія и выговоры, едва ли однако справедливые, и находилъ даже удовольствіе подшучивать надъ нимъ, называя его часто въ шутку *отцемъ счетоводствъ*, и тѣмъ напоминалъ намъ свои богословскіе термины и свое происхожденіе. Но отливались и волку овечьи слезы. Одинъ разъ министръ, говоря о чемъ-то по росписи со мною, назвалъ нашего Алексѣя Кирилловича «*поповскими*»... (принадлежностями), разумѣется, не въ его присутствіи. Вообще Петръ Ѳедоровичъ, превосходный бюрократъ, былъ очень недоволенъ редакціею департамента подъ управленіемъ Ключарева.

Севриновъ, по семейнымъ обстоятельствамъ встрѣтивъ надобность въ денежномъ пособіи, обратился съ просьбою, изложенною въ почтительномъ письмѣ къ Петру Ѳедоровичу. Это письмо министръ передалъ Ключареву, и оно осталось безъ послѣдствій.

Въ концѣ 1854 года умеръ отъ внезапнаго удара всѣми уважаемый, трудолюбивѣйшій начальникъ 2-го отдѣленія бухгалтеріи Андрей

Михайловичъ Кобылинъ (братъ вице-директора), а осенью 1855 скончался грудною водяною болѣзнію вице-директоръ Севриновъ.

Со мною, покуда, Алексѣй Кирилловичъ былъ въ ладахъ.

Въ Октябрѣ 1854 я получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ Февралѣ 1856 года утвержденъ вице-директоромъ на мѣсто Севринова; въ Апрѣлѣ 1857, на Пасху, пожалованъ мнѣ орденъ св. Станислава 1-й степени, возложенный на меня рукою директора. Во все это время я пользовался постоянно благосклонностію министра, являлся при каждомъ докладѣ на тѣхъ же почти основаніяхъ, какія введены были Ключаревымъ для Севринова, но сохранилъ преимущество представлять доклады о росписи.

Все мое служебное время и очень часто цѣлые вечера проходили въ подписываніи департаментскихъ бумагъ. Зрѣніе мое начало слишкомъ явно ослабѣвать, и наконецъ я не могъ въ пяти шагахъ разглядѣть знакомаго человѣка.

Ревнивый къ власти Алексѣй Кирилловичъ не могъ терпѣть, чтобы кто нибудь изъ его подчиненныхъ въ присутствіи министра выступалъ за предѣлы молчанія. Онъ бралъ съ собою къ докладу начальниковъ отдѣленія только для того, чтобы, въ случаѣ вопросовъ министра, пріискать въ дѣлѣ какую нибудь цитату.

Въ 1857 году купленъ былъ у Военнаго Министерства домъ на Литейной бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній, для помѣщенія въ немъ Главнаго Казначейства. Встрѣтилась надобность сдѣлать въ этомъ домѣ капитальныя исправленія какъ для удобнѣйшаго храненія суммъ, такъ и для пріема стекающейся въ Казначейство въ извѣстные дни мѣсяца публики. Перестройка эта, къ несчастію, по ошибкѣ нашего директора, ввѣрена, по контракту съ торговъ, нѣкоему Змигродскому. Для этого учреждена коммиссія, въ которую избрали меня, съ архитекторомъ и экзекуторомъ нашимъ, при достаточномъ числѣ нижнихъ служителей. Строеніе это производилось слишкомъ медленно, потому что подрядчикъ удерживалъ плату рабочимъ и, наконецъ, вовсе остановилось. На основаніи контракта министръ приказалъ удалить подрядчика и окончаніе перестройки поручилъ коммиссіи. Изъ этого возникло очень кляузное многотомное дѣло по протесту подрядчика на архитектора. Я былъ главнымъ производителемъ этого дѣла; но по недоброжелательству Ключарева не получилъ за огромные по этому дѣлу труды никакого вознагражденія, а между тѣмъ однажды едва было не сдѣлался жертвою своего усердія къ службѣ, рискуя пропасть на строеніи, по непривычкѣ ходить по щебню и лѣсамъ.

Года три или четыре со времени поступленія къ намъ директоромъ Алексѣя Кирилловича, я былъ самымъ довѣреннымъ и надеж-

нымъ его совѣтникомъ и никогда не думалъ, чтобъ онъ сдѣлался ко мнѣ холоденъ и неблагодаренъ, но увы! *лучшее всегда хорошему злодѣй.*

10 Апрѣля 1858, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, чиновники Министерства Финансовъ обрадованы были назначеніемъ новаго начальника. Александръ Максимовичъ, оставя нашъ департаментъ въ званіи директора, возвратился министромъ.

Первые доклады новый министръ принималъ въ комнатахъ, гдѣ собирался комитетъ финансовъ. Въ Субботу, около 3-хъ часовъ пополудни, курьеръ объявилъ, что министръ меня требуетъ.

Я принятъ былъ его высокопревосходительствомъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ: «Петръ Ивановичъ, *не желаете ли вы поработать со мною?*» Я поклонился низко, и въ туже минуту блеснула у меня въ головѣ мысль, что министръ намѣренъ употребить меня въ родѣ чиновника особыхъ порученій, и что я буду поставленъ чрезъ то въ ужасное положеніе распоряжаться въ департаментѣ по приказанію министра мимо Ключарева; а въ такомъ случаѣ онъ, имѣя надъ чиновниками власть чародѣя, парализируетъ всѣ мои дѣйствія и совершитъ мое паденіе на первыхъ порахъ; это могло случиться даже не въ первые дни, а въ первые часы моего участія въ дѣлахъ до совершеннаго устраненія изъ департамента хитраго и опытнаго въ интригахъ Алексѣя Кирилловича. Другая мысль, посланная мнѣ тогда же Богомъ, состояла въ томъ, что я могу быть учтивѣе съ подчиненными и добрѣе къ нимъ нежели Ключаревъ, но едва ли буду въ силахъ принести пользу службѣ настолько же, какъ онъ, человѣкъ, одаренный превосходными физическими и душевными силами и при томъ отлично образованный. Занявъ его мѣсто недостойно, я былъ бы тяжко виноватъ передъ Богомъ и Государемъ, и никакіе ордена, никакія денежныя награды не утѣшили бы меня въ послѣднюю минуту жизни отъ угрызенія совѣсти за подлый поступокъ своекорыстія и честолюбія. Чрезъ минуту послѣ сдѣланнаго мнѣ предложенія, я вторично поклонился министру и, поблагодаривъ его за великодушное приглашеніе, отвѣчалъ, что, при всемъ желаніи моемъ воспользоваться предлагаемою мнѣ высокою честію, не имѣю силъ принять эту милость при моихъ преклонныхъ лѣтахъ и по крайней слабости зрѣнія. Посмотрѣвъ на меня съ какою-то недовѣрчивостію, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Что вы Петръ Ивановичъ? Вѣдь я старѣе васъ, но могу еще много трудиться».—«Я никогда не осмѣлюсь сравнивать свои бѣдныя способности съ дарованіемъ и высокими способностями вашего высокопревосходительства». Одержавъ такимъ образомъ побѣду надъ своимъ честолюбіемъ, я вышелъ изъ кабинета, поклонясь въ третій разъ.

Ключаревъ дожидался въ департаментѣ моего возвращенія. Я разсказалъ ему о своемъ разговорѣ съ министромъ, но не во всей подробности, а стараясь дать видъ, что онъ хотѣлъ поручить мнѣ одно постороннее дѣло, отъ котораго я отказался по слабости зрѣнія.

Но Алексѣя Кирилловича провести трудно, и съ тѣхъ поръ обращеніе его со мною, всегда почти любезное, рѣшительно измѣнилось.

Одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ, начальникъ отдѣленія Ѳедоръ Антоновичъ Миллеръ, издавна знакомый съ членомъ Государственнаго Совѣта Прянишниковымъ, слышалъ отъ него, что Александра Максимовича спрашивали, какъ онъ терпитъ въ средѣ своихъ директоровъ Ключарева, и что онъ на это отвѣчалъ такъ: «Что же мнѣ дѣлать? Въ департаментѣ Казначейства два вице-директора; одинъ слишкомъ старъ для этой должности, а другому я предлагалъ, но онъ отказался по слабости зрѣнія».

Первый докладъ Ключарева со мною происходилъ въ кабинетѣ при библіотекѣ Министерства Финансовъ, гдѣ бываютъ собранія разныхъ комитетовъ. Ключаревъ вошелъ къ министру первый и вышелъ, имѣя багряное лицо, какъ раскаленное желѣзо. Надобно думать, что Александръ Максимовичъ сдѣлалъ ему порядочный нагоняй за неприличное обращеніе съ чиновниками и жестокость съ нѣкоторыми изъ нихъ. *Но выправитъ горбатаго могила, а упрямаго дубина*, говаривалъ нашъ старикъ экзекуторъ и казначей Чивилевъ.

Алексѣй Кирилловичъ былъ весьма бережливъ на канцелярскую сумму, но только, какъ послѣ оказалось, чрезвычайно дорого платилъ поставщику за бумагу; а впрочемъ пособія изъ нея бѣднѣйшимъ чиновникамъ дѣлались очень рѣдко, и то развѣ по ходатайству его задушевнаго друга Тристана; у насъ трудно было выпроситься въ отпускъ на обыкновенный законный срокъ, 28 дней, но на два и болѣе мѣсяцевъ отпускали охотно, потому что жалованье въ такомъ случаѣ оставалось въ экономіи департамента, и такими и тому подобными средствами, составлялись значительные остатки. Директоръ самъ назначалъ изъ нихъ пособія двумъ вице-директорамъ, всѣмъ начальникамъ отдѣленія, правителю канцеляріи, начальнику архива и экзекутору, а прочимъ чиновникамъ раздавались награды по назначенію начальниковъ отдѣленій, съ большими однако перемѣнами по волѣ директора, который былъ не прочь исполнять просьбы знакомыхъ дамъ и вліятельныхъ лицъ вообще. Раздавались однако не всѣ остаточныя деньги, и директоръ, во время бытности министромъ П. Ѳ. Брока, всегда оставлялъ свободными 2 т. рубл. Эту сумму Петръ Ѳедоровичъ обыкновенно разрѣшалъ директору взять себѣ. Казалось, что эта продѣлка, при вступленіи Александра Максимовича и послѣ нахлобучки,

данной директору, о которой я сказалъ выше, прекратится; но нѣтъ, онъ подъѣхалъ и къ новому министру съ такимъ же расчетомъ, предоставляя остаточныя 2.000 руб. на его благоусмотрѣніе. Александръ Максимовичъ написалъ на докладной объ этомъ запискѣ резолюцію: «*Раздѣлить и эту сумму на чиновниковъ*»....

Кромѣ Ильенки Алексѣй Кирилловичъ терпѣть не могъ очень старослуживыхъ начальниковъ отдѣленій статскихъ совѣтниковъ Савицкаго и Миллера. Въ представленіи къ наградамъ въ Комитетъ Министровъ въ 1859 году оба они были пропущены, но отъ министра финансовъ представленіе возвращено съ приказаніемъ включить ихъ обоихъ въ это представленіе, независимо отъ общихъ правилъ, за отличіе, къ слѣдующимъ чинамъ. Тотъ и другой произведены въ концѣ 1859 г. года въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Передъ тѣмъ, также безъ всякаго со стороны Ключарева ходатайства, я получилъ въ Великую Субботу 1859 знаки ордена Св. Анны первой степени. Эту совершенно нежданную мною награду приписываю я за необыкновенные труды по росписямъ нѣкоторыхъ годовъ, оставленные безъ вниманія министромъ Вронченкомъ.

Осенью 1859 года, вечеромъ, заѣхалъ навѣстить меня племянникъ министра, Максимъ Дмитріевичъ Княжевичъ. За бокаломъ шампанскаго, говоря о томъ, о семъ, я высказалъ ему свою затаенную мысль оставить службу и обратился къ нему съ просьбою сдѣлать для меня величайшее одолженіе, поговорить, при случаѣ, съ дядюшкой о моей отставкѣ съ пенсіею, которая была бы достаточна на мое нероскошное, но безбѣдное содержаніе въ старости. Максимъ Дмитріевичъ взялся за это очень радушно. Недѣли черезъ двѣ онъ высказалъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ. Я говорилъ съ дядею о вашемъ желаніи оставить службу. Онъ удивился и спросилъ, что̀ это значитъ? «Я полагаю продолжалъ Максимъ Дмитріевичъ, что у нихъ нелады съ Ключаревымъ».— «Пустое, сказалъ министръ; теперь это довольно трудно: если я выпрошу у Государя порядочный пенсіонъ Голубеву, то и другіе два вице-директора, С. М. Кобылинъ и Григорьевъ *), также будутъ просить объ увольненіи съ пенсіями. Впрочемъ подумаю». Я очень былъ благодаренъ Максиму Дмитріевичу за исполненіе моей просьбы.

Между тѣмъ отношенія мои къ Алексѣю Кирилловичу съ часу на часъ становились холоднѣе. Не смотря на груды доставшихся на мое разсмотрѣніе бумагъ, которыя надобно было подписывать очень осторожно, онъ иногда поручалъ мнѣ и нѣкоторыя постороннія дѣла, но докладывалъ министру исполненіе по нимъ самолично. Разныя замѣ-

*) Этотъ вице-директоръ прибавленъ къ составу департамента въ 1859 году, послѣ передачи въ его вѣдѣніе особой части земскихъ повинностей.

чанія казеннымъ палатамъ по ревизіоннымъ отдѣленіямъ передавалъ на резолюцію любимца своего Ж—и, котораго мы съ Жуковскимъ *) пазывали Тристаномъ-пустынникомъ. Этотъ Тристанъ, хотя очень плохой грамотѣй, не спускалъ ни одной бумаги, чтобы ее не перекроить по своему для того, чтобы явить директору новые опыты своего усердія и прилежанія.

Такъ прошли 1859 и 1860 годы.

Еще со времени вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ, Алексѣй Кирилловичъ взялъ, какъ Атлантъ, все бремя дѣлъ на одного себя, и я уже не докладывалъ бумагъ по росписи.

Товарищъ мой, Семенъ Михайловичъ, разлучился съ незабвеннымъ Алексѣемъ Кирилловичемъ и получилъ мѣсто управляющаго Главнымъ Казначействомъ, а вице-директоромъ опредѣленъ начальникъ 3-го распорядительнаго отдѣленія, бывшій нѣкогда секретаремъ при графѣ Канкринѣ, статскій совѣтникъ Александръ Кирилловичъ Жуковскій.

Въ 1861 году Алексѣй Кирилловичъ пожелалъ отправиться съ супругою и воспитанницей за границу и получилъ увольненіе на 5 мѣсяцевъ, а управленіе департаментомъ поручено мнѣ съ Жуковскимъ, которому предоставлены доклады по распорядительнымъ отдѣленіямъ; но важнѣйшіе предметы, какъ то представленіе проектовъ для всеподданнѣйшихъ докладовъ, удовлетвореніе главнѣйшихъ вѣдомствъ суммами и всѣ особенно экстренные случаи, оставлены на моей отвѣтственности. Труды по званію вице-директоровъ не были и не могли быть сняты. Къ этому присоединилась еще тревожная и пустѣйшая обязанность подписывать новый выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства. Этого мало: случилось такъ, что и министръ получилъ высочайшее разрѣшеніе отправиться на два мѣсяца, съ Іюля, для обозрѣнія казенныхъ палатъ и уѣздныхъ казначействъ подмосковныхъ и другихъ среднихъ и южныхъ губерній до Симферополя, а управленіе министерствомъ поручено его товарищу, тайному совѣтнику Шигаеву, человѣку не слишкомъ знакомому съ ходомъ нашего дѣла, а при томъ крайне трусливому и недовѣрчивому.

Ключаревъ уѣхалъ въ половинѣ Мая. Министръ въ началѣ Іюня. Первый счелъ долгомъ распустить разныхъ дѣлопроизводителей, въ томъ числѣ правителя канцеляріи, на продолжительные сроки, кого въ отпускъ, кого съ порученіями ревизовать уѣздныя казначейства и наконецъ нѣкоторыхъ для излеченія тяжкихъ болѣзней, извѣстныхъ въ публикѣ подъ общимъ названіемъ: *febris pritvorialis*. Онъ, кажется,

*) Начальникъ 3-го распорядительнаго отдѣленія, сдѣлавшій вскорѣ потомъ вице-директоромъ.

имѣлъ тайную мысль доказать вселенной, что безъ него департаментъ нашъ существовать не можетъ.

Благодаря однако милостивое Провидѣніе, дѣла наши шли благополучно.

Въ Августѣ 1861 г. скоропостижно скончался управлявшій главнымъ Казначействомъ г. Кобылинъ. Товарищъ министра, Шигаевъ, я, Жуковскій, всѣ члены и чиновники Казначейства проводили С. М. на вѣчный покой. Казначейскіе были увѣрены, что на его мѣсто непремѣнно поступить долженъ былъ я, и забавно было видѣть, какъ они выстроились на кладбищенской дорожкѣ и творили мнѣ чуть не земные поклоны. Я внутренно смѣялся на этотъ церемоніалъ, вспомнивъ извѣстную басню В. Пушкина:

„На утренней зарѣ,
Въ день праздничный, противъ иконы,
Сидѣла мышь на алтарѣ
И видя, что народъ творитъ предъ ней поклоны“ и проч.

Впослѣдствіи справедливѣйшее начальство нашло чиновника болѣе меня достойнаго занять это мѣсто, на которое и возведенъ бывшій предсѣдатель Лифляндской казенной палаты Матвѣй Осиповичъ Лешевичъ *); а меня, какъ церковную мышь, оставили въ когтяхъ Ключарева.

Со мною не церемонились, тѣмъ болѣе, что я отказался отъ предложенія *поработать съ министромъ*, т. е. стать на степень, съ которой можно шагнуть въ директоры. Но разность обязанностей директора съ обязанностями управляющаго Главнымъ Казначействомъ слишкомъ велика. Сравнивая ихъ работы, перваго можно примѣнить къ живописцу, а другаго назвать маляромъ. Честный маляръ не возметъ на себя обязанностей живописца и не откажется отъ своего искусства писать по трафареткѣ: такъ и я не отказался бы отъ должности управляющаго Казначействомъ, котораго всѣ дѣйствія направляются директоромъ департамента. Впрочемъ я утѣшался мыслію, что *обѣщали подумать* о моей участи, и что меня вѣрно сдѣлаютъ, по примѣру другихъ, хотя членомъ Совѣта Министерства Финансовъ; но не случилось и того. Мнѣ оставалось послѣ этого ожидать, что, при окончательной потерѣ зрѣнія, получу по уставу 1827 года пенсію, ничтожную для грѣшника, но слишкомъ достаточную для праведника—572 рублей сер. въ годъ.

---

*) Этотъ господинъ нашелъ себѣ сильное покровительство генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній, князя Суворова - Рымникскаго, теперь здѣшняго генералъ-губернатора, который и выпросилъ ему мѣсто управляющаго главнаго Казначейства.

Послѣдняя награда, которую получилъ я, была—великолѣпный орденъ св. Анны 1-й степени, и я думалъ, что мнѣ придется, современемъ, украшаясь алою лентою черезъ плечо, ходить въ сапогахъ безъ подошвъ, такъ какъ все, что́ я накопилъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ ежегодныхъ наградъ, отдано было въ приданое за дочерью, и это заставило меня *просить*.

Я обратился въ своемъ раздумьѣ къ директору канцеляріи министра финансовъ Ѳедору Тимоѳеевичу Фанъ-деръ Флиту и представилъ ему, что хотя я ни въ какомъ случаѣ не надѣюсь и не считаю себя достойнымъ какихъ либо наградъ, но, зная великодушіе Александра Максимовича, предполагаю возможнымъ, что его высокопревосходительству благоугодно будетъ, во вниманіе къ прежнимъ моимъ трудамъ, пожаловать мнѣ новую награду, которая, въ порядкѣ вещей, состоять должна въ знакахъ того же ордена, украшеннаго Императорскою короною, и потому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить не включать меня въ представленіе, такъ какъ награда этимъ орденомъ сопряжена со взносомъ денегъ для меня затруднительнымъ.

Почтеннѣйшій Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, выслушавъ меня съ особенною благосклонностію, обѣщалъ сдѣлать все, что́ отъ него зависитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ 30 Августа 1861 года готовилось представленіе къ наградамъ, но не общее по министерству, а только о нѣкоторыхъ чиновникахъ.

Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ объясненія со мною, былъ до того внимателенъ, что самъ пожаловалъ ко мнѣ въ департаментъ съ пріятною вѣстію: что онъ былъ требованъ въ Москву по телеграфу и между прочимъ говорилъ обо мнѣ съ министромъ и что Александръ Максимовичъ точно имѣлъ намѣреніе представить меня къ наградѣ орденомъ Анны 1-й степени съ короною, но, узнавъ нежеланіе мое получить орденъ, представилъ меня къ денежной наградѣ 2000 р. съ отнесеніемъ ихъ къ секретнымъ суммамъ, отпущеннымъ на извѣстные Государю Императору расходы, чтобы не дѣлать вычета на инвалидовъ. Эти 2000 рублей были мнѣ присланы изъ канцеляріи министра финансовъ 30 Августа 1861 года въ день св. Александра Невскаго.

Какъ эта награда была особенною милостію, независимо отъ наградъ обыкновенныхъ и секретная, то я могъ думать, что имѣю нѣкоторое право получить еще что нибудь по представленію въ Комитетъ Министровъ за обыкновенные труды по должности вице-директора; но этого не случилось, и весьма справедливо, ибо желанія наши слишкомъ неумѣренны. Впрочемъ, кажется, судьбѣ не хотѣлось баловать меня деньгами. 13 Іюня 1861 г., еще до отъѣзда министра изъ С.-Пе-

тербурга, исполнилось пятидесятилѣтіе моей дѣйствительной службы. Товарищъ мой, вице-директоръ Жуковскій, докладывалъ объ этомъ Александру Максимовичу; но онъ, пересмотрѣвъ мой формулярный списокъ, нашелъ, что я произведенъ въ офицеры 31 Декабря 1812 года и объявилъ, что Государь Императоръ жалуетъ награды за 50-лѣтнюю службу собственно въ офицерскихъ чинахъ, то мнѣ нужно будетъ еще повременить; но въ Февралѣ 1862 года А. М. Княжевичъ смѣнился, и юбилей мой состояться не могъ. Объ этомъ сказано будетъ далѣе.

Во время управленія моего департаментомъ случились два очень непріятныя обстоятельства, и я не перестаю возсылать свои грѣшныя молитвы съ благодареніемъ Господу Богу за то, что они прошли благополучно.

21 Іюня 1861 года получено въ департаментѣ требованіе коммиссіи финансовъ Царства Польскаго, чтобы заплатить ей 6257 р. сер. за такую же сумму, выданную изъ ея кассы на счетъ нашей казны, живущимъ въ царствѣ владѣльцамъ билетовъ одного изъ многихъ Русскихъ заграничныхъ займовъ, на полугодовой срокъ за проценты. Въ отношеніи коммиссіи сказано, что она препровождаетъ *при семъ* подлинные, уже уплаченные купоны Государственной (нашей) Коммиссіи погашенія долговъ и вѣдомость о нумерахъ купоновъ.

По заведенному издавна въ департаментѣ нашемъ порядку, входящія бумаги на имя департамента распечатываетъ при курьерѣ правитель канцеляріи, за командировкою котораго должность эту исправлялъ чиновникъ особыхъ порученій Гербаневскій. Послѣ сдѣланной помѣты правителемъ канцеляріи, бумаги пересматриваются директоромъ. Для пріема денегъ, присылаемыхъ въ департаментъ, командируется казначей или его помощникъ въ почтамтъ. Вложенные въ конвертахъ денежные документы или свидѣтельства, обязательства и проч. правитель канцеляріи тотчасъ же, по распечатаніи конверта, передаетъ казначею съ его отмѣткою на полученной бумагѣ, что документы имъ приняты. Г. Гербаневскій, вѣроятно не прочтя бумаги о сказанныхъ 6257 р., отдалъ ее съ прочими бумагами ко мнѣ; я, въ увѣренности, что приложенные къ ней купоны переданы, по введенному порядку, для храненія казначею, или лучше сказать при чрезвычайномъ множествѣ дѣла, не посмотрѣвъ хорошенько, возвратилъ эту бумагу съ прочими въ канцелярію. Бумага записана въ реестръ и была отдана къ исполненію въ 1-е отдѣленіе бухгалтеріи; но ни тамъ, ни въ другомъ отдѣленіи, куда ее отдавали, не принята, и такимъ образомъ въ спорахъ и пререканіяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Около 20 Іюля взялъ наконецъ ее начальникъ 1 отдѣленія бухгалтеріи П. Н. Тюринъ и, приступивъ къ исполненію, увидѣлъ, что указанныхъ въ отношеніи купоновъ и вѣдомости нѣтъ. Начали справляться; оказалось, что ихъ не было вовсе прислано, однако можно было подумать, что они выкрадены, такъ какъ они не были отмѣчены платежными знаками, слѣдовательно по нимъ какой-нибудь злоумышленникъ могъ получить деньги въ другой разъ. Тотчасъ же мы увѣдомили объ этомъ коммиссію финансовъ Царства, замѣтивъ ей, что купоны, по которымъ слѣдуетъ заплатить 6257 р. слѣдовало отослать къ намъ не съ простой, а съ денежной корреспонденціей, и просили выслать ихъ къ намъ, если они были не приложены. Цѣлые 1½ мѣсяца не было никакого отвѣта, и уже лишь въ началѣ Сентября эти купоны присланы сюда съ нарочнымъ чиновникомъ. Во все это время я страдалъ жестокими сомнѣніями.

Другое обстоятельство было еще опаснѣе.

Въ 3-мъ распорядительномъ отдѣленіи, которое никогда не отличалось сохраненіемъ канцелярскаго порядка, пропало присланное изъ Сената на заключеніе министра финансовъ подлинное дѣло, на 4500 листахъ, о наслѣдственномъ дѣлежѣ и по расчету съ казною помѣщиковъ Браницкихъ и князя Сапѣги. Это было доложено мнѣ 8 Августа 1861 г. Мы съ г. Жуковскимъ приказали столоначальнику Потемкину, человѣку не безъ способностей и очень трудолюбивому, но слабому съ подчиненными, употребить всѣ возможныя средства къ отысканію этого дѣла, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ пострадать.

Какъ въ 3-е распорядительное отдѣленіе часто поступали подобныя дѣла и пересылались въ другія министерства или были возвращаемы съ требованными заключеніями, то мы съ Жуковскимъ и начальникъ того отдѣленія Якубовскій были увѣрены, что дѣло это отослано куда нибудь по ошибкѣ.

Ключареву объ этомъ донесъ другъ его Тристанъ въ своей съ нимъ интимной перепискѣ.

По возвращеніи, въ началѣ Октября, Алексѣй Кирилловичъ немедленно допросилъ Потемкина, какъ случилась эта пропажа, и объявилъ, что если дѣло не найдется въ теченіе недѣли, то г. Потемкинъ будетъ подвергнутъ слѣдствію и суду, а самъ въ первый же свой докладъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра, присовокупивъ мнѣніе, что много упущено времени къ отысканію пропавшаго дѣла, что̀ и твердилъ постоянно, желая выказать неисправности, которыхъ при его управленіи, какъ думалъ онъ, случиться бы не могло; но всякій разъ, когда была объ этомъ рѣчь, я повторялъ ему, что онъ самъ на-

шелъ нужнымъ дать Потемкину еще недѣлю для отысканія дѣла, сверхъ того времени, которое назначили мы съ Жуковскимъ.

Слѣдователемъ былъ назначенъ чиновникъ при министрѣ Ѳедоръ Прохоровичъ Мицкевичъ. Его посылалъ министръ въ Москву, разузнать, не попало ли это дѣло ошибкою въ тамошній Сенатъ; но тамъ ничего не открыли. Слѣдствіе продолжалось около года, и по окончаніи слѣдственное производство представлено, по закону, на разсмотрѣніе Совѣта Министерства Финансовъ. Совѣтъ постановилъ передать слѣдствіе на разсмотрѣніе Уголовной Палаты. Ключаревъ настоялъ, чтобы и оба вице-директоры дали за своимъ подписомъ объясненіе, что было сдѣлано ими къ отысканію пропавшаго дѣла.

Наканунѣ того дня, когда надобно было отправить слѣдственныя бумаги въ Уголовную Палату, явился въ домъ къ Ѳ. П. Мицкевичу какой-то господинъ и, въ отсутствіе хозяина, отдалъ дворнику огромную связку, запечатанную и адресованную на имя Мицкевича. Это было пропавшее дѣло. Мицкевичъ представилъ его, при рапортѣ, въ департаментъ, и формалистъ нашъ, Алексѣй Кирилловичъ, собравъ начальниковъ отдѣленій, велѣлъ начальнику 3-го отдѣленія пересмотрѣть при нихъ и пересчитать всѣ листы по описи. Все оказалось исправнымъ и цѣлымъ.

Кто взялъ это дѣло изъ департамента и кто принесъ его къ Мицкевичу, это осталось доселѣ тайною.

Ключаревъ наказалъ виноватыхъ порядочно; въ 1861, 1862 и 1863 годахъ ни Потемкину, отцу 8-хъ дѣтей, ни его подчиненнымъ, не давалось никакого пособія. Жестоко, но справедливо.

Чиновники Министерства Финансовъ, для которыхъ со вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ наступилъ золотой вѣкъ, думали со введеніемъ блистательной новой системы питейныхъ сборовъ, что его благодѣтельное управленіе будетъ продолжительно, и ошиблись: въ Февралѣ 1862 г. пронесся слухъ и, къ несчастію, неложный, что онъ оставляетъ Министерство новому преемнику, управлявшему дѣлами Комитета Финансовъ, тайному совѣтнику Михаилу Христофоровичу Рейтерну.

Когда послѣдовалъ объ этомъ высочайшій указъ, всѣ чиновники Министерства явились въ залахъ дома министерскаго (противъ Мраморнаго дворца) для представленія новому начальнику въ присутствіи Александра Максимовича, которому директоръ нашъ, мы, вице-директоры и всѣ начальники отдѣленій нашего департамента рѣшились принести искреннѣйшую благодарность за его кроткое и благодѣтельное управленіе.

Мы явились для этого къ бывшему министру въ часъ пополудни. Камердинеръ извѣстилъ насъ, что Александръ Максимовичъ приглашаетъ всѣхъ насъ въ залу. Ключарева еще не было, и мнѣ, какъ старшему, досталось представить его высокопревосходительству прочихъ товарищей. Когда онъ вышелъ къ намъ, я сказалъ: «За отсутствіемъ директора, потребованнаго Михаиломъ Христофоровичемъ, имѣю честь представить вашему высокопревосходительству благодарныхъ чиновниковъ департамента Государственнаго Казначейства. Каждый изъ насъ питаетъ надежду, что, и оставя Министерство, вы не лишите насъ своего высокаго покровительства». Онъ чрезвычайно ласково отвѣчалъ:

«Я всегда любилъ департаментъ Государственнаго Казначейства, но теперь уже не имѣю возможности быть ему полезнымъ попрежнему». Потомъ онъ обратился очень милостиво къ вице-директору Жуковскому и нѣкоторымъ ветеранамъ нашимъ, поговоривъ съ каждымъ изъ насъ со свойственною ему благосклонностію, и потомъ распрощался. Послѣ этого намъ объявлено, что бывшій министръ испросилъ у Государя Императора всемилостивѣйшую награду на департаментъ Государственнаго Казначейства 24.000 рублей.

Распредѣленіе этой суммы предоставлено директору. Онъ не упустилъ при этомъ случаѣ ужалить вице-директоровъ, давъ имъ по 450 р. сер., даже менѣе нежели нѣкоторымъ начальникамъ отдѣленій.

Надобно сказать, что Ключаревъ, отличною исправностію по службѣ, пріобрѣтая постепенно, хотя не сердечное къ себѣ расположеніе, но довѣренность министра, скоро забылъ данную отъ него сначала жестокую гонку и возобновилъ свой терроризмъ надъ чиновниками; будучи однако не хитрымъ, но очень лукавымъ человѣкомъ, онъ ловко принялъ всѣ мѣры, чтобъ до министра не доходили слухи о его лютости; для этого онъ удивительно былъ ласковъ и любезенъ съ нѣкоторыми господами, имѣвшими доступъ къ Александру Максимовичу, расположилъ ихъ въ свою пользу такъ, что они, изъ признательности къ нему, не оглашали скверныхъ его поступковъ, и такимъ образомъ онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Само собою разумѣется, что еслибъ Александръ Максимовичъ зналъ все, что̀ у насъ дѣлается, то никакъ не допустилъ бы Алексѣю Кирилловичу обидѣть вице-директоровъ, а назначилъ бы имъ награды по собственному усмотрѣнію.

Получивъ это награжденіе, мы опять отправились благодарить Александра Максимовича, и я почтительно и въ глубокомъ молчаніи ему поклонился.

Наступилъ первый докладной день новому министру. По заведенному порядку, и я пошелъ со всѣми кассовыми счетами при директорѣ, который убѣдительно просилъ меня, идучи со мною, не говорить ни

слова съ министромъ, «такъ какъ я, сказалъ Алексѣй Кирилловичъ, заготовилъ записку, написавъ въ ней все то, что́ нужно было бы объяснять на словахъ». Это мнѣ казалось очень страннымъ, но было дѣйствительно такъ: онъ хотѣлъ превратить меня въ безсловесные.

Во время этихъ передвиженій по службѣ, случилось, что жену мою посѣтила родственница бывшаго министра, родная сестра покойной его супруги, глубоко имъ уважаемая Александра Христіановна Христіани, вдова генералъ-лейтенанта. При разговорѣ о случившейся перемѣнѣ министра, жена моя изъявила, что мы крайне опечалены, лишась Александра Максимовича, на котораго, сказала Софья Петровна, мы возлагали надежду, что мужъ мой, оканчивая службу, не останется безъ куска хлѣба, и даже теперь надѣемся, что бывшій министръ не оставитъ въ этомъ случаѣ оказать свое содѣйствіе и покровительство. Отвѣчали: Неужели вы думаете, Софья Петровна, что Александръ Максимовичъ можетъ унизиться до того, чтобы просить Рейтерна? Видя, какъ разсыпались надежды наши, жена моя залилась слезами и сказала: «Мы не позволимъ себѣ этого думать, но Максимъ Дмитріевичъ довелъ до свѣдѣнія министра, еще въ концѣ 1859 года, что Петръ Ивановичъ желаетъ оставить службу по слабости зрѣнія, и проситъ исходатайствовать небольшое, но достаточное содержаніе въ отставкѣ за его очень долговременную службу, и г. министръ обѣщалъ *подумать*». Генеральша отвѣчала: «мы объ этомъ не слыхали».

Послѣ этого мнѣ съ женою оставалось на старости ожидать горькую бѣдность съ ея лишеніями. Но Богу угодно было спасти насъ сверхъ всякаго чаянія.

При этомъ я не могу не вспомнить, что бывшій вице-директоръ по управленію земскими повинностями, Григорьевъ, въ 1861 году, по болѣзни уволенъ былъ по всеподданнѣйшему ходатайству Александра Максимовича съ пенсіею 2570 р. въ годъ. Видя этотъ примѣръ, я хотѣлъ также попытать счастія и думалъ было обратиться съ просьбою къ Петру Ѳедоровичу Броку, при которомъ хотя не долго служилъ, но былъ взысканъ неоднократно его милостями (онъ далъ мнѣ мѣсто вице-директора и орденъ Св. Станислава 1-й степени); но, не зная его отношеній къ Михаилу Христофоровичу, рѣшился искать своего блага прямою дорогою.

Но прежде я долженъ сказать, что хотя мнѣ много, часто и несправедливо приходилось терпѣть отъ Ключарева непріятности, но я, принявъ еще въ молодости своей за непремѣнное правило никогда не идти противъ ближайшаго начальника, не далъ ему никакого повода питать ко мнѣ вражду, и до послѣдней минуты нашей съ нимъ служ-

бы, онъ часто бесѣдовалъ со мною дружески, называя меня иногда, можетъ быть, въ шутку, дипломатомъ.

Такъ однажды лѣтомъ 1862 г. въ откровенномъ разговорѣ, я объяснилъ ему, что моя продолжительная служба довела до послѣдняго разстройства мое зрѣніе, и что я не могу уже быть полезнымъ службѣ на столько, какъ бы желалъ, всепокорнѣйше просилъ его сдѣлать для меня милость переговорить предварительно съ новымъ министромъ о моемъ желаніи и узнать, могу ли я надѣяться получить возвышенную противъ обыкновеннаго устава пенсію.

Онъ однако сталъ совѣтовать мнѣ послужить еще и не торопиться выходить изъ департамента. Подумавъ хорошенько, я находилъ и самъ, что лучше было бы прослужить хотя съ годъ при новомъ министрѣ и постараться заслужить, если возможно, его вниманіе, нежели рисковать, что онъ можетъ напомнить мнѣ извѣстное примѣчаніе Св. Зак. т. III уст. о пенсіяхъ, гдѣ строго запрещено ходатайствовать о назначеніи пенсій сверхъ окладовъ закономъ положенныхъ; а притомъ я видѣлъ много примѣровъ на службѣ, что настоянія подчиненныхъ лицъ скорѣе могутъ вредить, нежели приносить пользу.

Вскорѣ начали оказываться примѣры великодушнаго вниманія со стороны Михаила Христофоровича къ старымъ и добросовѣстно служившимъ чиновникамъ. Многіе, уволенные отъ службы, получили пенсіоны съ нѣкоторыми прибавками къ установленнымъ окладамъ и нѣкоторымъ оставлено даже при увольненіи полное содержаніе, производившееся на службѣ, между прочимъ чиновникъ особыхъ порученій дѣйствительный статскій совѣтникъ Долгій уволенъ съ окладомъ 2000 р.

Были примѣры испрошенныхъ сверхъ закона возвышенныхъ окладовъ и по другимъ вѣдомствамъ. Въ Октябрѣ 1862 года получено было отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ о назначеніи возвышенной пенсіи одному заслуженному чиновнику по карантинной части. Министръ финансовъ изъявилъ на это свое согласіе. Алексѣй Кирилловичъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и, показавъ мнѣ бумагу эту, сказалъ, что онъ, имѣя въ виду желаніе мое оставить службу, изъявилъ готовность, если я не перемѣнилъ намѣренія, просить министра объ исходатайствованіи мнѣ у Всемилостивѣйшаго Государя производства, при увольненіи отъ службы, полнаго содержанія, какое получалъ я въ званіи вице-директора. Я покорнѣйше просилъ исполнить это благодѣтельное для меня намѣреніе.

Въ первый же послѣ того докладъ Алексѣй Кирилловичъ говорилъ объ этомъ съ Михайломъ Христофоровичемъ и, выйдя изъ кабинета, сказалъ: «молитесь Богу, Петръ Ивановичъ; министръ согласился назначить вамъ, за вашу долговременную службу, въ пенсію всѣ ваши

оклады и приказалъ заготовить объ этомъ всеподданнѣйшую докладную записку». Я поблагодарилъ директора отъ всей души. Впрочемъ мнѣ извѣстно было, что мѣсто мое нужно было для его задушевнаго друга—Тристана Ж—го.

Тутъ случились обстоятельства, которыя отчасти замедлили мое увольненіе и побудили самого Алексѣя Кирилловича оставить службу, хотя онъ былъ еще въ полныхъ силахъ продолжать ее съ прекрасными надеждами въ будущемъ изловить Бѣлаго Орла и облечься въ алый, сенаторскій мундиръ.

Обо мнѣ Алексѣй Кирилловичъ представилъ министру въ половинѣ Октября 1862 проектъ всеподданнѣйшей записки; но, по случаю отъѣзда Государя Императора въ Москву, Михаилъ Христофоровичъ отозвался, что этимъ дѣломъ надо повременить до возвращенія Его Величества. А съ директоромъ, совершенно неожиданно, случилось вотъ что́:

Давно продолжались между Министерствомъ Финансовъ и Главнымъ Управленіемъ Почтъ горячіе споры о претензіяхъ на казну содержателей вольныхъ почтъ за излишне выставленныхъ на разныя станціи лошадей, за вновь учрежденныя въ разныхъ мѣстностяхъ станціи и проч. Всякая по этимъ предметамъ бумага почтоваго вѣдомства возбуждала, по резолюціямъ Алексѣя Кирилловича, строгую критику и возраженія, отчего завязывалась на долго переписка; подобная полемика открывалась и съ другими вѣдомствами, конечно съ желаніемъ уменьшить издержки Государственнаго Казначейства; но тѣмъ не менѣе всѣ эти, слишкомъ досадные для разныхъ управленій споры, не всегда правильные съ нашей стороны, распространяли о нашемъ директорѣ весьма непріятные слухи; даже замѣтки о немъ въ одномъ заграничномъ журналѣ много вредили ему въ мнѣніи всѣхъ правительственныхъ лицъ. Особенно недоволенъ имъ былъ бывшій главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, какъ за безпрерывные споры и возраженія по дѣламъ, такъ и за одного издавна покровительствуемаго имъ чиновника, который служилъ у насъ начальникомъ отдѣленія и, бывъ принужденъ Алексѣемъ Кирилловичемъ выйти изъ департамента, съ большимъ семействомъ остался безъ всякихъ средствъ къ содержанію, лишась при томъ казенной квартиры. Говорятъ, что это общее нерасположеніе къ нашему директору высшихъ сановниковъ было причиною, что онъ принужденъ былъ оставить службу.

Въ Ноябрѣ, по возвращеніи изъ Москвы Государя, Алексѣй Кирилловичъ представлялъ снова министру проектъ докладной записки о моемъ увольненіи. Выйдя послѣ того изъ кабинета съ большимъ смущеніемъ, онъ объявилъ мнѣ, что и на этотъ разъ министръ отложилъ

это дѣло до времени и что впрочемъ оно будетъ исполнено по данному уже слову. Оказалось, что самъ Алексѣй Кирилловичъ получилъ предложеніе оставить Министерство Финансовъ, съ тѣмъ впрочемъ, что усердіе его къ службѣ и превосходное управленіе департаментомъ будутъ достойно вознаграждены.

Въ самомъ дѣлѣ онъ получилъ отъ директора канцеляріи министра финансовъ отъ 28 Декабря 1862 г. письмо, въ которомъ Ѳедоръ Тимофеевичъ изъяснилъ, что Государь Императоръ, по представленію министра финансовъ, во вниманіе къ отличнымъ заслугамъ Алексѣя Кирилловича, всемилостивѣйше увольняя его, по болѣзни отъ службы, пожаловалъ ему 4000 р. пенсіи и сверхъ того къ ежегодному производству въ теченіе 12 лѣтъ 3000 арендныхъ денегъ. Это письмо по просьбѣ директора прочтено было мною предъ всѣми начальниками отдѣленій, и мы поздравили его съ монаршею милостію.

Потомъ Алексѣй Кирилловичъ объявилъ намъ и твердилъ всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать, что онъ сдѣлается Кіевскимъ мѣщаниномъ, избирая богоспасаемый градъ Кіевъ постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія. Онъ не забылъ своего Тристана, выхлопотавъ ему мѣсто предсѣдателя Витебской Казенной Палаты.

Опасаясь, чтобы дѣло о моемъ увольненіи не окончилось также неудачно, какъ при содѣйствіи Максима Дмитріевича Княжевича, я просилъ Алексѣя Кирилловича доложить министру, въ родѣ напоминовенія о моей просьбѣ; онъ это на радостяхъ своихъ исполнилъ, и Михаилъ Христофоровичъ, повторивъ данное слово уволить меня съ полнымъ содержаніемъ, прибавилъ къ тому, что надобно нѣсколько недѣль обождать, такъ какъ было бы неловко вдругъ уволить изъ департамента директора и старшаго его помощника.

Приказомъ объ отставкѣ А. К. Ключарева не спѣшили, и онъ остался управлять департаментомъ до прибытія своего преемника, бывшаго Пензенскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Куприянова. Онъ пріѣхалъ въ Февралѣ 1863 г. Мы съ вице-директоромъ Жуковскимъ являлись къ нему; онъ заплатилъ намъ за это учтивѣйшимъ визитомъ. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что на мое мѣсто приготовленъ уже какой-то его protégé, чиновникъ, состоявшій при Костромскомъ гражданскомъ губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Поповъ. Г. Куприяновъ предложилъ мнѣ оставаться въ должности нѣсколько времени до пріѣзда г. Попова. Наконецъ записка объ увольненіи меня съ пенсіею по 2570 руб. сер. въ годъ состоялась и удостоена высочайшаго соизволенія 12 Апрѣля 1863 года.

Принеся благодареніе Господу Богу, я положилъ въ сердцѣ своемъ постоянно и съ усердіемъ ежедневно молиться о здравіи и счастіи благодѣтельнаго Михаила Христофоровича, исполняя это до послѣдней минуты своей жизни.

Теперь обращусь нѣсколько назадъ, чтобы сказать о моемъ юбилеѣ.

Чиновникъ, прослужившій 52 года, изъ которыхъ 44 былъ не писаремъ, а дѣлопроизводителемъ, между прочимъ 24 года участвовалъ въ составленіи росписи, имѣлъ разныя особыя порученія, сохраняя всегда неукоснительно интересы казны и всегда добросовѣстно исполняя приказанія, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, милость правительства.

Но почему-то мое полувѣковое труженичество не было увѣнчано. Люди, которыхъ меньше тормошили разными экстренностями, меньше обременяли дѣломъ, праздновали свои юбилеи, а для меня это отсуждено. Правда, что мнѣ исходатайствована возвышенная пенсія, но если бы этого не сдѣлали, то меня жестоко обидѣли бы въ сравненіи съ г. Григорьевымъ, который за свое болѣзненное состояніе на службѣ, уволенъ съ окладомъ, какой дали и мнѣ—2570 р. Но за то я былъ великолѣпно вознагражденъ другимъ образомъ.

Удостоивъ вспомнить докладъ Жуковскаго о моемъ 50-лѣтіи, бывшій министръ финансовъ и главнѣйшій благодѣтель мой, Александръ Максимовичъ, былъ столько внимателенъ къ моей службѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру 31 Декабря 1862 года, когда исполнилось мнѣ пятьдесятъ лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ. Меня въ это время не было дома. Я со всѣмъ семействомъ отправился въ этотъ день на Петербургскую Сторону отслужить благодарственный молебенъ въ томъ же самомъ храмѣ, гдѣ бѣдная мать моя совершила свою молитву слишкомъ за полвѣка назадъ, представляя меня на службу. По окончаніи молебна я отправился въ департаментъ, а жена и дочь мои домой. Поговоривъ съ ними и желая меня видѣть, бывшій министръ поѣхалъ въ штабъ и принялъ на себя трудъ взойти въ верхъ, по 92 ступенямъ, что̀ по его лѣтамъ была слишкомъ дорогая жертва. Онъ внезапно вошелъ къ намъ въ вице-директорскую комнату и поздравилъ меня, спросивъ: какую награду исходатайствовало мнѣ начальство за мою усердную и 40 лѣтъ ему извѣстную службу? Я съ глубокою чувствительною благодарностію доложилъ его высокопревосходительству, что мнѣ, на старости, обѣщанъ кусокъ хлѣба назначеніемъ возвышенной пенсіи, съ чѣмъ вмѣстѣ я не смѣю и помышлять о какой либо еще наградѣ, чтобы не лишиться той, какая обѣщана. При прощаніи, посмотрѣвъ на меня, онъ изволилъ сказать: «*Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы можете еще служить*». Этимъ словомъ окончился мой юбилей.

Александръ Максимовичъ могъ сказать это, потому что я, пока былъ на службѣ, всячески старался держаться прямо, ходить проворно и подкрашивалъ свои волосы; но еслибъ онъ взглянулъ на меня черезъ недѣлю послѣ отставки, такъ повѣрилъ бы, что я одряхлѣлъ, посѣдѣлъ и сдѣлался дѣйствительно негоднымъ для службы.

Въ половинѣ Мая 1863 года пріѣхалъ изъ Костромы преемникъ мой г. Поповъ; 16-го числа я подписалъ послѣднія вице-директорскія бумаги и простился съ любезными сотрудниками.

Такъ кончилась служба моя, продолжавшаяся съ 13 Іюля 1811 по 17 Мая 1863, слишкомъ 52 года.

Я терпѣть не могъ клянчить передъ начальствомъ, но подъ старость убѣдился, *что дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.* При этомъ у меня былъ въ глазахъ и убѣдительный примѣръ, какъ справедливы библейскія слова «*просите, и дастся вамъ*». Семенъ Михайловичъ Кобылинъ попросилъ и получилъ мѣсто управляющаго Главнымъ Казначействомъ; еще попросилъ, ему исходатайствована прибавка 1.000 рубл. къ ежегодному содержанію; опять попросилъ, — поморщились, но дали ему въ ссуду 4.000, а со смертію его этотъ долгъ сложили. Всѣ эти милости пролились на него въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ бытности управляющимъ.

Не получивъ юбилейной награды, которой не лишенъ былъ даже и Степанъ Николаевичъ Савицкій, добрый человѣкъ, но не болѣе, я рѣшился переговорить объ этомъ съ г. Купріяновымъ и объяснилъ ему слѣдующій резонъ.

— Вашему превосходительству извѣстно, что я оставляю службу по крайней слабости зрѣнія; но думаю, что послѣ нѣкотораго отдыха и при употребленіи медицинскихъ пособій, могъ бы нѣсколько поправить мои глаза, но издержки на это выше моихъ средствъ, принимая даже въ расчетъ пожалованную пенсію; долговременная опытность моя и непривычка къ взяткамъ могли бы еще пригодиться для службы. Итакъ, не изволите ли испросить у министра денежное мнѣ вспомоществованіе на пользованіе зрѣнія? Онъ отвѣчалъ, что находитъ мое желаніе весьма справедливымъ и предложилъ мнѣ написать объ этомъ письмо министру, обѣщая и съ своей стороны употребить ходатайство въ мою пользу. «Если же, сказалъ онъ, г. министръ встрѣтилъ бы затрудненіе войти по этому предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ, то обѣщаю сдѣлать вамъ пособіе на счетъ канцелярской суммы».

Но дѣла такого рода совершаются удобнѣе при личномъ ходатайствѣ ближайшаго начальства, а не просительными письмами чиновниковъ, всегда досадными для высшаго начальства, и хотя Максимъ Хри-

стофоровичъ ангелъ доброты, но все таки не раздаватель милостыни (aumonier), а министръ финансовъ, обязанный беречь, а не расточать казну; кромѣ того, не зная обстоятельствъ, которыя давали мнѣ право надѣяться на исполненіе моей просьбы, легко могъ счесть меня человѣкомъ слишкомъ требовательнымъ и неблагодарнымъ; а если бы рѣшиться на то, чтобъ описать порядочно обстоятельства моей службы, то это было бы не письмо, а цѣлая исторія; мнѣ не хотѣлось утруждать министра чтеніемъ пустяковъ: бросилъ это.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Ключаревымъ.

Передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, онъ пришелъ въ департаментъ проститься и, любя церемоніалы по своему клерикальному расположенію, онъ созвалъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій въ комнату вице-директоровъ, торжественно благодарилъ ихъ за службу и объявилъ, что онъ вскорѣ уѣзжаетъ отсюда и намѣренъ сдѣлаться навсегда *Кіевскимъ мѣщаниномъ*. Никто не сказалъ ему ни слова, и на его привѣтъ «*прощайте, господа*», всѣ отвѣчали полупоклономъ. Никто не провожалъ его по выходѣ изъ комнаты кромѣ экзекутора и его любезнаго Тристана.

Потомъ, кажется, наканунѣ своего отъѣзда, онъ опять побывалъ въ департаментѣ, но уже не созывалъ чиновниковъ, а попросилъ къ себѣ меня, расположась въ отдѣленіи о государственной росписи и принялъ меня очень ласково, потому что передъ тѣмъ я благодарилъ его искренно и почтительно за мою пенсію. Разговаривая со мною о Кіевѣ, онъ сказалъ, что онъ надѣется проводить тамъ время пріятно и счастливо, какъ въ то время, когда онъ былъ тамъ предсѣдателемъ Казенной Палаты. Я—признаюсь въ своей неловкости—отвѣчалъ ему: «Безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, пребываніе ваше въ Кіевѣ послѣ столь продолжительныхъ и важныхъ трудовъ государственной службы, будетъ для васъ и семейства вашего особенно пріятнымъ, если только какія нибудь воспоминанія прошедшаго не будутъ безпокоить васъ». Онъ нахмурился, какъ осенній туманъ, и съ досадою сказалъ: какія же эти воспоминанія?—Обширныя занятія вашего превосходительства сопровождались всегда тяжкими трудами и заботами, о которыхъ воспоминанія, какъ объ ужасныхъ снахъ, едва ли не будутъ безпокоить васъ въ продолженіе жизни, ибо они приходятъ на память противъ воли нашей.—Онъ однако не оставилъ безъ наказанія этихъ, въ самомъ дѣлѣ, досадныхъ словъ: простился, облобызавъ начальника и бухгалтеровъ 1-го отдѣленія, а со мною сухо раскланялся.

*

Оканчивая описаніе моей пятидесяти-двухъ-лѣтней службы, я долженъ присовокупить, что мои неважные, но полезные труды сдѣла-

лись извѣстными Государю Императору Александру Николаевичу. Когда я благодарилъ Петра Ѳедоровича Брока за избраніе меня въ 1856 году вице-директоромъ, онъ сказалъ мнѣ, что Государю Императору благоугодно было спросить: не тотъ ли это Голубевъ, который занимался по части государственной росписи? Такой же точно вопросъ сдѣланъ былъ Его Императорскимъ Величествомъ Александру Максимовичу Княжевичу при подписаніи высочайшаго рескрипта о пожалованіи меня орденомъ Св. Анны первой степени, какъ объявилъ мнѣ бывшій министръ при докладѣ нашего департамента. Брокъ и Княжевичъ спрашивали меня, какимъ образомъ я сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору, и я отвѣчалъ, что лично я никогда не имѣлъ счастія представляться Его Величеству, а полагаю, что подпись моя на дѣловыхъ бумагахъ очень часто представлялась на высочайшее воззрѣніе и что эти самыя бумаги доставили мнѣ счастіе только однимъ именемъ удостоиться высочайшаго вниманія.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о результатѣ воспитанія моихъ дѣтей.

Сынъ мой, по окончаніи въ 1851 году курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, получилъ званіе—степень кандидата историко-филологическаго факультета, награжденъ по опредѣленію Университетской конференціи Ивановскою премією 300 руб. сер. и получилъ дозволеніе поступить на службу въ какой либо министерскій департаментъ. Право это предоставлено было тогда по закону только тѣмъ студентамъ, которые при испытаніи признаны будутъ первыми въ познаніяхъ; прочіе же, окончившіе курсъ кандидатами или дѣйствительными студентами, должны были поступать на службу не иначе, какъ въ губернскія или уѣздныя присутственныя мѣста. Въ 1857 году сынъ мой началъ независимую жизнь, женясь на дочери коллежскаго совѣтника Лукинскаго, воспитанной въ училищѣ Орд. Св. Екатерины въ одно время съ моею дочерью.

Дочь моя вышла изъ Института въ 1850 г. и награждена при выпускѣ первою золотою медалью. Въ 1852 году мы выдали ее замужъ за капитана лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Бухмейера. Въ 1854 онъ произведенъ былъ въ подполковники и отправился во время бывшей съ Англо-Французами войны въ дѣйствовавшую армію и на походѣ, близъ Бахчисарая, скончался.

Въ 1856 году она вторично вышла въ замужество за отставнаго прапорщика строительнаго отряда вѣдомства путей сообщенія Шимана.

3-го Іюля 1864.

Записки Петра Ивановича Голубева любезно сообщены въ „Русскій Архивъ“ роднымъ его внукомъ Павломъ Викторовичемъ Шиманомъ. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА*).

1865—1875 годы.

Кромѣ разсказаннаго случая, когда мнѣ пришлось охранять самолюбіе Рудинскаго съ рискомъ для себя, разскажу еще одинъ, который прямо рисуетъ характеръ его, а отчасти имѣетъ и общій интересъ. Вечеромъ, въ совершенно необычное время, получаю отъ него запискою приглашеніе придти къ нему на квартиру немедленно. Рудинскій встрѣчаетъ меня словами: выручайте, И. А., на васъ надежда... Оказывается, что Рудинскій получилъ изъ Окружнаго Суда повѣстку о назначеніи его, по желанію которой-то изъ сторонъ, экспертомъ по уголовному дѣлу. Помнится, что это было знаменитое въ свое время дѣло Волоховой, во всякомъ случаѣ, то, въ которомъ участвовалъ экспертомъ профессоръ анатоміи Ив. М. Соколовъ. Что же, спрашиваю, васъ встревожило въ такомъ приглашеніи? Я на вашемъ мѣстѣ принялъ бы его съ удовольствіемъ: гражданскій долгъ, честь, любопытство... «Подите вы, очень мнѣ все это нужно. Какой нибудь мальчишка, брехунъ будетъ вертѣть, выворачивать тебя на потѣху публики, которая чортъ знаетъ изъ кого и состоитъ. Потомъ въ газеты тебя втянутъ, да и своя братія пойдетъ прохаживаться на твой счетъ. Ни за что не поѣду; лучше штрафъ заплачу, вотъ тутъ (тычетъ въ повѣстку) онъ и назначенъ. Да вѣдь этимъ пожалуй не отдѣлаешься: понравится, опять будутъ таскать!—«Да, говорю, отдѣлываться, такъ отдѣлаться разъ на всегда». Мы и отдѣлались чрезъ командующаго войсками по служебнымъ причинамъ.

Нежеланіе Рудинскаго фигурировать въ роли эксперта на судѣ я понимаю. При своемъ самолюбіи, какъ я говорилъ уже, онъ не былъ ни краснорѣчивъ, даже не рѣчистъ и не находчивъ, а безъ того и другого и свѣдущій экспертъ обрекается на судѣ чему-то въ родѣ истязанія. Въ то время положеніе эксперта-врача на судѣ было еще хуже теперешняго. Тогдашніе прокуроры и адвокаты, злоупотребляя своимъ

*) См. выше I, стр. 77.

положеніемъ на трибунѣ и пользуясь своею привычкою къ публичному разглагольствованію съ одной стороны, и неопытностью, не подготовленностію къ публичной судебно-медицинской дѣятельности по новому уставу врачей, дозволяли себѣ нерѣдко невыносимое глумленіе надъ инымъ экспертомъ, мѣшавшимъ обвиненію или защитѣ. Впрочемъ и въ настоящее время прорываются такія выходки сторонъ противъ экспертовъ, что только можно удивляться, какъ терпитъ судъ такія вещи, которыя невозможны въ порядочномъ обществѣ и во всякомъ случаѣ не проходятъ тамъ безнаказанными. Такъ, очень недавно, въ Петербургѣ прокуроръ, дѣлая оцѣнку экспертизы д-ра Ш., вызваннаго защитою по дѣлу одного врача, позволилъ себѣ сказать: д-ръ Ш. здѣсь на судѣ величался профессоромъ; онъ, правда, читалъ лекціи въ какомъ-то заведеніи, но профессоромъ можетъ считаться только in partibus infidelium, хотя у него развязности и апломба больше, чѣмъ у иного настоящаго профессора. Къ чему это было сказано? Съ какой стороны могло клониться къ уясненію истины? Д-ръ Ш. дѣйствительно читалъ лекціи по судебной медицинѣ въ одномъ изъ спеціально-юридическихъ заведеній и при томъ, какъ спеціалистъ-акушеръ, былъ компетентенъ въ вопросѣ, по которому давалъ свое заключеніе. Какъ же это защитникъ не догадался попросить судъ занести слова прокурора въ протоколъ? Тогда, можетъ быть, не послѣдовало бы обвинительнаго приговора, и во всякомъ случаѣ получился бы поводъ къ кассаціи. Человѣкъ почтенный (г. Ш. тайный совѣтникъ по чину) и къ самому дѣлу непричастный третируется на судѣ, какъ мазурикъ, и такое третированіе со стороны трибуны несомнѣнно импонируетъ суду и присяжнымъ. Какая польза отъ этого правосудію? Вообще, положеніе у насъ врачебной экспертизы и самая экспертиза на судѣ оставляетъ желать многаго въ интересахъ правосудія, и ненормальность эта сознается врачами, чему служитъ доказательствомъ возникшая по этому вопросу медицинская литература. Она же, эта ненормальность или неправильность постановки судебной экспертизы, доказывается тѣмъ, что чрезъ 30 лѣтъ судебной практики по новому уставу все еще слишкомъ часто компрометируютъ и медицинскую науку и правосудіе иногда діаметрально противорѣчащія одно другому заключенія экспертовъ по одному и тому же вопросу, что̀ при настоящемъ состояніи врачебныхъ наукъ должно бы встрѣчаться, какъ исключеніе, зависящее при томъ отъ случайныхъ причинъ. Въ настоящее время это разногласіе экспертовъ зависитъ отъ того, что врачъ не знаетъ, чего держаться, уголовнаго ли закона, который ему случайно, но поверхностно знакомъ, XIII-го ли тома законовъ, который остается сухою вѣткой на новомъ судѣ, или иностранныхъ учебниковъ, составленныхъ примѣнительно къ мѣстной

юрисдикціи, по которымъ учатъ студентовъ наши профессора, или же стоять на чисто-научныхъ основаніяхъ, предоставляя суду и сторонамъ понимать и толковать ихъ, какъ умѣютъ и какъ хотятъ. Во всякомъ случаѣ, врачей нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они относились равнодушно къ новымъ своимъ обязанностямъ по судебнымъ уставамъ. Напротивъ, уголовные процессы съ врачебной экспертизой возбуждали въ нихъ живѣйшій интересъ, и по нѣкоторымъ процессамъ, какъ Волоховой, Антона Свинаря, Сары Бернаръ и др., возникла цѣлая литература, плодившаяся, именно, на разногласіи взглядовъ на дѣло. Споры велись съ страстностью, съ увлеченіемъ; антагонисты не щадили другъ друга, а экспертамъ иногда больно доставалось отъ товарищей. Вотъ чего еще боялся Рудинскій.

Здѣсь кстати сказать кое-что и относительно положенія врачей по судебнымъ уставамъ. При отсутствіи у насъ института спеціальныхъ судебныхъ врачей, судебная повинность, сверхъ общей для всѣхъ обязанности присяжнаго засѣдателя, увеличивается, кромѣ экспертизы на судѣ, еще экспертизою на предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всякій врачъ, какъ обязанный являться для вскрытія, напр., мертвыхъ тѣлъ, подвергается въ силу закона произволу слѣдователя. Одинъ на уѣздъ врачъ, называющійся уѣзднымъ, назначенный для экспертизы на предварительномъ слѣдствіи, можетъ имѣть, какъ это и бываетъ, выгодныя постороннія занятія, практику, службу на фабрикахъ и т. д., и при хорошихъ отношеніяхъ къ слѣдователю можетъ свободно предаваться этимъ занятіямъ за счетъ привлекаемыхъ слѣдователемъ для замѣны его постороннихъ врачей. Такъ несомнѣнно и бываетъ. Напр., мнѣ извѣстенъ случай, когда при подобныхъ обстоятельствахъ военный врачъ, въ Ржевѣ, по недоразумѣнію, зная военный порядокъ и субординацію, но не зная судебныхъ уставовъ, не принялъ присланной ему непосредственно слѣдователемъ повѣстки и не поѣхалъ на слѣдствіе. Слѣдователь оштрафовалъ его; врачъ отказался платить штрафъ; послѣдовала продажа имущества съ аукціоннаго торга. Врачъ былъ любимъ офицерами, которые явились покупателями на имущество врача и купивъ тотчасъ же возвратили его ему. Не знаю, какъ все это выглядитъ со стороны правды и права, но по личному опыту знаю, что свое право слѣдователь можетъ обратить въ допеканье врача. Будучи главнымъ врачемъ военнаго госпиталя въ Луцкѣ, я, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, чрезъ моихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, сталъ во враждебныя отношенія ко всему чиновному кружку въ городѣ. Подчиненные и сослуживцы мои были въ городѣ аборигены, а я пришлый; они свои люди, а я чужой. Дѣло затѣялось страшное для меня, стоившее мнѣ десяти

лѣтъ жизни, по крайней мѣрѣ, и кончилось тѣмъ, что весь госпиталь, начиная съ начальника госпиталя и кончая послѣдней сестрой милосердія, былъ разогнанъ: остался только я одинъ, также не пожелавшій оставаться на мѣстѣ битвы, хотя бы и побѣдителемъ. Но пока велась борьба, въ числѣ другихъ средствъ, вздумали допекать меня и судебнымъ слѣдователемъ. Получаю я отъ него повѣстку на вскрытіе трупа верстъ за 30 отъ города и при этомъ увѣдомленіе, что слѣдователь заѣдетъ за мной въ такомъ-то часу. Милости просимъ, думаю; посмотримъ, кто останется въ дуракахъ. Слѣдователь пріѣхалъ и требуетъ, чтобы я поторопился выходить. Я прошу его зайти ко мнѣ въ квартиру, потому что я не готовъ.

«Какъ же говорить онъ, входя; я же писалъ вамъ, что заѣду въ такомъ-то часу; теперь десятью минутами позже».

— У меня есть тоже свои служебныя дѣла, которыя бросить я не могу. Но не въ этомъ дѣло. Скажите, пожалуйста, что̀ васъ заставило привлечь именно меня къ этому вскрытію?

«Уѣздный врачъ заболѣлъ, я и пригласилъ васъ».

— Но у меня есть четыре ординатора, почему вы не привлекли кого либо изъ нихъ?

«Это мое дѣло. Я приглашаю, кого хочу, и въ этомъ случаѣ никто мнѣ указывать не можетъ».

— Это я знаю. Ѣдемте. Но я обязанъ васъ предупредить, г. слѣдователь, что прежде, чѣмъ я приступлю къ вскрытію, долженъ буду потребовать отъ васъ составленія протокола въ этомъ моемъ заявленіи вамъ, что я страдаю дальтонизмомъ.

«Что это такое?»

— Состояніе зрѣнія, при которомъ не различаются совсѣмъ нѣкоторые цвѣта, а другіе показываются фальшиво или неясно. Мнѣ такой протоколъ необходимъ для того, чтобы не отвѣчать за то, что я поневолѣ могу напутать въ актѣ о вскрытіи.

«Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вамъ и ѣздить?»

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Другихъ приглашеній на слѣдствіе, конечно, я уже не получалъ; но въ этотъ разъ никто и изъ моихъ ординаторовъ также потревоженъ не былъ.

*

Выше, по случаю исторіи съ писаремъ Окружнаго Совѣта, я сказалъ, что въ исходѣ докладовъ инспектора командующему войсками я былъ заинтересованъ, и это я считаю нужнымъ пояснить. Доклады начальниковъ отдѣловъ бывали очередные и экстренные. Первые для каждаго назначались не менѣе, какъ по два раза въ недѣлю, въ опредѣленные дни. Для медицинскаго инспектора были назначены Поне-

дѣльники и Четверги. Я убѣдилъ Рудинскаго выпросить только одинъ день для доклада, именно Понедѣльникъ, на что̀ тотъ и согласился, не находя для себя удовольствія лишній разъ въ недѣлю бесѣдовать съ Гильденштуббе. Поступилъ я такъ потому, что Рудинскій, не зная службы, весьма трудно усвоивалъ дѣло, почему и не могъ доложить его какъ слѣдуетъ. Отъ этого происходило, что иные важные, необходимые въ служебныхъ интересахъ доклады проваливались у командующаго войсками, что̀, впрочемъ, Рудинскаго не печалило, и не безпокоило. Командующій войсками не разрѣшилъ, а мнѣ-де наплевать, какъ хочетъ! Но для меня это было не все равно: изъ-за чего же работать, если результатъ труда зависитъ отъ глупости одного и самодурства другого? По этой причинѣ я и придумалъ готовить Рудинскаго къ докладу у Гильденштуббе, какъ къ экзамену, составляя для этого конспектъ, въ которомъ были бы, по возможности, предусмотрены всѣ возраженія. Продѣлывать это два раза въ недѣлю было бы скучно и для Рудинскаго, и для меня; поэтому мы и успѣли устроить такъ, чтобы остаться при однихъ Понедѣльникахъ. Въ Субботу я предъявлялъ бумаги къ докладу, излагалъ ихъ сущность и то, что̀ по нимъ требуется сдѣлать; въ Воскресенье составлялъ конспектъ, который и посылалъ вмѣстѣ съ бумагами къ Рудинскому, а въ Понедѣльникъ репетировалъ его. Первый опытъ такихъ докладовъ имѣлъ слѣдующій результатъ. Рудинскій возвращается отъ Гильденштуббе довольный и сіяющій. «Я такъ ему все по вашей запискѣ и прочелъ. Со всѣмъ согласился и все разрѣшилъ, сказалъ онъ. Это вы хорошо придумали».

У Рудинскаго, впрочемъ, было одно достоинство, которое для всѣхъ его служебныхъ недостатковъ служило противовѣсомъ; по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ. Онъ былъ чуждъ той служебной политики, которая, чтобы сдѣлать самый необходимый, неотложный шагъ, прежде справляется и обнюхиваетъ, какъ могутъ думать или взглянуть на данное дѣло вверху тѣ или другія лица, не причинитъ ли онъ какого-либо неудобства или непріятности кому-либо, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самому шагнувшему. Этимъ въ служебной политикѣ и опредѣляется умѣстность и своевременность служебнаго шага, хотя бы надобность въ немъ была неотложная, вопіющая. Рудинскій не придерживался такой политики, можетъ быть, потому, что не понималъ ея, и готовъ былъ во всякое время идти кверху, по начальству, со всякимъ дѣломъ, лишь бы оно казалось ему полезнымъ и основательнымъ, а главное было подготовлено, какъ облупленное яйцо, и могло идти бумажнымъ порядкомъ, само собою, не требуя отъ Рудинскаго ни труда, ни хлопотъ. Оттого при немъ оказалось возможнымъ вчи-

нать и проводить успѣшно такія дѣла, которыя немыслимы были ни при Яновскомъ, ни при Добряковѣ. Этимъ качествомъ Рудинскаго можно объяснить и то, что при его главномъ инспекторствѣ впослѣдствіи удалось окончить благополучно дѣло объ увеличеніи медицинскимъ чинамъ столовыхъ денегъ, начатое еще при Козловѣ, но остановившееся на полудорогѣ, не смотря на пресловутыя умѣнье и ловкость послѣдняго проводить всякія служебныя дѣла. Дѣлу этому оказался тормозъ въ недостаткѣ средствъ, могло также мѣшать и интендантство, и само министерство, дорожившее остатками отъ большаго некомплекта въ то время врачей; но, будучи поставлено основательно и прямо и направлено въ законномъ, форменномъ порядкѣ, а не окольными путями, оно безъ особаго труда преодолѣло существовавшія препятствія. Рудинскому, я увѣренъ въ этомъ, было безразлично положеніе военно-врачебнаго сословія, но онъ тѣмъ не менѣе оказалъ ему важную услугу, потому что не прочь былъ сдѣлать добро чужими руками.

Такъ было и съ квартирными деньгами для секретарей въ окружныхъ управленіяхъ. Въ теченіе шести-семи лѣтъ всѣ управленія осаждали главное управленіе и надоѣдали своимъ командующимъ войсками этимъ дѣломъ, но оно не подвигалось впередъ. Поступивъ въ управленіе, и я, съ своей стороны, предложилъ поднять это дѣло вновь. На это мнѣ отвѣчали, что уже и писано и говорено достаточно, такъ что поднимать это дѣло больше и неудобно и безполезно. Вы неправильно вели его, говорю я; оно должно быть направлено чрезъ Окружный Совѣтъ, тогда избѣгнетъ скользкой канцелярской дороги и волею-неволею будетъ разсмотрѣно, не останется подъ сукномъ. Для такого направленія существуютъ и по закону достаточныя основанія. Право на квартирныя деньги врачамъ и фармацевтамъ предоставлено абсолютно и при всѣхъ условіяхъ такою-то статьею, но отнято у секретарей административнымъ распоряженіемъ главнаго штаба, который такой компетенціи не имѣетъ. Яновскій съ Добряковымъ замахали руками. Но что не удалось сдѣлать при нихъ, то легко сдѣлалось при Рудинскомъ.

Другое дѣло, которое мнѣ удалось провести, чрезъ Совѣтъ, касалось увеличенія штата писарей и отпуска денегъ на канцелярскіе расходы. Первыхъ было только двое, а послѣднія были такъ мизерны, что не хватало на бумагу и т. п. расходы. По недостатку писарей, а также по незнанію всѣми канцелярскаго порядка, никакихъ такъ-называемыхъ дѣлъ въ управленіи не заводилось и не существовало, почему нельзя было разобраться въ бумагахъ и ни за чѣмъ слѣдить. Вслѣдствіе этого пришлось мнѣ самому писать прямо на-бѣло много

бумагъ, а для пустыхъ банальныхъ надписей, какъ и для обычныхъ повтореній, напоминаній и т. п. заготовить трафареты, образцы, подъ номерами, и раздать ихъ для руководства писарямъ: пиши-молъ по такому-то номеру туда-то о томъ-то. Но при всемъ томъ, чтобы добиться нужнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ и не имѣть задержанныхъ, неисполненныхъ бумагъ, пришлось завести вечернія занятія, конечно, въ моемъ присутствіи, то-есть, работать по вечерамъ самому вмѣстѣ съ писарями, такъ какъ иначе никакой пользы отъ такихъ вечернихъ занятій не могло быть. Это было необходимо потому, что почти вся работа по управленію падала на *первое*, медицинское, отдѣленіе; для фармацевтическаго же и ветеринарнаго оставались маленькія крохи ея, какъ вообще, по самому устройству управленія, такъ особенно, впослѣдствіи, по методѣ Рудинскаго, запрягавшаго меня и въ чужія сани. Такъ, еще и при Яновскомъ было, что, ожидая его капризной явки въ управленіе изъ квартиры Добрякова (для чего не имѣлось назначеннаго времени), всѣ давно передѣлали все свое маленькое дѣло и разбрелись по домамъ подъ разными служебными предлогами: фармацевтическій помощникъ въ аптечный магазинъ, ветеринаръ—въ какой-либо конскій лазаретъ, бухгалтеръ—въ интендантство, и всѣ они, уходя, наказываютъ: если-де его п-во спроситъ меня, пожалуйста скажите, что я отправился туда-то по такому-то дѣлу и, конечно, въ этотъ день въ управленіе никто изъ нихъ не возвращался. Если же Яновскій, заставши всѣхъ въ управленіи, бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ, открывавшемся въ квартиру Добрякова, съ кѣмъ-либо и затягивалъ свое торчанье въ управленіи за обычные часы занятій и если я на просьбу томящихся бездѣльемъ сослуживцевъ отвѣчалъ отказомъ, предлагая имъ самимъ доложить инспектору, что у нихъ нѣтъ дѣлъ для доклада ему, и что имъ нужно отлучиться по служебной надобности, то происходило слѣдующее. Товарищъ мой, секретарь-фармацевтъ, не имѣвшій возможности и предлога показывать себя въ нѣтѣхъ, какъ вообще, такъ и въ особенности, когда его начальникъ, фармацевтъ, помощникъ инспектора, находился на лицо, принимался за принесенный съ собою романъ или, чаще впослѣдствіи за французскіе діалоги, держа книгу такъ, чтобы при входѣ Яновскаго удобно было спрятать ее подъ столъ. Французскими діалогами товарищъ занимался потому, что разсчитывалъ жениться на богатой купеческой дочкѣ, въ чемъ впослѣдствіи и успѣлъ на свою гибель. Остальные, томившіеся бездѣльемъ и скукою, а иной разъ и голодомъ, сослуживцы бродили взадъ и впередъ по единственной для канцеляріи комнатѣ, жгли безъ жалости одну папиросу за другою и то-и-дѣло подходили ко мнѣ: да, скоро ли же, вы И. А.? «Подождите, господа, сейчасъ;

одна или двѣ бумаженки осталось». Окончивъ предположенное на этотъ день дѣло, я собиралъ бумаги и шелъ къ инспектору, напутствуемый просьбами: скажите, что у меня нѣтъ бумагъ къ подписи, у меня нѣтъ дѣлъ къ докладу и т. д. Управившись съ Яновскимъ, я говорилъ ему, что по другимъ отдѣленіямъ нѣтъ ни дѣлъ къ докладу, ни бумагъ къ подписи, и что не позволитъ ли онъ чиновникамъ разойтись, потому что уже столько-то часовъ. Обыкновенно такой докладъ я дѣлалъ прежде всего и, получивъ разрѣшеніе, выходилъ тотчасъ же въ канцелярію и объявлялъ, что, господа, можете-молъ расходиться, окружный инспекторъ не имѣетъ на этотъ день въ васъ надобности. И все моментально разлеталось, исключая иногда тѣхъ, кому Яновскій не давалъ разрѣшенія, желая съ ними поговорить. Эти оставались съ кислѣйшею гримасою. Явно, значитъ, было для всѣхъ, что дѣла у меня много, что управляться съ нимъ было для меня трудно, если я, не для удовольствія же своего, запрягъ себя съ писарями въ вечернія занятія. Однако, по спеціальной тупости, которую я считаю свойственною исключительно врачамъ, украшающимъ себя, какъ фальбалой, комическою гуманностью, я потерпѣлъ непріятность за эти занятія отъ добрѣйшаго Добрякова. Писарямъ, конечно, было не понутру, что ихъ я заставилъ работать по вечерамъ, чего не было ни въ одномъ изъ окружныхъ управленій, и писаря пожаловались на меня Добрякову, бывшему помощникомъ, но исправлявшему должность инспектора, въ ожиданіи Рудинскаго, который былъ уже назначенъ. По своей дешевой добротѣ, Добряковъ вступился за писарей и напалъ на меня. «Писаря жалуются, что вы изнуряете ихъ работой, назначили самовольно вечернія занятія!»—А развѣ они на меня или за меня работаютъ, а не вмѣстѣ со мною?—Все равно, я этого дозволить не могу.»—И не дозволяйте, если это вамъ угодно. Но, я удивляюсь, какъ вы, служившій секретаремъ и теперь помощникомъ инспектора въ управленіи, не понимаете, въ какомъ безпорядкѣ у васъ находится дѣлопроизводство. Я не говорю уже о томъ, какъ это затрудняетъ службу и въ какое положеніе можетъ поставить насъ предъ новымъ начальникомъ, котораго мы не знаемъ. Возможна вѣдь и ревизія управленія. Кто тогда возьметъ на себя отвѣтственность за безпорядокъ, не вы ли? Если такъ, то для меня безразлично: я буду работать столько же, сколько и другіе, и писаря не будутъ изнуряться.—«Но вѣдь у насъ нѣтъ средствъ, какъ въ другихъ управленіяхъ».—Это не оправданіе; у насъ могутъ спросить, почему же мы молчали, не просили этихъ средствъ?—Мое предсказаніе о ревизіи дѣлопроизводства исполнилось вскорѣ послѣ увеличенія штата въ управленіи, но она не была уже мнѣ опасна. Производившій канцелярскій

смотръ генералъ самъ немного смыслилъ въ этомъ дѣлѣ и былъ доволенъ, что, выкликая по входящимъ и исходящимъ журналамъ бумаги, тотчасъ же слышалъ отъ меня, отвѣчавшаго по настольному реэстру: здѣсь, то-есть, дѣло номеръ такой-то, страница такая-то.

При очевидной для всякаго недостаточности средствъ у нашей канцеляріи входить въ Окружной Совѣтъ съ докладомъ объ увеличеніи ихъ было рискованно. Начальники другихъ отдѣловъ, довольные составомъ своихъ канцелярій и имѣя возможность пополнять его прикомандировкою чиновниковъ и писарей изъ подвѣдомственныхъ заведеній, могли отнестись несочувственно къ нашей нуждѣ, какъ потому, что не видѣли надобности и въ самомъ нашемъ управленіи, такъ и потому, что могли припомнить причиненныяимъ въ Совѣтѣ Яновскимъ непріятности и отплатить за нихъ. Чтобы задуманное дѣло не провалилось, я обставилъ его такъ. Отъ инспектора разосланы были по всѣмъ управленіямъ запросы о доставленіи по встрѣтившейся надобности свѣдѣній о томъ, сколько въ истекшемъ году было входящихъ и исходящихъ бумагъ, сколько къ текущему году состояло сверхштатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и писарей, прикомандированныхъ, и осталось ли что либо отъ канцелярской суммы за всѣми въ годъ расходами. Свѣдѣнія были получены, и по нимъ оказалось, что, напр., въ окружномъ штабѣ, на каждаго писаря приходилось по одной съ дробью бумагѣ въ день, тогда какъ въ нашемъ управленіи почти по двадцати, и изъ канцелярскихъ суммъ у всѣхъ оказались остатки. Съ такимъ матеріаломъ уже можно было идти въ Совѣтъ съ докладомъ объ увеличеніи штата, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Еще заботой моей было добыть управленію сколько нибудь сносное помѣщеніе, что̀ отчасти требовалось и моими личными интересами. Женившись и ожидая увеличенія семейства, я не могъ уже обходиться тремя маленькими и неудобно-расположенными комнатками, при томъ грязными и кишѣвшими тараканами, которыхъ развели жившіе около меня писаря. Квартира моя далеко не стоила тѣхъ квартирныхъ денегъ, которыя мнѣ, наконецъ, были разрѣшены; я не прочь былъ уйти на вольную квартиру, но это встрѣчало большія служебныя затрудненія для меня и не находило согласія у Рудинскаго. Не безъ труда удалось мнѣ добиться увеличенія квартирнаго отпуска для управленія почти вдвое. Управленіе перешло на Волконку въ домъ Воейковой, гдѣ размѣстилось гораздо просторнѣе прежняго, и гдѣ для меня оказалась порядочная квартира.

Отыскивая для управленія новую квартиру, что̀ было въ 1870 году, я натолкнулся на курьезный случай. Не смотря на лѣто, свободныхъ квартиръ въ городѣ оказалось чрезвычайно мало, и онѣ сильно подня-

лись въ цѣнѣ. Московскіе домовладѣльцы только что проснулись, проспавши увеличеніе городскаго населенія, начавшееся съ крестьянской реформы и сильно шедшее въ гору съ постройкою желѣзныхъ дорогъ, въ узлѣ которыхъ оказалась Москва. Москвичи не замѣчали, что давно въ гостиницахъ и номерахъ стало трудно находить помѣщеніе пріѣзжимъ, и цѣны на комнаты поднимались. Домовладѣльцевъ разбудила только ожидавшаяся въ Москвѣ первая выставка; они вскочили съ жадностью наживы и точно осатанѣли. Исходивъ, въ поискахъ за квартирой, изъ конца въ конецъ почти всю центральную Москву, я наталкивался на забавныя сцены. Домовладѣльцы уже не спрашивали, какую и для чего нужно квартиру, а въ какую цѣну, точно квартира калачъ или печенка, которую можно отрѣзать на грошъ или на копѣйку. Какъ теперь было, помню на Поварской домовладѣльца С.... или что-то въ этомъ родѣ, на домѣ котораго я увидѣлъ записку объ отдачѣ квартиры. Войдя во дворъ, я встрѣтилъ самого домовладѣльца, ругавшагося съ плотниками, которые надстраивали надъ погребами и конюшнями жилое помѣщеніе. «Вамъ квартиру? Въ какую цѣну? Вотъ у меня скоро будетъ готова!» — А какъ вы продаете квартиры? спрашиваю я. Отрѣзываете и отвѣшиваете ихъ на пятакъ и на грошъ? Домовладѣлецъ вламывается въ амбицію.

Наталкивался я на досчатые сараи, которые оштукатуривались и превращались въ жилыя помѣщенія; знаю много домовъ, которые, въ два этажа, строились изъ барочнаго лѣсу въ одинъ-два мѣсяца, тотчасъ же по постройкѣ, когда не выведена была еще и крыша, оштукатуривались и, не готовые еще, сдавались.

Возникшая строительная горячка тотчасъ же перешла въ спекуляцію домами. Дома росли, какъ грибы, немедленно закладывались въ банкахъ, на ссуду строились новые, эти также закладывались гдѣ нибудь, продавались, и въ результатѣ оказалось для иныхъ разореніе, для другихъ барышъ.

Похожая горячка въ то время существовала въ медицинскомъ мірѣ вообще или въ военномъ въ особенности. Развивавшаяся медицинская дѣятельность въ земствѣ увлекала туда врачей даже и изъ военной службы, что́ было и понятно. Полторы тысячи рублей, которые тогда обыкновенно платило земство врачу, въ военной службѣ получалъ только дивизіонный врачъ, и то прослужившій не менѣе двадцати лѣтъ. Земскому врачу, кромѣ того, улыбались доходы отъ практики, хотя и обязательной, слѣдовательно долженствующей быть безплатною въ своемъ участкѣ, но тѣмъ не менѣе приносившей и теперь приносящей выгоды не только у помѣщиковъ и вообще у состоятельныхъ людей, но и у крестьянъ не бѣдныхъ. Каждому важно,

чтобы врачъ *постарался* около больного, и это стараніе нужно такъ или иначе купить у врача: таковы наши обычаи. Кромѣ того многихъ военныхъ врачей толкало въ земство ихъ положеніе приниженное и безправное между двойною властію, вооруженною дисциплинарнымъ оружіемъ. Тяжело, да пожалуй и противно вспоминать, какъ иногда третировался военный врачъ. Для доказательства или иллюстраціи слѣдуетъ однако привести примѣръ-другой. Гильденштуббе, осматривая въ Рязани лазаретъ, остался недоволенъ внѣшнимъ его состояніемъ и раскричался на врача. Этотъ сталъ оправдывать себя (а Гильденштуббе этого не переносилъ) тѣмъ, что недостатки и неисправности зависятъ не отъ него, а отъ командира, которому о нихъ было неоднократно докладовано и доносимо. «Вотъ не угодно ли взглянуть, в.-в-ство, заключаетъ врачъ, предъ самыми окнами лазарета сваливается навозъ». Гильденштуббе взглянулъ, и еще сильнѣе напустился на врача, почему такой безпорядокъ? Врачъ возражаетъ, что не его дѣло убирать навозъ и грязь со двора. Гильденштуббе вышелъ совершенно изъ себя. «Такъ я *тебя* заставлю убрать эту кучу *твоими* руками», закричалъ и затопалъ ногами генералъ. Здѣсь впрочемъ, какъ вездѣ почти, когда Гильденштуббе на кого либо набрасывался, были особыя причины неудовольствія.

Не мягче относились къ врачамъ и менѣе крупные генералы. Случилась командировка изъ округа врача куда-то на край свѣта съ перспективою застрять тамъ навсегда; управленіе вызывало желающихъ, но ихъ не оказалось. Тогда стали выбирать между молодыми и одинокими, но назначаемые немедленно подавали въ отставку, такъ что можно было цѣлый округъ оставить безъ врачей. Пришлось принести въ жертву службѣ такого, который, какъ обязанный службою за казенную стипендію, не могъ подать въ отставку, и секретно писать медицинскому его начальству, чтобы оно не допускало какого либо отлыниванія отъ командировки со стороны назначеннаго, напр., подачей рапорта о болѣзни. Младшихъ врачей съ обязательною службою оказалось нѣсколько, но изъ нихъ нуженъ былъ такой, которому обязательной службы оставалось не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ, потому что самое путешествіе съ командою продолжалось около года. Для выбора жертвы не было иныхъ признаковъ, кромѣ этого и еще безсемейности. Отобравъ всѣхъ удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, я подвергъ ихъ жеребьевкѣ: написалъ фамиліи на отдѣльныхъ бумажкахъ, свернулъ послѣднія и положилъ въ фуражку, попросивъ кого-то вынуть. Вышла фамилія, помнится, Мельникова, и, какъ, неизвѣстно почему, бываетъ обыкновенно, жребій палъ на самаго смирнаго, безотвѣтнаго.

Удрученный своимъ назначеніемъ, врачъ, проѣздомъ чрезъ Москву, находитъ нужнымъ заглянуть въ Управленіе не безъ намѣренія пожаловаться на меня, какъ виновника его злосчастія, и не безъ надежды какъ нибудь избавиться отъ постигшей его бѣды, но зашелъ туда слишкомъ рано. Въ ожиданіи времени, когда въ Управленіи можно застать инспектора, онъ пошелъ посидѣть на находившійся по близости Тверской бульваръ, гдѣ сѣлъ на лавочку и сталъ думать свою горькую думу. Въ это время, дѣлавшій свою утреннюю прогулку на бульварѣ, генералъ Х. (онъ еще, кажется, здравствуетъ), проходитъ мимо сидящаго уткнувши носъ въ землю, и горюющаго врача разъ, проходитъ другой, тотъ все сидитъ въ томъ положеніи, не замѣчая бросающаго на него грозные взгляды генерала. Наконецъ, этотъ не выдержалъ и подошелъ къ сидѣвшему уткнувши носъ врачу. Увидѣвъ предъ собою генеральскія ноги съ лампасами, врачъ поднялъ глаза, увидѣлъ незнакомаго генерала и машинально всталъ.

«Почему вы, когда я, генералъ, прохожу мимо васъ нѣсколько разъ, сидите и не отдаете мнѣ чести?»

— Я, в-ство, васъ не замѣтилъ,—отвѣчаетъ, запинаясь, оробѣвшій врачъ.

«Вотъ и теперь вы отвѣчаете, стоя раскарякой и не приложивши руки къ козырьку. Какъ ваша фамилія, какой вы части?»

Несчастный врачъ отвѣчаетъ, тоже не догадавшись поправиться и откозырять.

«Ступайте къ медицинскому инспектору и скажите ему, что я, такой-то генералъ, арестовалъ васъ на недѣлю за неотданіе мнѣ чести!»

Съ этой новою бѣдою, забывши о старой, приходитъ врачъ въ Управленіе и застаетъ только меня. Выслушавши его, я говорю: медицинскій инспекторъ хотя и обязанъ, но теперь не можетъ исполнить законнаго требованія генерала Х. Изъ-за вашего ареста будетъ задержана команда, которую вы сопровождаете, и подвергнется измѣненію уже утвержденный ея маршрутъ. Медицинскій инспекторъ можетъ сдѣлать только то, что напишетъ, куда слѣдуетъ, чтобы васъ выдержали подъ арестомъ по прибытіи на мѣсто. Но этого не будетъ; довольно съ васъ и того, что выпало вамъ по волѣ судебъ. (Я, конечно, не сказалъ ему про выпавшій ему жребій). Поѣзжайте съ Богомъ и не тревожьтесь этою исторіею. Я беру все на себя и, если вы не вѣрите моему слову, то дамъ вамъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что приказаніе генерала Х вы исполнили. Врачъ, не являясь къ инспектору, уѣхалъ въ командировку, даже съ нѣсколько облегченной душой. Такъ иногда легонькая боль отъ горчишника облегчаетъ другую болѣе тяжелую. Я разсказалъ инспектору этотъ случай

въ подробности, не скрывая ничего и о себѣ, и получилъ одобреніе. Это случилось еще при Яновскомъ и въ то время, когда онъ находился въ явной немилости у Гильденштуббе.

Относительно отданія чести врачи поставлены были нашими обычными порядками въ какое-то одностороннее, комическое положеніе. Когда вышелъ законъ, обязывающій, по Прусскимъ порядкамъ, военныхъ отдавать при встрѣчѣ другъ-другу честь, причемъ низшій по чину долженъ былъ предупреждать высшаго, прапорщикъ не признавалъ нужнымъ отдавать ее, встрѣчаясь съ врачемъ даже въ генеральскомъ чинѣ. Даже нижніе чины поголовно обязанные отдавать честь всѣмъ безъ исключенія военнымъ врачамъ, не только рѣдко исполняли это, но нѣкоторые изъ игривыхъ, которыхъ много встрѣчалось между юнкерами и вольноопредѣляющимися, дѣлали изъ этого закона для себя мальчишескую забаву, которой я неоднократно подвергался. Зная, что на сдѣланную мнѣ честь, я обязанъ отвѣчать тѣмъ же по формѣ, я спѣшилъ приложить руку къ козырьку, видя, что встрѣтившійся мнѣ юнкеръ срывается своею правою рукою кверху; но оказывалось, что она не доходила до козырька фуражки, а останавливалась по дорогѣ у носа, въ которомъ и начинала ковырять. Вотъ, значитъ, и была честь, предназначенная имъ врачу. Винюсь, что въ иныхъ подобныхъ случаяхъ я останавливалъ скудоумнаго на счетъ своихъ законныхъ обязанностей юношу, которому впереди можетъ быть предстоялъ крупный генеральскій чинъ, и разъяснялъ ему всю глупую безразсудность и служебную гнусность его поступка со мною, указывая, что въ силу существующихъ законовъ его спасетъ отъ наказанія не только по дисциплинарному уставу, но и по военному-уголовному, и закроетъ отъ меня только тотъ начальникъ его, который не уважаетъ закона. Такое внушеніе обыкновенно производило дѣйствіе нагоняемымъ страхомъ, но не знаю, приносило ли какой либо духовный плодъ.

Вообще изъ всего этого выходитъ то, что требованіе отъ врача военной выправки и военнаго чинопочитанія по фронтовому уставу принимало характеръ простой придирки, что̀ ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать привитію къ врачамъ военныхъ порядковъ, и врачи дѣйствительно туго усвоивали ихъ на свое горе.

Иногда эти требованія принимали прямо характеръ глумленія надъ врачемъ и ложились на душу тяжкою, трудно переносимою обидой. Такъ, напр., по старому (не знаю, какъ теперь) порядку врачъ долженъ былъ, при слѣдованіи обоза на церемоніальномъ маршѣ, находиться у задняго колеса лазаретной повозки. Ну, и отъ чего же не пройти нѣсколько сотенъ шаговъ, придерживаясь колеса, когда обозъ

двигается шагомъ? Но нѣкоторые изъ крупныхъ начальниковъ, дѣлавшихъ смотръ, пускали лазаретный обозъ рысью и въ карьеръ, и врачъ бѣжалъ за нимъ, какъ собака, высуня языкъ. Къ чему это? Выѣздку и качество казенныхъ лошадей, положимъ, нужно знать военному начальнику, но *крѣпость мясовъ* врача и его скороходный аллюръ на что́ могли пригодиться военачальнику?

Все это вмѣстѣ взятое, не смотря на существовавшее спеціально для подготовки военныхъ врачей заведеніе (Академію) и массу казенныхъ стипендій на медицинскихъ факультетахъ, оставляло въ арміи сотни незанятыхъ врачами должностей. Предстоявшая военная реформа, потребовавшая и на мирное время, бо́льшаго противъ существовавшихъ штатовъ числа врачей, осложняла дѣло. И вотъ почему, позаимствовавши у другихъ всеобщую воинскую повинность, мы относительно отбыванія ея врачами, не взяли образца ни съ Германіи, гдѣ врачъ отбываетъ ее во фронтѣ, ни во Франціи, гдѣ онъ отбываетъ повинность эту въ лазаретахъ, а освободили врача отъ всякой обязательной службы въ арміи въ мирное время, а въ военное привлекаемъ только къ медицинской. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы свободой отъ фактической воинской повинности привлечь какъ можно болѣе народу къ медицинской профессіи, а не ослабить еще болѣе охоту къ ней. Въ дѣйствительности, однако, и льготой для врачей по отбыванію воинской повинности и земской медициной достигнуто было немного: за тридцать лѣтъ число врачей у насъ почти и не удвоилось, не смотря на увеличившуюся за это время численность населенія государства. Да и самое увеличеніе числа врачей, главнымъ образомъ, получилось на счетъ Евреевъ изъ-за ненавистной для нихъ военной службы. Туго двигавшійся, не смотря на означенныя благопріятныя условія, приростъ врачей былъ, между прочимъ, однимъ изъ поводовъ и основаній къ открытію у насъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Открытые военнымъ вѣдомствомъ, курсы эти имѣли назначеніе женщинами-врачами вытѣснять мужчинъ-врачей изъ земской и иной врачебной службы и толкать въ военную. Женщины-врачи понадобились и на то, чтобы при недостаточномъ числѣ мужчинъ-врачей, было кѣмъ замѣнить послѣднихъ въ гражданскомъ населеніи во время службы ихъ, на войнѣ, въ арміи. Впослѣдствіи, когда ежегодно увеличивающійся *запасъ* врачей достигъ достаточнаго числа ихъ, былъ уничтоженъ ранѣе существовавшій *резервъ* врачей, формировавшійся въ военномъ вѣдомствѣ изъ служащихъ въ другихъ и вольнопрактикующихъ, не подпавшихъ военной повинности. Затѣмъ, когда военное вѣдомство почувствовало себя обезпеченнымъ вполнѣ запасомъ врачей, оно нашло для себя излишними расходы на женскіе врачебные курсы, и они были закрыты.

Конкурируя съ земствомъ въ привлеченіи врачей къ себѣ на службу въ мирное время, военное вѣдомство прибѣгло къ слѣдующимъ двумъ (главнѣйшимъ) мѣрамъ. Во-первыхъ, оно увеличило содержаніе своихъ врачей, но сдѣлало это первоначально только для высшихъ должностей, оставивъ надолго низшія при прежнихъ окладахъ, почему мѣра эта и не приносила ожидавшейся отъ нея пользы. Другою мѣрою было широкое предоставленіе военнымъ врачамъ возможности получать, за казенный счетъ, докторскую степень, которая по дѣйствующему закону даетъ право и открываетъ дорогу на высшія должности. Этою возможностью военные врачи и воспользовались широко, но военное вѣдомство ничего отъ этого не выиграло. Переполнившись докторами медицины настолько, что не знало, куда ихъ дѣвать, оно достигло только того, что наиболѣе талантливые и предпріимчивые изъ нихъ, не желая по десятку лѣтъ корпѣть въ жалкомъ положеніи баталіоннаго врача, бросились вонъ изъ военной службы на высшія земскія и административныя должности (старшихъ врачей земскихъ больницъ, врачебныхъ инспекторовъ и т. д.), дорогу къ которымъ открывалъ имъ дипломъ съ нагруднымъ академическимъ значкомъ, въ то время введеннымъ.

Однако, обязанность безпристрастнаго историка требуетъ отъ меня сказать, что послѣднее, хотя и не по своей винѣ, но достигло желаемаго. Висѣвшія ранѣе въ Главномъ Медицинскомъ Управленіи объявленія о свободныхъ вакансіяхъ исчезли, и въ военную службу поступить врачу стало также трудно, какъ и въ настоящее время въ думскую и иную. Вызванныхъ искусственно къ медицинской профессіи оказалось слишкомъ много, а избираемыхъ на службу—слишкомъ мало.

Такое положеніе дѣлу соорудила земская и думская городская медицина.

Такъ стоитъ дѣло теперь, но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ недостатокъ врачей вызывалъ, кромѣ мѣръ къ ихъ размноженію, еще и мѣры къ увеличенію числа и къ улучшенію состава фельдшеровъ. Стали возникать и въ земствахъ и по другимъ вѣдомствамъ фельдшерскія школы, и въ силу необходимости фельдшеръ вопреки закону, получилъ на дѣлѣ право самостоятельной практики. Оказался ли онъ на самомъ дѣлѣ способнымъ къ этому, или по инымъ причинамъ, но въ это время возникъ проектъ о *подлькарях*ъ, чемъ-то среднемъ между врачемъ и фельдшеромъ, выпускаемомъ изъ тѣхъ же фельдшерскихъ школъ, но съ чиномъ и съ правомъ какъ самостоятельной практики, такъ и держанія экзамена на врача послѣ опредѣленныхъ лѣтъ такой практики. Проектъ этотъ появился въ то время, когда наша медицина только что стала выходить изъ своего продолжительнаго застоя и сама

начала учиться у заграничной, потому былъ и прямо вреденъ и опасенъ для будущаго нашей науки у насъ. Но общая пресса, съ радостію приняла этотъ проектъ обѣими руками и облобызала, такъ что моей, написанной противу него статьѣ не удалось достучаться ни въ одну изъ Московскихъ редакцій. Тогда я рѣшился послать мою статью предсѣдателю медицинскаго совѣта. По этой ли причинѣ или по какой иной, проектъ, родившійся въ медицинскомъ департаментѣ, подкинутъ былъ подъ сукно, но чрезъ двадцать лѣтъ вновь появился такимъ же малолѣткомъ, какъ и ранѣе, но подъ названіемъ проекта *о лѣкаряхъ-практикахъ*. Этотъ проектъ, уже безучастно встрѣченный общею прессою, но враждебно-спеціальною, медицинскою, опять спрятался подъ сукно, а чрезъ нѣсколько времени вновь назойливо выглянулъ подъ названіемъ *проекта о лиценціатахъ*. Все это являлось только старыми погудками на новый ладъ.

Въ это же время обратило вниманіе на своихъ фельдшеровъ и военное вѣдомство, да и пора было это сдѣлать. Если положеніе врача было тяжелое, то каково же должно быть положеніе фельдшера, надъ которымъ начальствовалъ не только офицеръ, но и фельдфебель. Низшій, какъ теперь принято выражаться, медицинскій персоналъ въ военномъ вѣдомствѣ состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ слоевъ. Ниже всего стоялъ цирюльникъ 2-го комплекта изъ солдатъ. Выбранные изъ числа большею частію неспособныхъ, къ фронту, но мало-мальски грамотныхъ, солдаты эти поступали подъ команду фельдшеровъ въ лазареты своей части, гдѣ наглядкою, рѣдко совѣтомъ и указаніемъ, а чаще толчкомъ и зуботычиной, они начинялись, считавшимися для нихъ достаточными, врачебными знаніями и получали по экзамену полковаго врача званіе цирюльника 2-го комплекта. При прежней долгой солдатской службѣ, пробывши десятокъ лѣтъ въ этомъ званіи, они повышались до младшаго фельдшера или ученика, а иногда восходили и до ранга старшаго полковаго фельдшера. Цирюльниками 2-го комплекта эти несчастные, во-истину, люди именовались потому, что существовали и цирюльники 1-го комплекта, истинные цирюльники, обязанность которыхъ состояла въ бритьѣ солдатъ, не имѣвшихъ тогда права носить бороды и долженствовавшихъ являться съ чисто-выбритымъ подбородкомъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Эта обязанность создавала для цирюльника источникъ доходовъ. Нечего, конечно, говорить, что цирюльниками 1-го комплекта были почти исключительно одни Евреи. Эти перваго сорта цирюльники играли своего рода почетную роль въ войскѣ. Заслуженныхъ изъ нихъ отличали и награждали выгодными и почетными командировками въ рекрутскія присутствія. Здѣсь, орудуя въ качествѣ спеціалистовъ, они взимали должное и за *лобъ* и за *затылокъ*, чтобы властною рукою не окарнать

парня на посмѣшище бабамъ. Власть этихъ первосортныхъ цирюльниковъ покоилась въ исторической колыбели. Они имѣли право считать себя наслѣдниками тѣхъ *полковыхъ лькарей*, высшая, почетная, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы *бороды брить полковымъ командирамъ и заправлять имъ перруки*. Между первокомплектными и второкомплетными существовала непримиримая вражда.

Съ этимъ родомъ людей я освоился, служа въ полку, и еще ранѣе ознакомился и заинтересовался имъ, когда служилъ въ Гроднѣ госпитальнымъ ординаторомъ. Гродненскій госпиталь былъ укомплектованъ почти фельдшерами исключительно изъ цирюльниковъ. Въ одномъ изъ отдѣленій на 150 мѣстъ, называвшимся слабосильною командою, былъ фельдшеромъ Гумановъ, котораго я ежедневно встрѣчалъ на службѣ пьянымъ. Отдѣленіе это или, правильнѣе, слабосильная команда наполнялась людьми, изнурявшимися въ гоньбѣ за повстанцами. Они требовали не лѣченія, а только отдыха и хорошей пищи. Перваго было достаточно, а вторая улучшалась винными порціями, на которыя начальство не скупилось. Думая, что фельдшеръ обмѣриваетъ солдатъ водкой, которую я выписывалъ для нихъ изъ аптеки, я устроилъ раздачу порцій при посредствѣ выборныхъ изъ самихъ же солдатъ старостъ, но фельдшеръ продолжалъ пьянствовать. Тогда мнѣ пришло на мысль повѣрить въ аптеки свои требованія на водку за нѣсколько дней. Требованія эти писались фельдшеромъ, и мною подписывались,—обычный въ то время порядокъ. При повѣркѣ оказалось, что фельдшеръ римскія цифры употреблявшіяся въ медицинскомъ вѣсѣ, передѣлывалъ въ подписанномъ уже требованіи по усмотрѣнію своему, напр., изъ V дѣлалъ X и т. п., не заботясь даже о тщательности. Аптекарю не было надобности выдавать поддѣлку: чѣмъ больше требовалось, тѣмъ для него выгоднѣе. Узнавши источникъ пьянства для фельдшера, я сталъ уже собственноручно и прописью выставлять количество выписываемаго для больныхъ. Фельдшеръ пересталъ являться пьянымъ, скоро пересталъ и совсѣмъ пить, началъ обнаруживать ко мнѣ нѣкоторую привязанность даже. Вѣроятно, на него подѣйствовало то, что я не только не ругалъ его, но и не выдалъ. Послѣ этого Гумановъ сдѣлался мнѣ помощникомъ въ раскрытіи и устраненіи многихъ вредныхъ для больныхъ мошенничествъ въ госпиталѣ.

Не рѣдко, когда мы налагаемъ свою руку на другого, зависящаго отъ насъ, человѣка, намъ кажется, что мы совершаемъ чуть ли не подвигъ, оказываемъ великую услугу дѣлу, чуть ли ни государству. Въ дѣйствительности же выходитъ, что мы только повредили маленькому человѣку, погубили его, не принося пользы никому, а только потѣшили сами себя.

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ В. В. ГАНКѢ.

Заимствуемъ это письмо изъ перваго выпуска Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета. 1896 года. (Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи Русско-Чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка). Любопытный и обильный матеріалъ этотъ найденъ профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ въ Чешскомъ національномъ музеѣ (Прага) лѣтомъ 1895 года. На этотъ разъ помѣщены лишь письма къ Ганкѣ О. М. Бодянскаго (15), А. С. Хомякова (1), С. М. Соловьева (1), Н. И. Греча (2); всѣ они затрогиваютъ вопросы науки, литературы и жизни Славянской. Приложенныя къ сборнику замѣтки Шафарика о Русской литературѣ, записанныя со словъ Погодина въ 1835 году, показываютъ степень знакомства даровитаго Чешскаго ученаго съ Русской литературой и исторической наукой.

Милостивый государь Вячеславъ Вячеславичъ!

Изъ Оржистовъ *) послалъ я вамъ стихи; писалъ также съ береговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до васъ. Въ этомъ сомнѣніи повторяю то, что́ уже писалъ.

Пріѣхавъ изъ Оржиствъ или, лучше сказать, на дорогѣ сочинилъ я слѣдующую пьесу. Хороша ли, дурна ли—всетаки посылаю ее вамъ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ.... и т. д.

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать; но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Прагскомъ воздухѣ: меня вмѣсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною; я вспоминалъ ваши послѣднія слова объ единствѣ вѣры, безъ котораго нѣтъ полнаго единства въ народахъ, и ни то во снѣ, ни то на яву написалъ слѣдующіе стихи:

---

*) Вѣроятно это—Obrzysko, мѣстечко Познанск. у. на лѣвомъ берегу Варты, въ Пруссіи.

Беззвѣздная полночь дышала прохладой... и т. д.

Послѣ нашего свиданія проѣхалъ я въ короткое время много и много земель, наслушался и наглядѣлся довольно. Вездѣ нашелъ я всесовершенное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, съ которыми срослася наша жизнь. Если бы міръ Славянскій былъ какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изрѣдка оказываемое, есть или чистое лицемѣріе, или слѣдствіе какихъ нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тѣ изъ нашихъ братій, кокорые ищутъ сочувствія внѣ насъ. Съ другой стороны, наука понимаетъ многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуетъ намъ, напр. крестьянской общинѣ въ Россіи и у южныхъ Славянъ. Это понимаютъ Нѣмцы и даже нѣкоторые Французы. Общину Славянскую изучаютъ и пишутъ объ ней, какъ я уже сказалъ, съ завистью; но зависть—не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашелъ я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей Церкви. Трудно повѣрить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Вѣрьте мнѣ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвѣчаютъ ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ Славянской души. Одно уходитъ въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнѣ кажется, мой сонъ будетъ когда нибудь не сномъ. Дай Богъ поскорѣе. Покуда скажу я, что отраднѣйшимъ днемъ моего путешествія былъ день въ Прагѣ, и что вашъ привѣтъ и ласки почтеннаго Шафарика мнѣ отогрѣли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить васъ и благословлять за вашу любовь къ доброму дѣлу. Примите увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которымп честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Берлинъ.

*

Изъ письма видно, что оба стихотворенія написаны почти безъ перерыва, между тѣмъ въ „Стихотвореніяхъ А. С. Хомякова“ Москва 1861 г., второе помѣчено 1847 годомъ, а первое отнесено (предположительно) къ 1852.

ПИСЬМО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Sire!

Je mets aux pieds de Votre Majesté Impériale mon obéissance et ma soumission envers elle, et en même temps ma douleur. La circonstance où je me trouve agite tous les sentimens dans mon âme. Vos bontés, Sire, m'ont retenu au service. Vous m' avez ordonné de garder ma place dans le moment le plus douloureux de ma vie, où tout m'inspirait l'idée, je dirai même, le devoir de la retraite. Vous m'ordonnâtes de rester, et je m'empressais d'obéir à mon souverain, au fils cheri de mon bienfaiteur, avec une soumission entière. Je respectais en silence vos ordres suprêmes, Sire, et privé de toutes les fonctions qui appartiennent à ma place, je ne me permettais pas même aucune prétention quelconque à leur égard; et certainement je ne les réclame pas, parce que je me dis que telle est votre volonté. Mais à présent le devoir le plus sacré à l'homme, l'honneur, me fait un devoir et me reduit à la nécessité d'oser vous soumettre mes respectueuses représentations.

Il est des règles de pure forme, consacrées par la loi et l'usage, établies, maintenues, observées dans tous les pays et dans toutes les cours, que tous les individus constituants le ministère concourrent également à la formation et à la signature de tous les actes publics, émanés de la volonté du souverain et revetus de sa confirmation, et n'y sont jamais séparés à moins de raisons très graves contre celui qui en est exclu. J'osais me flatter qu'elles seraient toujours observées vis-à-vis-de moi, et je vois le contraire. Il est sans exemple, Sire, que le vice-chancelier de votre Empire, que celui qui par son ancienteté est le premier dans votre ministère, soit exclu des négociations et puisse ne pas être nommé dans vos pleins-pouvoirs pour conclure et signer les traités. Mon exclusion de celui qui vient d'être conduit à sa fin avec l'Angleterre porte le caractère d'une disgrace complète et du peu de confiance de Votre Majesté envers moi, et me couvre de honte et

d'humiliation non seulement devant ma patrie, mais aussi aux yeux de toute l'Europe. Je le sens autant que je le dois; et ce sentiment, qui me remplit si douloureusement, je n'hésite pas à Vous le faire connaître, Sire; parce que je connais l'extrême bonté, la loyauté et les rares vertus de votre coeur et par ce que je suis persuadé que vous n'avez pu vouloir me rendre malheureux. J'ose m'adresser à Votre Majesté comme au meilleur des souverains, qui est bon et juste dans toutes ses actions, qui ne cherche qu'à faire des heureux, et qui certainement ne voudra pas s'éloigner de sa clémence et de ses principes pour m'humilier moi seul, tandis que me connaissant depuis si longtems elle peut apprécier si bien mon zèle et mon devouement pour sa personne et pour son service. Lui en donner des preuves constantes et voir que celles-là seront toujours agrées pas elle avec bonté est tout ce que je désire.

Après m'être acquitté de ce devoir de sincérité que j'avais à remplir vis-à-vis de Votre Majesté Impériale, je me borne à me placer sous sa protection immédiate et à en attendre les effets, qui doivent conserver mon honneur et ma tranquillité et me rendre aux moyens de la servir autant que j'ai à le souhaiter.

Ma fidelité envers feu l'Empereur votre père doit, Sire, vous garantir celle que je vous ai jurée, et qui m'accompagnera jusqu'au tombeau de même que le profond respect et l'attachement inviolable avec lesquels je suis, Sire, de votre Majesté Impériale le fidèle sujet le prince Alexandre Kourakine.

le 9 de Juin 1801.

Государь! Повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою покорность и повиновеніе, а въ тоже время мою скорбь. Всѣ чувства души моей взволнованы обстоятельствомъ, въ которомъ я нахожусь. Милость ваша, Государь, удержала меня въ службѣ. Въ самую скорбную минуту жизни моей, когда все побуждало меня (скажу даже, обязывало) уйти въ отставку, вы мнѣ приказали оставаться на моемъ мѣстѣ. Таково было ваше повелѣніе, и я усердствовалъ съ полною покорностью повиноваться моему Государю, возлюбленному сыну моего благодѣтеля. Въ тишинѣ сердца одѣнивалъ я, Государь, верховную вашу волю и хотя лишенъ былъ всякаго участія въ дѣлахъ по моему мѣсту, но не-позволялъ себѣ малѣйшаго притязанія по сей части, и конечно не жалуюсь, говоря себѣ, что такъ вамъ угодно. Но теперь священнѣйшая для человѣка обязанность, честь, вынуждаетъ меня къ смѣлости изложить вамъ мои почтительныя представленія. Существуютъ правила, вполнѣ внѣшнія, но освященныя закономъ и обычаемъ, установленныя, содержимыя и наблюдаемыя во всѣхъ странахъ и при

всѣхъ дворахъ, чтобы лица, входящія въ составъ министерства, принимали одинаковое участіе въ начертаніи и въ подписи всѣхъ государственныхъ бумагъ, исходящихъ отъ воли Государя и снабженныхъ его утвержденіемъ. Эти лица никогда не устраняются отъ сего, развѣ по какимъ либо очень важнымъ противъ нихъ соображеніямъ. Я осмѣливался льстить себя увѣренностью, что я не могу быть въ числѣ устраняемыхъ и вижу теперь противное. Вице-канцлеръ вашей Имперіи, по службѣ старшій въ вашемъ министерствѣ, не допускается до переговоровъ и не снабженъ вашимъ полномочіемъ для заключенія и подписанія трактатовъ. Это, Государь, безпримѣрно. Я не допущенъ къ участію въ приводимомъ къ окончанію трактатѣ съ Англіею, какъ будто я въ совершенной у васъ немилости и вы не имѣете ко мнѣ достаточно довѣрія. Это для меня стыдъ и уничиженіе не только передъ моимъ отечествомъ, но передъ всей Европою. Я не долженъ иначе относиться къ тому, а я спѣшу донести до свѣдѣнія вашего, Государь, про это скорбное наполняющее меня чувство, потому что мнѣ извѣстны чрезвычайная доброта, любовь къ законности и рѣдкія качества вашего сердца, и я убѣжденъ, что вы не могли желать моего несчастія. Осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Величеству, какъ лучшему изъ государей, доброму и справедливому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, нежелающему кого либо сдѣлать несчастнымъ и конечно неспособному уклониться отъ своего милосердія и своихъ правилъ для того, чтобы обидѣть только меня одного, тогда какъ съ давняго времени можетъ цѣнить мое усердіе и приверженность къ нему лично и къ его службѣ. Постоянно это доказывать ему и знать про милостивое его одобреніе: вотъ все чего я желаю. Исполнивъ этотъ долгъ искренности относительно Вашего Императорскаго Величества, предаю себя непосредственному покровительству вашему къ сохраненію моей чести и спокойствія и къ преподанію мнѣ способа служить вамъ, какъ я того желаю. Вѣрность моя покойному вашему родителю должна служить вамъ, Государь, ручательствомъ той, на которую я вамъ присягнулъ и которую сохранитъ до гроба, равно какъ и глубокое почтеніе съ ненарушимою приверженностью Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный князь Александръ Куракинъ. 9 Іюня 1801 года.

*

За сообщеніе письма этого мы обязаны князю Ѳедору Алексѣевичу Куракину. Оно писано въ первые мѣсяцы царствованія Александра Павловича, когда всѣ дѣла по нашимъ внѣшимъ сношеніямъ забралъ въ свои руки графъ Никита Петровичъ Панинъ, не допускавшій для себя совмѣстничества. Это письмо важно, такъ какъ оно возбудило подозрѣніе Государя противъ графа Панина, отставка котораго, имъ самимъ себѣ подготовленная, состоялась въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПАРТИЗАНА СЕСЛАВИНА.

Кому изъ Русскихъ людей не извѣстно имя партизана Александра Никитича Сеславина *), героя Отечественной войны, который своевременнымъ увѣдомленіемъ главнокомандующаго князя Голенищева-Кутузова о намѣреніи Наполеона двинуть свои отступающія войска на Калугу далъ возможность предупредить Французовъ подъ Малоярославцемъ и отбросить ихъ къ Смоленску, т. е. на путь голоднаго отступленія?

Полной біографіи его нѣтъ. Личныя бумаги А. Н. Сеславина и документы погибли для потомства: корабль, на которомъ онъ ѣхалъ въ Англію потерпѣлъ крушеніе, и всѣ вещи партизана были выброшены въ море.

Представленныя въ наше распоряженіе внукомъ партизана Дмитр. Никол. Сеславинымъ письма его ближайшимъ родственникамъ дополняютъ собою біографическія данныя о Сеславинѣ и освѣщаютъ именно то время, которое онъ провелъ послѣ войны за границей, а также и послѣдніе годы его жизни, которые онъ провелъ въ своемъ имѣніи Тверской губ., Ржевскаго уѣзда.

Первыя четыре письма писаны къ родному брату партизана, Николаю Никитичу Сеславину; пятое письмо—къ женѣ брата, Софіи Павловнѣ; шестое—къ мужу родной племянницы, Николаю Александровичу Огареву и послѣднія три письма къ племянницѣ Маріи Николаевнѣ Огаревой.

I.

Здравствуй Николаша!

Проѣхавъ всю Францію отъ одного конца до другаго, наконецъ прибылъ въ Баррежъ, что въ Пиринейскихъ горахъ, на границѣ Испаніи, и пользуюсь водами. Здѣсь я получилъ письмо твое, въ которомъ извѣщаешь меня, что ты уже отецъ. Слѣдовательно я—родной дядя. Я обрадовался до того, что, таскаясь по вершинамъ ужаснѣйшихъ горъ, не выпускаю письма изъ рукъ, читаю его и перечитываю безпрестанно. Какъ ты счастливъ Николаша! Никогда не имѣлъ столь силь-

*) А. Н. Сеславинъ, род. въ 1779 году, скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ 1858 г. П. Б.

наго желанія жениться, какъ теперь. Я никогда не сумнѣвался въ воздержной твоей жизни, да и кто же лучше можетъ знать о томъ, какъ не я. Да правду-ли ты говоришь? Ты описываешь, что чрезъ девять мѣсяцевъ ровно Соничка родила; это наводитъ меня на сумнѣніе. Ежели это истинно, то я долженъ надѣяться, что моя жена будетъ рожать чрезъ четыре съ половиною мѣсяца.

Ты пишешь, что не надѣялся получить письма отъ меня. Почему это? Мы можемъ ссориться и мириться также скоро, какъ бывало мы дрались за одѣяло.

Я вспыльчивъ, но не золъ; ты добръ и хладнокровенъ, и сего довольно, чтобъ умѣрить мою вспыльчивость и утишить строптивость. 20 лѣтъ взаимной дружбы можетъ предохранить насъ отъ несчастія быть во враждѣ; за облачка-же, которыя могутъ иногда находить, не ручаюсь.

Боюсь, что Сергѣй тебя обезпокоитъ.

Здѣсь военный комисаръ довольно значущая особа, сходствуетъ съ тобою какъ двѣ капли воды: тотъ-же кривой носъ и тѣ-же кривыя ноги; та-же походка, та-же честность и то-же благородство въ поступкахъ. Первый разъ когда я его увидѣлъ, остановился вдругъ, долго смотрѣлъ на него, родились въ головѣ моей разныя мысли, вспомнилъ о нашей юности, и слезы покатились невольно изъ глазъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ когда его вижу, ощущаю томное и сладостное удовольствіе.

90 ваннъ уже взялъ; взявши еще 10, отправлюсь осмотрѣть остальныя провинціи южной Франціи. Потомъ въ Швейцарію, а зиму проведу въ Италіи по совѣту докторовъ, дабы предупредить дурныя послѣдствія отъ сильнаго кровохарканья.

Божественная Софинька!

Завидую, поистинѣ завидую Николаю! Если я буду имѣть супругою подобную вамъ, почту себя наисчастливѣйшимъ!

Чувствую необходимость имѣть друга и всегдашняго товарища. Повсюду отдаютъ должную справедливость моимъ заслугамъ; правда, это льститъ моему самолюбію, но ощущаю всегда пустоту въ себѣ. Чтобъ не истребилась память дѣлъ моихъ, надо жениться, родить сына, которому передавъ мои дѣла я не умру, я буду жить въ немъ. Папинькѣ, маминькѣ и милой Катинькѣ прошу кланяться. Богъ съ вами! Вашъ другъ и братъ Александръ.

18 Августа 1817
Баррежъ.

P. S. Пиши чаще и посылай письма по прежнему чрезъ Габбе, который будетъ пересылать оныя къ Воронцову во Францію, а отъ Воронцова я буду получать, хотя бы я былъ въ Италіи.

II.

Лозанна въ Швейцаріи, Октября 1-го.

Здравствуй Николаша!

. . . Единственное мое желаніе, которое питаю въ груди моей, есть чтобъ возвратиться въ отечество и успокоиться подъ отцовскою крышкою.

Поведеніе *** меня крайне оскорбило, тѣмъ болѣе, что ты не пишешь въ чемъ именно состоятъ его поступки, ибо ты меня лишилъ чрезъ то возможности писать къ Государю и просить, чтобъ онъ приказалъ его судить за его дурные поступки и за то, что обманулъ Государя, сказавшись больнымъ вышелъ въ отставку, не заслужа то попеченіе правительства и то благодѣяніе, которое оказано ему воспитаніемъ въ корпусѣ.

Напиши ему, что если онъ не вступитъ по прежнему въ службу, я буду просить Государя отдать его подъ судъ и ежели оный найдетъ нужнымъ, лишить его чиновъ и опредѣлить на службу солдатомъ. Онъ думаетъ, что въ отставкѣ можно дѣлать зло, напомни ему прежде, что было со старшимъ братомъ; я не потерплю, чтобъ и онъ смѣлъ марать доброе имя нашей фамиліи, которое мы пріобрѣли кровію нашею, и старшій братъ, который, сдѣлавъ фамиліи пятно, успѣлъ смыть оное кровію своею и самою жизнью.

Ежели я заслужилъ у Государя довѣренность, употреблю ее на то, чтобъ онъ не былъ безполезнымъ и вреднымъ членомъ государства и презрительнымъ бродягою; поспѣши увѣдомить меня о его рѣшеніи. Твой братъ Александръ.

III.

Ничего не осталось во Франціи, чего бы я не видѣлъ. Изъ Барежа отправился я въ Тулузу, дабы оттуда пуститься по каналу, который Французы почитаютъ чудомъ; онъ соединяетъ Средиземное море съ Океаномъ. Я видѣлъ въ немъ всѣ шлюзы, прорытые въ горахъ, дабы дать оному теченіе; работа многотрудная и дѣлаетъ честь Франціи, но чудеснаго ничего нѣтъ. Осмотрѣлъ всѣ крѣпости и порты на Средиземномъ морѣ, всѣ заведенія и фабрики южной Франціи. Тамъ выдержалъ двѣ горячки, послѣ которыхъ открывались раны, и

одна по сіе время открыта и выбрасываетъ кости. Паша хотя и перевязываетъ и зондируетъ мнѣ рану, но не можетъ загладить то зло, которое мнѣ надѣлалъ и поведеніе свое: онъ сдѣлался воромъ, обманщикомъ и употребилъ во зло мое стараніе научить его Французскому языку, и кажется надежды нѣтъ на его исправленіе. Выучивъ его говорить по французски граматикально, я хотѣлъ отдать его въ пансіонъ въ Парижѣ; но послѣ двухъ лѣтъ, когда открылъ въ немъ пороки, бросилъ его учить и заставилъ его быть слугою. Вотъ награда за доброе дѣло!.. Напиши къ его матери, чтобъ она дала сыну наставленіе; можетъ быть это послужитъ ему въ пользу.

Прошлаго года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ ты писалъ, что идешь въ отставку. Это меня порадовало; нынѣшняго года изъ письма твоего отъ Іюня вижу, что ты еще городничій. Это меня удивило; иди въ отставку, устраивай хозяйство свое такъ, чтобъ черезъ годъ и безъ тебя могло все идти своимъ порядкомъ. Возвратясь въ Россію даю тебѣ слово исходатайствовать тебѣ мѣсто и выгодное, и почетное въ государствѣ. Я основываю мое увѣреніе на томъ, что при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, Государь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и, благодаря меня за службу, обнялъ меня, цѣловалъ и когда я, будучи растроганъ сею его благосклонностью, сказалъ ему, что нѣтъ жертвы, которую бы ему не посвятилъ, онъ прослезился и, прижавъ меня къ груди своей, сказалъ, чтобъ я требовалъ отъ него, чего мнѣ надо. Въ эту минуту ты былъ у меня на умѣ; но какъ ты мнѣ прежде сего говорилъ, что ты не хочешь перемѣнить мѣста, я отвѣчалъ Государю, что не имѣю ни въ чемъ нужды. По крайней мѣрѣ впереди, если будешь имѣть нужду—пиши прямо ко мнѣ, увѣдомляя о своемъ здоровьѣ. Это были послѣднія слова его.

Весною я оставилъ проклятую Францію; пробывъ нѣсколько времени въ Женевѣ, я нанялъ мызу въ Швейцаріи, по близости Лозанны, на берегу Женевскаго озера. Видъ оный наипрекраснѣйшій, послѣ Константинополя и Неаполя, во всемъ свѣтѣ. Это я узналъ и увидѣлъ самъ, что́ читалъ во многихъ описаніяхъ. Тутъ я провелъ лѣто, лѣча свою рану въ правомъ плечѣ. Завтрашній день ѣду осмотрѣть ту дорогу, по которой шелъ славный Аннибалъ, переходя Альпы, а также узкіе проходы и гору Saint-Bernard, гдѣ прошелъ Бонапартъ и С. Готардъ, гдѣ проходилъ Суворовъ. Оттуда ѣду въ Италію, гдѣ проведу зиму въ разныхъ городахъ; Страстную и Святую недѣли пробуду въ Римѣ, а оттуда, пользуясь позволеніемъ Государя, чрезъ Германію въ Англію. Государь прислалъ мнѣ 8000 рубл. Это содѣлало меня подвижнымъ...

Графа Петра Александровича *) старшая дочь за генералъ-маіоромъ Гурьевымъ; вторая 17 лѣтъ, еще дѣвица. Я очень желаю знать, помолвлена-ли она за кого, или нѣтъ. Узнай объ этомъ такъ, чтобъ не подать какого мнѣнія; но узнай непремѣнно и меня увѣдомь въ первомъ письмѣ.

IV.

Мая 9-го 1819 г.

. . . Изъ Лозаны доѣхалъ я до Мартиньи. Оставивъ здѣсь коляску, отправился пѣшкомъ въ горы, дабы осмотрѣть три пункта, которыми проходили Бонапартъ чрезъ большой С. Бернардъ, Аннибалъ—чрезъ малый С. Бернардъ и Суворовъ, Русскій Аннибалъ,—чрезъ С. Готардъ. Итакъ отъ Мартиньи перешелъ большой С. Бернардъ въ Аостъ; оттуда чрезъ малый Бернардъ въ Пьемонтъ, чрезъ Мутію, Конфланъ, Гору (Mont-Banc) возвратился въ Мартиньи, сдѣлавъ 65 Французскихъ миль, или 260 верстъ въ пять дней въ горахъ, высотою отъ 10 до 11000 футовъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Доѣхавъ до Брига и снова оставивъ коляску, пошелъ до Айроло, гдѣ Суворовъ, разбивъ Французовъ, началъ переходить С. Готардъ. Слѣдуя *его* пути, дошелъ до Чортова моста, перешедши С. Готардъ. Оттуда чрезъ ледяныя горы Фурка, откуда вытекаетъ рѣка Рона и протекая часть Швейцаріи и въ срединѣ Женевскаго озера, чрезъ Ліонъ впадаетъ въ Средиземное море, откуда въ прошломъ году, подымаясь вверхъ по сей Ронѣ, доѣхалъ до Лозанны.

Близъ С. Готарда, осмотрѣвъ источники четырехъ большихъ рѣкъ, какъ-то: Рейна и прочихъ, возвратился въ коляскѣ въ Бригъ. На возвратномъ пути отъ Чортова моста близъ источника Роны въ снѣжныхъ горахъ едва не погибъ, проходя по тропинкѣ. Ноги мои начали уже скользить по льду и если-бы не палка съ острымъ гвоздемъ, которую воткнулъ въ ледъ и тѣмъ удержался, я обрушился-бы въ пропасть до 8000 футовъ. Проводникъ съ опасностью жизни мнѣ помогъ. Суди о моемъ страхѣ видѣть пропасть подъ ногами!..

Палку храню, чтобы сдѣлать подарокъ Ѳедору.

Въ Ару путешествіе я сдѣлалъ 170 верстъ въ два дня къ удивленію Швейцарцевъ, которые по возвращеніи моемъ стекались, чтобъ видѣть меня и моего провожатаго, котораго я наградилъ съ избыткомъ и обезпечилъ по возможности состояніе бѣдной его матери за спасеніе моей жизни ея сыномъ.

*) Толстаго. П. Б.

Извѣстно тебѣ, что я нѣсколько лѣтъ занимался военными книгами, просиживая иногда и ночи; съ тѣхъ поръ я питалъ въ себѣ непреодолимое желаніе осмотрѣть три пути, которые прославили навсегда Аннибала, Бонапарта и Суворова, дабы сдѣлать сравненіе сихъ трехъ великихъ полководцевъ. Любопытство, которое чуть не стоило жизни, удовлетворено. Желая всегда быть полезнымъ къ службѣ Государя, предпринялъ путешествіе по Италіи, съ тѣмъ, чтобъ, пользуясь климатомъ для моего здоровья, осмотрѣть всѣ крѣпости оной. Отправившись чрезъ Simplon гору, чрезъ которую Бонапартъ проложилъ путь, преодолѣвъ чрезвычайныя препятствія, я прибылъ въ Миланъ; оттуда въ Brescia, Castel-nuovo, Verona, въ Виченцу, въ Мантую, Кремону; былъ на Требіи, гдѣ Суворовъ разбилъ Магдональда, въ Лоди, Александріи, Нови, гдѣ Суворовъ одержалъ знаменитую побѣду, осмотрѣлъ поля Тортоны и Нови и прибылъ въ Геную. Оттуда моремъ въ Ливорну, чрезъ Пизу, Люкъ во Флоренцію, Римъ, Неаполь, гдѣ зимовалъ; оттуда чрезъ Римъ, гдѣ провелъ Страстную и Святую недѣли, чрезъ Анкону, по Адріатическому морю въ Болонью и чрезъ Флоренцію и Ливорно, гдѣ нанялъ малое судно и моремъ, взглянувъ на островъ Эльбу, вдоль берега отъ Ніеви мимо Каннъ, гдѣ Бонапартъ, ушедши съ острова Эльбы, вышелъ на берегъ и овладѣлъ вторично Франціею, я прибылъ въ Тулонъ и сухимъ путемъ въ Марсель. Здѣсь я намѣренъ провести нѣсколько мѣсяцевъ на теплыхъ водахъ, чтобъ лѣчивъ открытую рану въ плечѣ, сдѣлать описаніе и замѣчанія всего, что я видѣлъ и узналъ во время моего путешествія.

Въ Средиземномъ морѣ, на половинѣ пути отъ Ливорна до Тулона я претерпѣлъ бѣдствіе во время шторма по неосторожности капитана судна. Но Богъ и тутъ спасъ меня. Въ продолженіе моего путешествія въ Швейцаріи рану перевязывали проводники и, не бывъ деликатными, производили иногда лихорадку, такъ что по два часа я оставался иногда въ постели, иногда въ снѣжныхъ горахъ, гдѣ нѣтъ никакого обиталища.

Послѣ Ліона во Франціи, гдѣ я получилъ отъ государя 9.000 рублей, получилъ столько же въ Римѣ; сіе средство содѣлываетъ меня движимымъ. Около 50.000 рублей прожито, изъ коихъ каналья Паша вѣрно мнѣ стоитъ до 15.000 рублей, ибо имѣетъ все тоже, что я самъ.

Милая Софинька!

Проѣхавъ Европу, смѣю васъ увѣрить, что нѣтъ лучше народа Русскаго, нѣтъ лучше мѣста, какъ Есемово и Ѳедоровское, гдѣ бы я желалъ провести нѣкоторое время въ кругу милыхъ сердцу моему·

Отъ Катиньки не имѣю ни строчки; я бы хотѣлъ, чтобъ она меня любила въ половину того, какъ я ее люблю. Поцѣлуйте моихъ племянницъ и племянника, ежели есть. Храни васъ Богъ!..

Будьте счастливы и вспоминайте иногда вашего друга Александра.

Марсель, въ Южной Франціи.

P. S. Вашему батюшкѣ и матушкѣ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе.

Николаша, пиши подробно все, что происходитъ дома, то есть въ монастырѣ, у родныхъ, въ правительствѣ какія перемѣны; да существуетъ ли Аракчеевъ и какое имѣетъ вліяніе на Государя и кто еще въ силахъ и въ довѣренности Государя.

V.

Другъ мой, милая Софинька.

...Вы спрашиваете меня: справедливо ли то, что я избавился отъ очевидной опасности въ южной Франціи. Это слишкомъ правда. Лишь только выѣхалъ я изъ Парижа, на всѣхъ дорогахъ встрѣчалъ курьеровъ съ извѣстіемъ, что во многихъ мѣстахъ, чрезъ которыя я долженъ былъ проѣзжать, открывались мятежи. Это заставило меня лавировать то въ одну, то въ другую сторону и какъ дѣло партизана мнѣ весьма знакомо, я ускользнулъ отъ непріятностей, которыя могли бы со мною повстрѣчаться; но это не значитъ ничего. Проѣзжая изъ Тулузы, что́ въ южной Франціи вдоль канала, который соединяетъ Средиземное море съ океаномъ—произведеніе, которое дѣлаетъ честь Франціи—въ сумерки одинъ разбойникъ, остановясь среди дороги и прицѣлясь, прочилъ убить почталіона, ежели онъ не остановится; почталіонъ повиновался; тогда, приближась къ моей колескѣ, требовалъ денегъ. Я ему далъ нѣсколько, онъ требовалъ еще; я далъ и еще, но когда онъ потребовалъ отъ меня 10.000 франковъ и велѣлъ мнѣ выйти изъ коляски, грозя меня убить, не имѣвъ при себѣ ни пистолета, ни сабли, которую Паша заложилъ внизъ, я бросился на него, вырвалъ изъ его рукъ дубину, которою онъ махалъ, держа оную въ лѣвой рукѣ ударилъ его по виску такъ, что онъ упалъ въ ровъ, забывъ выстрѣлить изъ пистолета, который держалъ въ правой рукѣ. Почему же товарищи его не перешли ровъ, чтобы напасть на меня—я это приписываю и моему счастію, и Богу, Который меня хранилъ всегда.

Какъ бы я желалъ увидѣть моихъ племянницъ и быть посреди васъ, моихъ милыхъ друзей, я вамъ не могу того изобразить; но начатое надо докончить.

Одна изъ вашихъ малютокъ показывала на мой портретъ, произнося мое имя; сіе мнѣ доказываетъ, что вы меня помните и любите; почему я и взялъ смѣлость назвать васъ въ началѣ моего письма— *Софинька*!... Вашъ другъ Александръ Сеславинъ.

VI.

Милостивый государь, Николай Александровичъ.

Радуюсь рожденію у васъ сына Михаила, съ чѣмъ васъ обоихъ душевно поздравляю. По пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, чтобы лично съ вами познакомиться, я внучекъ, внучка и племянницу вдоволь расцѣлую.

Я сохранилъ ваше письмо, писанное ко мнѣ еще женихомъ, въ которомъ вы обѣщаете стараться во всю вашу жизнь содѣлывать счастіе моей племянницы. Она счастлива. Вы, достойнѣйшій человѣкъ, сдержали ваше слово и тѣмъ пріобрѣли неотъемлемое право на мою искреннюю приверженность, уваженіе и преданность, тѣмъ болѣе, когда помыслю, какому множеству моихъ родныхъ вы сдѣлали благодѣяніе!...

Осмѣливаюсь просить васъ принять на себя трудъ 28-го нынѣшняго мѣсяца поздравить Его Императорское Высочество съ днемъ его рожденія отъ меня, *перваго* его адъютанта, отъ котораго онъ получилъ *первый* въ жизни его рапортъ. Этотъ день для меня памятенъ тѣмъ, что онъ есть начало моего счастія въ первую половину кипящей дѣятельностью моей жизни. Надо все разсказать. Блаженной памяти Государь Павелъ Петровичъ, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія Его Высочества Михаила, пожаловалъ къ намъ въ корпусъ. Это было во второмъ часу, послѣ обѣда, когда кадеты играли на дворѣ и катались на конькахъ. Штабъ и оберъ-офицеры разъѣхались по домамъ обѣдать.

Узнавъ о прибытіи Государя, всѣ кадеты разбѣжались.

Всегда смѣлый, я подошелъ къ Государю и поцѣловалъ руку. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ; я былъ прекрасенъ, какъ херувимчикъ. Поцѣловавъ меня, Государь объявилъ, что Онъ прибылъ поздравить кадетъ съ новымъ фельдцейхмейстеромъ, а узнавъ, что я племянникъ того Сеславина, который служилъ у него въ Гатчинѣ, спросилъ меня: не желаю ли я служить у него въ гвардіи? Я отвѣчалъ, что желаю, но только съ братомъ, что нынѣ вашъ тесть. Чрезъ нѣсколько дней мы были уже офицеры въ гвардейской артиллеріи.

По повелѣнію Его Величества, я съ двумя орудіями, находясь всегда при лейбъ-баталіонѣ, ходилъ въ Гатчину, Павловскъ и Петергофъ. Вскорѣ потомъ назначили меня адъютантомъ и на маневрахъ я пришелъ въ палатку Его Величества съ рапортомъ къ фельдцейхмейстеру. Увидавъ меня, мой шефъ спряталъ личико на грудь Августѣйшей своей матери. Много стоило труда Августѣйшему родителю уговорить упрямаго фельдцейхмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я вложилъ рапортъ.

Оставаясь навсегда съ благоговѣніемъ къ памяти въ Бозѣ почивающаго Августѣйшаго моего благодѣтеля, я сохраняю мою приверженность къ Августѣйшему его сыну, къ виновнику моего счастія въ юности моей.

Если благоугодно будетъ Его Высочеству знать обо мнѣ, прошу сказать, что я бодръ, здоровъ и свѣжъ; въ груди моей пылаетъ неугаспмое пламя юныхъ лѣтъ.

Будьте здоровы со всѣми вашими. Весь вашъ Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, 18 Января 1845 года.

P. S. По болѣзни глазъ, едва не сжегъ письма, печатая.

VII.

Милая Марія Николаевна!

Письмо ваше отъ 31 Марта я имѣлъ несравненное удовольствіе получить во время полевыхъ моихъ прогулокъ. У насъ здѣсь погода стоитъ прекрасная, призываетъ въ поле для обозрѣнія работъ и, какъ нѣкто сказалъ: «взгляните на сіи бразды, воздѣлываемыя земледѣльцемъ, на нихъ зрѣетъ слава и величіе государства» — я страстно полюбилъ земледѣліе.

Нѣкоторое время въ моей ротондѣ, подобной той, которую знаменитый Палладіо построилъ на такомъ же мѣстѣ въ Виченцѣ, гдѣ я въ молодости провелъ нѣсколько счастливыхъ дней, — ожидалъ васъ радушный пріемъ. Но... этого не суждено.

И я также желалъ бы, чтобы вы постоянно и сколь возможно чаще дарили меня пріятными для меня вашими письмами, а милый вашъ супругъ благосклонно принялъ приглашеніе засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе его товарищамъ: его сіятельству графу А. Ѳ. Орлову и Льву Александровичу Нарышкину, моему другу, который

благоволилъ взять отъ меня на память Турецкую съ крестомъ пулю, полученную мною на сквозь въ сгибъ праваго плеча въ то время, когда я, ведя колонны Уварова на штурмъ Рущука, первый взошелъ на крѣпостной валъ,—и сказать имъ Христосъ Воскресе!

Вашъ, весь вашъ Александръ Сеславинъ.

VIII.

Милый другъ Машинька.

Снѣга воспрепятствовали мнѣ отправиться въ С.-Петербургъ для лѣченія глазъ, и я остался дома на неопредѣленное время. Вы желаете знать о моемъ житьѣ-бытьѣ? Извольте, я удовлетворю ваше желаніе. Земледѣліе— сообразно нынѣшнему состоянію науки, раздѣлываю землю съ весны до осени—и борьба съ невѣжествомъ, жесточайшая, вѣчная борьба,—суть всегдашнія мои занятія. Добыть капиталъ изъ земли, чтобы содѣлать полезными богатыя угодья 2.300 десятинъ земли, которыя безъ капитала остаются безполезными, вотъ мои аферы!

Вскорѣ послѣ билля въ Англіи, которымъ дозволяютъ вывозъ въ иностранныя государства машинъ, Россія наводнилась и машинами и машинистами. Это обстоятельство можетъ сдѣлать подрывъ вашей фабрикѣ.

Вдоволь расцѣлую по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ внучка и весь полкъ дѣвочекъ, о которыхъ вы пишете. Прошу сказать Николаю Александровичу искреннее мое почтеніе.

Остаюсь навсегда вѣрнымъ вашимъ другомъ Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, 7-го Мая 1845 года.

IX.

Милый другъ Марія Николаевна.

Письмо ваше отъ 29-го Декабря прошлаго года я имѣлъ удовольствіе получить. Радуюсь вашему счастію. Я и теперь еще, какъ и всегда, люблю 1-е Іюля, день, въ который вы пожалованы во фрейлины къ Императрицѣ, которую я обожаю.

Въ этотъ день съ утра флагъ съ цвѣтами ордена ленты Маріи Терезіи развѣвается надъ моей ротондою. Бѣдные, наиболѣе слѣпые, мои братья приходятъ ко мнѣ на поклонъ, а я за столомъ выпиваю бокалъ добраго шампанскаго вина за здоровье Августѣйшихъ виновниковъ вашего счастія.

Вы очень хорошо дѣлаете, что не оставляете двора и общества, иначе трудно было бы возвратиться; я знаю это по себѣ. Придерживайтесь наиболѣе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловнѣ, этой доброй и великаго ума женщины. Желалъ бы я, и это время, надѣюсь, не такъ-то отдалено — увидѣть васъ, лично познакомиться съ Николаемъ Александровичемъ, причемъ и расцѣловать прелестнѣйшихъ и милыхъ вашихъ дѣтей.

О себѣ вамъ скажу, что глаза мои излѣчены совершенно, а здоровье мое таково, что проскакать верхомъ 60 верстъ въ одинъ день во время сѣнокоса для осмотра работъ на 20-ти пустошахъ—ничего не значитъ для меня, и усталости не знаю, а помѣщики говорятъ: «вотъ каковы старые гусары!»

Примите, другъ мой, увѣреніе во всегдашней моей къ вамъ преданности. Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, Тверской губ.
Сельцо Сеславенское.
Марта 1 дня 1850 года.

СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Зачѣмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны,
А страждущей семьи намъ голосъ часто чуждъ?
Зачѣмъ по сторонамъ кидаемъ милліоны,
Когда у насъ ихъ нѣтъ для нашихъ кровныхъ нуждъ?

***

Какъ будто нѣтъ у насъ ни скорби, ни страданія,
Ни хлѣба алчущихъ, ни алчущихъ познанья,
Ни жадно чающихъ движенія воды?

***

Нѣтъ, многія поля у насъ еще безводны.
Для орошенья ихъ да брызнетъ свѣжій ключъ:
Торговлѣ, грамотѣ упрочьте путь свободный,
Степямъ вы дайте жизнь, потемкамъ-Божій лучъ.

***

Нѣтъ, почва русская, томясь безъ удобренья,
И много проситъ рукъ и много денегъ ждетъ,
Чтобъ зрѣлой жатвою добра и просвѣщенья
Насытиться вполнѣ могъ доблестный народъ.

*

Это стихотвореніе любопытное во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ необнародованное любезно сообщено въ „Русскій Архивъ“ графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ Шереметевымъ, образцово издавшимъ уже одинадцать томовъ сочиненій покойнаго князя Петра Андреевича Вяземскаго.

ПИСЬМО АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО ИННОКЕНТІЯ КЪ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ОЗЕРОВУ.

Получ. 29 Марта (1854.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Не простое и краткое слово мое, а ваше доброе и патріотическое сердце внушило вамъ готовность поспѣшить на духовную помощь нашимъ за-Дунайскимъ собратіямъ по вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе для меня утѣшительно видѣть, какъ глаголъ вѣры и любви о Христѣ, возглашенный съ каѳедры церковной, при содѣйствіи благодати Божіей, не возвращается тощь и празденъ, а производитъ преднамѣренное дѣйствіе. Вполнѣ сочувствую вашимъ славянолюбнымъ помысламъ и чувствамъ, выраженнымъ по сему случаю въ письмѣ вашемъ ко мнѣ. Кто изъ имѣющихъ сердце и память можетъ не сострадать глубоко бѣдной Болгаріи, которая при самомъ обращеніи нашемъ въ Христіанство надѣлила насъ безцѣннымъ сокровищемъ—перевода на Славянскій языкъ Священнаго Писанія, а сама теперь едва не лишена онаго варварствомъ дикихъ и кровожадныхъ завоевателей своихъ? Твердо вѣрую, что Господь благословитъ оружіе, подъятое съ такимъ самоотверженіемъ во славу пресвятаго имени Его, въ защиту Православія, и съ храмовъ Болгарскихъ не снидутъ уже долу тѣ кресты, кои теперь ставятся на нихъ рукою побѣдителей, а напротивъ будутъ умножаться, возвышаться и украшаться на посрамленіе луны безрогой.

За симъ, призывая на васъ и почтеннѣйшее семейство ваше благословеніе Божіе, съ чувствомъ особеннаго душевнаго уваженія и любви о Христѣ, остается и пребудетъ навсегда вашего превосходительства усердпѣйшій слуга Иннокентій архіепископъ Херсонскій.

P. S. Доставленное будетъ немедленно отправлено, куда слѣдуетъ.

29 Марта, 1854 г.

Его Превосходительству, повѣренному въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, Александру Петровичу Озерову.

ИЗЪ ПИСЬМА В. В. СКРИПИЦЫНА КЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Ницца, 9 Февраля *).

....Обратите пожалуйста вниманіе на письмо мое, напечатанное въ журналѣ Le Nord, № 35, 4 Février, подписанное V. S. Sawe. Надѣюсь, что вы его одобрите; а я, по любви моей къ родинѣ еще служу ей какъ могу, прибѣгая къ этому единственному способу для темнаго гражданина доводить правду до великихъ земли Русской.

Сегодня я вычиталъ въ журналѣ, что митрополитъ Кіевскій началъ вводить въ своей епархіи избирательное начало. Всяческое спасибо за то владыкѣ. Если онъ меня помнитъ, засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе. Дѣйствительно, это единственное средство возстановить связь въ духовенствѣ и слить церковь съ народомъ. Необходимо, чтобы прихожане были въ церкви, не въ гостяхъ, а дома у себя, какъ въ домѣ матери своей; чтобы во всѣ должности епархіальнаго и даже монастырскаго управленія лица не назначались, а избирались братіями своими и, съ утвержденія епископства, вступали въ должности, для огражденія самихъ епископовъ отъ нареканія въ дурномъ, пристрастномъ выборѣ. Необходимо, чтобы епископы обращались съ духовенствомъ какъ отцы съ дѣтьми, а не какъ всемогущіе начальники съ раболѣпными чиновниками; чтобы они чаще съ ними бесѣдовали, на что у нихъ достанетъ времени, когда члены консисторій будутъ избирательные, слѣд. пользующіеся довѣренностью и уваженіемъ собратій, а не чиновники въ рясахъ, которые теперь не рѣдко воруютъ вмѣстѣ съ секретаремъ и обращаются со священниками, какъ съ рабами. Словомъ, надо, чтобы духовный строй былъ семья, а не команда, какъ теперь, дабы все духовенство перестало смѣшивать подлое раболѣпство со смиреніемъ и чтобы высшее духовенство относилось къ низшему съ должнымъ уваженіемъ къ лицу и сану, и не духовенство уважало бы свою личность и свой санъ. Это надо начать съ семинарій.

---

*) Года не означено. П. Б.

Говоря о митрополитѣ Кіевскомъ, надо сообщить вамъ одно обстоятельство, по которому я долженъ особенно уважить этого владыку. Послѣ служенія моего въ Синодѣ и возсоединенія Уніатовъ, всѣ епископы болѣе или менѣе были мнѣ знакомы. Бывъ директоромъ я продолжалъ 14 лѣтъ еще косвенно служить нашей церкви*) и акуратно два раза въ годъ писалъ почти ко всѣмъ епархіальнымъ епископамъ и всегда акуратно получалъ самые лестные отвѣты. Но когда я оставилъ департаментъ и ко всѣмъ имъ написалъ прощальныя, полныя чувства письма, прося ихъ благословенія, они вообразили себѣ, что я въ опалѣ, и потому ни одинъ не рѣшился мнѣ и отвѣчать, кромѣ бывшаго тогда архіепископа Варшавскаго, нынѣ митрополита Арсенія, который почтилъ меня самымъ лестнымъ отвѣтомъ.

*) В. В. Скрипицынъ, въ министерство А. А. Перовскаго, былъ директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. П. Б.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА*).

VI.

Солдатикъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е Февраля 1807 г., въ сѣняхъ, предъ входомъ въ кладовую Московскаго Сената, стоялъ на часахъ молодой солдатикъ и посматривалъ на кладовую, гдѣ хранились казенныя деньги. Было глухо и темно. Обширныя сѣни слабо освѣщались фонарными огоньками....

— Сколько, чай, деньжищевъ тамъ въ сундукахъ! мечталъ солдатикъ; вотъ-бы взять тысячъ пятокъ, да и махнуть на родину въ Любимскій уѣздъ, къ матушкѣ моей Натальѣ Афанасьевнѣ?.. Скажу ей: такъ и такъ, въ отпускъ на побывку къ тебѣ начальство меня отпустило, а идя путемъ-дорогою, нашелъ-де я, ради твоего счастія, кладъ... Бери, родимая, себѣ половину и сестру Варвару не оставь безъ награды, а съ остальными денежками я самъ съумѣю погулять... Въ случаѣ-же чего, если дѣло откроется, ну, тогда зять мой, Варваринъ мужъ, Прохоръ Никифоровъ, ловкій мужикъ, свезетъ меня тайкомъ въ Пошехонскіе дремучіе лѣса къ людямъ старой вѣры. Немало у нихъ нашего брата скрывается... Ловокъ, говорятъ, нашъ капитанъ-исправникъ Толбузинъ, да шалитъ—не поймаетъ!.. А на серебряную икону Казанской Божіей Матери я, съ нашимъ удовольствіемъ, сто рублёвъ пожертвую. Мать Пресвятая Богородица, помоги рабу твоему Конону!....

И вотъ, въ полутьмѣ, блеснулъ въ рукахъ солдатика штыкъ. Печать у двери срѣзана; замокъ сломанъ тѣмъ-же орудіемъ; дверь отворена; солдатикъ входитъ въ кладовую и взламываетъ штыкомъ-же сундукъ съ царской казной. Денегъ—прòпасть,—всё разноцвѣтныя бумажки. Разбираться пѣтъ времени: того и смотри, сейчасъ явится смѣна караула... Взяты три пачки ассигнацій, разумѣется, первыя попавшіяся подъ руку... Авось наберется 5,000 рублей!?

Деньги спрятаны въ ранецъ. Кладовая затворена. Замокъ наложенъ... Солдатикъ какъ ни въ чемъ не бывало, дождался прихода эфрейтора, который смѣнилъ его другимъ часовымъ. За темнотою, слѣды преступленія своевременно не были обнаружены, и сотворившій злое дѣло пришелъ спокойно

*) *Продолженіе.* См. выше I, 206.

въ караульню, а оттуда въ свою роту... Что затѣмъ происходило, это мы знаемъ изъ слѣдующаго письма Московскаго генералъ-губернатора Тимоѳея Ивановича Тутолмина къ Ярославскому губернатору князю М. Н. Голицыну, отъ 15 Февраля 1807 г. (за № 519).

„Милостивый государь мой, князь Михаилъ Николаевичъ! Въ кладовой Провіантской Коммиссіи Московскаго Депо, 12-го сего мѣсяца, усмотрѣна пропажа казенныхъ денегъ *сорока тысячъ* (40,000) рублей, и по производящемуся теперь о похищеніи оныхъ слѣдствію открывается подозрѣніе на убѣжавшаго 11-го числа настоящаго-же мѣсяца изъ Московскаго гарнизоннаго полку рядового Конона Вихарева, который, наканунѣ своего побѣга былъ въ караулѣ и стоялъ на часахъ у оной кладовой. Къ большому-же на него сомнѣнію служитъ то, что оставшійся въ полку, по отлучкѣ, его штыкъ найденъ съ отломленнымъ концомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь изогнутъ.

„Обстоятельства сіи убѣждаютъ меня сообщить вашему сіятельству примѣты оного рядового Вихарева, а именно: отъ роду—21-й годъ, ростомъ 2 арш. 4 вер., волосомъ русъ, лицомъ бѣлъ, глаза сѣрые, носъ прямъ. Въ службу поступилъ прошедшаго (1806) года изъ экономическихъ крестьянъ Ярославской губерніи, Любимской округи, Обнорской волости, слободы Шеренской; грамотѣ читать и писать не умѣетъ. Отлучился въ казенныхъ вещахъ: сѣрой шинели съ полнымъ числомъ пуговицъ и сапогахъ, въ собственной рубахѣ и портахъ. А при томъ, на случай удаленія его отселѣ во ввѣренную вамъ губернію, по намѣренію пройти къ родственникамъ, прошу васъ, м. г. мой, предписать городничимъ и исправникамъ обратить особенное стараніе на поимку сего дезертира, и когда гдѣ открытъ и задержанъ будетъ, прислать его ко мнѣ съ нарочнымъ подъ надежнымъ, дабы съ дороги не могъ уйти, присмотромъ".

Воровская „одиссея", начатая въ Москвѣ, кончилась въ Любимскомъ уѣздѣ, куда, по вѣрной догадкѣ Тутолмина, солдатикъ поспѣшилъ со своимъ сокровищемъ. И теперь черезъ 90 почти лѣтъ, 40,000 р. (хотя-бы и ассигнаціями) составляютъ большую сумму. Чѣмъ-же они тогда-то казались солдатику, который съ помощью штыка одержалъ столь знатную викторію—не надъ Французскимъ императоромъ Наполеономъ Бонапарте, а надъ казеннымъ сундукомъ, съ интендантскими деньгами? Несомнѣнно, что молодой воръ считалъ себя, какъ говорится, на седьмомъ небѣ; однако вскорѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ разочарованій. Напялъ онъ отъ Москвы до Ярославля неизвѣстнаго ему троечника, не торгуясь съ нимъ, чѣмъ, конечно, возбудилъ въ извощикѣ сомнѣніе: откуда могла взяться у солдатика крупная, размѣненная имъ, сто рублевая ассигнація? На пути, близъ какого-то села, извощикъ остановилъ лошадей и обратился къ сѣдоку съ предложеніемъ убираться подобру, поздорову, если не хочетъ быть преданнымъ въ руки сотскаго и десятскихъ, „потому что (объяснилъ Московскій ямщикъ) ты, парень, должно быть только для отводу глазъ надѣлъ на себя солдатскую аммуницію, а на самомъ дѣлѣ—Богъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ...

Вылѣзай и уходи!“ Всплакался Вихоревъ, поклялся Христомъ-Богомъ, что онъ доподлинно солдатъ, спѣшитъ къ умирающей матери, а она-дескать женщина очень богатая, прислала своему любимому сынку нѣсколько сотъ рублей, какъ наслѣдство, чтобы оно не пропало въ случаѣ скорой ея смерти. Повѣрилъ-ли возница этой баснѣ, или захотѣлъ поживиться на счетъ мнимаго наслѣдника, какъ бы то ни было, переговоры между ними кончились тѣмъ, что Вихоревъ отдалъ извощику еще сторублевую бумажку, и затѣмъ они благополучно пріѣхали въ Ярославль, гдѣ и разлучились. Вихореву не хотѣлось явиться домой безъ подарковъ: онъ купилъ въ Ярославлѣ небольшой, окованный желѣзомъ, дубовый сундукъ, куда уложилъ купленныя имъ у Ярославскихъ торговцевъ разныя вещи, именно: три бобровыя шапки, 6 арш. ситцу, нѣсколько полотняныхъ, бумажныхъ и гарнитуровыхъ платковъ, шелковый кушакъ, 15 арш. синяго сукна, „клееную“ красную рубашку и пр. Не была, конечно, забыта и гармоника, которою солдатикъ надѣялся плѣнить деревенскихъ дѣвокъ: по его словамъ, онъ очень любилъ бабьё и чарочки тоже придерживался съ большой охотой. Пріѣхавъ въ городъ Даниловъ, Вихоревъ остановился въ домѣ мѣщанина Ивана Гурьева, содержавшаго постоялый дворъ, а оттуда-маршъ прямо въ питейный домъ, гдѣ, за неимѣніемъ мелочи, хотѣлъ-было размѣнять двадцатипятирублёвку. Но въ кабакѣ случились, на ту пору, какія-то четыре личности, ему вовсе неизвѣстныя, „по виду приказные или дворовые люди“, и, схвативъ Вихорева, стали допрашивать:

— Откуда ты? Что за человѣкъ? Говори сущую правду.

— Изъ дворовыхъ Любимскаго помѣщика, маіора Николая Яковлевича Скульскаго, солгалъ солдатикъ (успѣвшій уже снять съ себя солдатскую шинель и облачился въ „штатское платье“):—отпустите меня, господа! Я васъ угощу, напою и накормлю досыта...

„Однако (читаемъ въ показаніяхъ Вихорева, данныхъ имъ въ послѣдствіи полицейскому начальству), оные неизвѣстные мнѣ приказные или дворовые люди держали меня, обхвативъ весьма крѣпко и требовали, чтобы я отдалъ имъ ту ассигнацію, что я и вынужденъ былъ исполнить, опасаясь привода въ Даниловское Городничепское Правленіе. Послѣ сего пришелъ я на квартиру къ вышеозначенному Ивану Гурьеву, а вслѣдъ за мной явился одинъ изъ тѣхъ, якобы, приказныхъ и, схвативъ меня опять, сказалъ, что двадцати пяти рублей мало: „давай еще“! И оному человѣку я далъ сторублевую ассигнацію, полагая, что тѣмъ откуплюсь и отъ дальнѣйшаго вымогательства избавлюсь“. Тщетна была сія надежда! Таинственная личность, изображавшая „приказнаго“, разлакомилась и неудовольствовалась сторублевкой: вслѣдъ за собой, эта „личность“ привела остальныхъ своихъ товарищей; вчетверомъ они шумно пастучили на солдатика и „начали просить еще“. „А кто они были (объяснилъ Вихоревъ), мнѣ не вѣдомо, и о томъ долженъ знать самъ мѣщанинъ Гурьевъ, или братъ его Петръ, при коемъ я выдалъ на всѣхъ четверыхъ приказныхъ, или дворовыхъ людей, другую сотенную ассигнацію; послѣ чего всѣ они ушли, а я легъ спать на полати,

и едва успѣлъ заснуть, какъ разбудилъ меня вышеозначенный Петръ Гурьевъ, закричавъ: „Вставай!“—„Зачѣмъ?“—„Отвѣчай, за что ты наградилъ сихъ людей ста рублями? Давай и мнѣ столько-же!“ Получивъ-же требуемую бумажку, онъ оставилъ меня въ покоѣ, а потомъ будилъ многократно и говорилъ:—„Пойдемъ къ городничему!“ Но чтобъ туда меня онъ не стащилъ, я далъ ему девять разъ все по сто рублевой бумажкѣ, и тогда сей мѣщанинъ Гурьевъ сказалъ:—„спасибо, теперь достаточно. Уѣзжай только отъ насъ скорѣе, пойдемъ нанимать извощика“... Когда-же сей послѣдній былъ нанятъ, мы съ Иваномъ Гурьевымъ, перенесли къ тому извощику сундучекъ и поставили въ сани. Только я тронулся съ мѣста, какъ вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ Петръ Гурьевъ, а за нимъ трое изъ числа „приказныхъ“, взяли меня за воротъ и намѣревались вести къ городничему; но чтобъ меня не водили къ его благородію, каждому изъ нихъ дано было мною еще по сту рублей. И затѣмъ они меня отпустили невредимо, послав только къ нечистому духу... А шинель солдатская (заключилъ свое показаніе Конопъ Вихоревъ) осталась на полатяхъ въ домѣ Ивана Гурьева“...

Сопровождаемый пожеланіемъ „убираться къ чорту“, нашъ солдатикъ попался, на свою бѣду, не въ лапы „нечистаго“, а въ руки Любимскаго земскаго исправника, гвардіи подпоручика Николая Толбузина, которому сотскій Обнорской волости, крестьянинъ деревни Чечулина, Гордей Алексѣевъ, донесъ, что 14-го Февраля, поутру, на разсвѣтъ пріѣхалъ въ село Шарну къ своей матери Натальѣ Афанасьевой, сынъ ея, молодой солдатъ и, пробывъ у нея малое время, оставилъ у ней дубовый сундукъ съ имуществомъ, а самъ уѣхалъ къ замужней сестрѣ своей Варварѣ Трофимовой въ дер. Луковицу съ крестьяниномъ Устиномъ Петровымъ. Разумѣется, исправникъ немедленно пустился въ розыски, которые увѣнчались полнымъ успѣхомъ, послѣ арестованія вора и его укрывателей, т. е. зятя, сестры и матери. При Вихоревѣ оказалось 4,475 рублей; отъ его сестры земскій исправникъ отобралъ 700 руб. „бумажками“, да отъ матери только 300 рублей.

— Сколько-же ты укралъ всѣхъ денегъ? Допытывался исправникъ.

— Не знаю, не считалъ, отвѣчалъ солдатикъ; а истратилъ я столько-то на покупки, уплатилъ извощику столько-то, да неизвѣстнымъ „приказнымъ“ и на постояломъ дворѣ отдалъ столько-то. Больше денегъ у меня нѣтъ и не было.

Во время допросовъ прискакалъ изъ Москвы квартальный поручикъ Чистяковъ, командированный Тутолминымъ для производства дальнѣйшихъ розысковъ. Какія мѣры принялъ этотъ полицейскій офицеръ, вмѣстѣ съ исправникомъ съ цѣлью „открыть истину“, мы не знаемъ; невѣроятно, чтобы употреблены были пытки, запрещенныя закономъ. Всего легче предположить, что полиція обѣщала полнѣйшее помилованіе за откровенность и вызвала ее отъ „женки“ Варвары Трофимовой, которая указала на стогъ сѣна.—„Ищите здѣсь!“—Стали искать и нашли 32,125 р.

Квартальный Чистяковъ доставилъ Тутолмину, кромѣ главнаго преступника Вихорева, скованнаго по рукамъ и ногамъ, („дабы утечки не учи-

нилъ"), государственныхъ ассигнацій на 37,730 руб. и серебромъ 5 р. да сундукъ съ купленными Вихоревымъ разными вещами, которые были оцѣнены въ 156 руб. 85 копѣекъ. Дальнѣйшая судьба „солдатика" намъ не извѣстна: его, конечно, судили по всей строгости военныхъ законовъ, за двойное преступленіе—дезертирство и похищеніе казенныхъ денегъ во время караула. Не помогло ему и душеспасительное обѣщаніе исполнить христіанскій долгъ, хотя, въ предѣлахъ возможности, онъ и остался вѣренъ своимъ благочестивымъ мечтамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показывала на судѣ вдовая „женка" Наталья Аѳанасьева Вихорева. Въ словахъ ея, несмотря на устарѣлый и, конечно, не ей принадлежащій „приказный" слогъ, всѣтаки слышится даже чрезъ 90 лѣтъ правдивая рѣчь несчастной Русской бабы, лишившейся сына, отданнаго въ солдаты. Правда, онъ былъ бѣглецъ и воръ, но материнское сердце — не сердце непреклоннаго и неподкупнаго судьи: оно слѣпо смотритъ на сыновніе грѣшки. Не могла-же она отдать свое „дѣтище" въ руки капитанъ-исправника, тѣмъ болѣе, что оно—это дѣтище—безъ малѣйшей утайки торопливо объяснило ей, „войдя въ избу, поутру рано, что онъ (Вихоревъ) ушелъ изъ солдатчины, и спѣшитъ къ сестрѣ своей въ деревню Луковницу. И принесъ онъ съ собою сундукъ, окованный желѣзомъ, и потомъ, отперши оный, далъ сперва мнѣ одну сторублевую ассигнацію, говоря, что жертвуетъ оныя деньги для положенія вклада въ церковь нашу, въ селѣ Шарнѣ, причемъ земно поклонился Владычицѣ Пресвятой Богородицѣ, а послѣ сего еще такія-же двѣ бумажки отдалъ мнѣ на пропитаніе, и два платка гранитуровыхъ (sic!) подарилъ, да извощику, мнѣ неизвѣстному *), за провозъ отдалъ мѣдными (деньгами), а сколько—я не запримѣтила, и сверхъ того на водку далъ ему-же 30 копѣекъ, и, оставя сундукъ, отправился къ сестрѣ своей, а моей дочери, въ дер. Луковницу..." Избѣгая подробностей, приводимъ рѣшеніе Ярославской Уголовной Палаты, состоявшееся 26 Марта 1807 года: 1) Крестьянина Прохора Никифорова, 26-ти лѣтъ, и женокъ Варвару Трофимову, 23 лѣтъ, и Наталью Аѳанасьеву Вихореву, 47 лѣтъ, наказать въ ихъ селеніяхъ плетьми, перваго 60-ю, вторую 50-ю, а третью 40-ка ударами, и потомъ Никифорова отослать въ Рекрутское Присутствіе для опредѣленія въ военную службу, буде способенъ окажется, съ зачетомъ вотчинѣ за рекрута; въ обратномъ-же случаѣ—безъ зачета, какъ его, такъ и женокъ Трофимову и Вихореву, сослать на поселеніе, о чемъ Ярославскія Казенную Палату и Губернское Правленіе увѣдомить. 2) Крестьянина Устина Петрова (взявшаго отъ Варвары Трофимовой, бывшей уже подъ стражею, на сбереженіе 32 рубля) наказать плетьми 40 ударами и отдать по прежнему въ вотчину, съ должнымъ обязательствомъ и подтвержденіемъ не учинять ничего противнаго законамъ. 3) Любимскому мѣщанину Ивану Асысалову (который отвезъ Вихорева въ дер. Луковницы, но въ знаніе о побѣгѣ и похищеніи имъ денегъ съ допросовъ и священническаго увѣщанія, не сознался, да и дезертиръ ни въ пер-

*) Впослѣдствіи онъ оказался Любимскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Асысаловымъ

вомъ, ни во второмъ случаѣ его не оговаривалъ) быть отъ слѣдствія свободнымъ, полученныя-же имъ за провозъ деньги 70 коп. отобравъ, отослать, куда слѣдуетъ. 4) Имѣнія вышеозначенныхъ осужденныхъ трехъ лицъ продать аукціоннымъ порядкомъ и вырученныя деньги обратить въ число недостающей суммы похищенныхъ денегъ.

„13 Апрѣля 1807 года его сіятельство, г. гражданскій губернаторъ кн. М. Н. Голицынъ изволилъ дать на сіе рѣшеніе Уголовной Палаты свое согласіе, вслѣдствіе чего публичное наказаніе плетьми вышерѣченныхъ людей было исполнено съ соблюденіемъ достодолжнаго порядка". Иными словами, сестра и мать нашего „солдатика" были высѣчены палачемъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе; третій-же, т. е. Прохоръ Никифоровъ, выйдя изъ рукъ заплечнаго мастера, оказался для солдатской службы вполнѣ способнымъ, а потому вошелъ въ составъ Русской арміи. Тогда не считалось, какъ нынѣ считается, за величайшій позоръ имѣть среди защитниковъ Царя и Отечества людей оскорбленныхъ и униженныхъ, нравственно и физически, рукою палача—презрѣннаго исполнителя тогдашняго правосудія. О прочихъ дѣйствующихъ лицахъ нашей драмы, въ которой участвовали не одни „злодѣи", но и особы добродѣтельныя, остается сказать немногое. Роль добродѣтельныхъ героевъ, какъ мы уже знаемъ, отлично выполнили квартальный Чистяковъ и Любимскій исправникъ Толбузинъ къ величайшему удовольствію Московскаго высшаго начальства.—„Милостивый государь мой, князь Михайла Николаевичъ (писалъ 21 Февраля 1807 г. Тутолминъ). На отношеніе в-го с-ства (отъ 19 сего мѣсяца), честь имѣю увѣдомить васъ, государь мой, что штата Московской Управы Благочинія, квартальный поручикъ Чистяковъ отправленнаго съ нимъ дезертира, похитившаго изъ кладовой Коммиссіи провіантскаго Московскаго депо денежную казну, Копона Вихорева, и порученныя ему деньги 37,735 рублей, также сундукъ съ разными вещами, купленными онымъ Вихоревымъ на похищенную имъ сумму, доставилъ ко мнѣ исправно. По предлогу сему почитаю себя обязаннымъ изъявить в-му с-ству особенную мою признательность за оказанное предписаніемъ вашимъ пособіе квартальному поручику Чистякову въ преслѣдованіи похитителя сего и за скорое произведеніе изысканіе дѣятельностью Любимскаго исправника Толбузина, вѣдомству котораго подлежащая земская полиція долженствуетъ, по справедливости, служить *образцомъ* и обратить на себя начальническое в-го с-ства вниманіе и общую, по всей Россійской Имперіи, похвалу", и т. д. Со своей стороны, князь Голицынъ представилъ Императору Александру I „вѣрноподаннической рапортъ", въ которомъ, изложивъ всё дѣло о столь знаменитой, по количеству денегъ, кражѣ, выразился такъ: „Осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству, по самой истинѣ, засвидѣтельствовать земскаго исправника Толбузина усердіе къ высочайшей службѣ (sic!) и дѣятельность, которыя доказалъ онъ несомнѣннымъ опытомъ при поимкѣ рядового Вихорева и въ изысканіи похищенныхъ имъ денегъ". Затѣмъ, припомнитъ читатель, въ этомъ дѣлѣ участвовали еще какіе-то таинственные незнакомцы, „приказные", обиравшіе въ гор. Даниловѣ „солдатика", съ

участіемъ мѣщанъ Петра и Ивана Гуревыхъ! Какая-же судьба постигла этихъ людей? Неизвѣстные такъ-таки и остались для насъ „иксами“. Что-же касается означенныхъ мѣщанъ Гурьевыхъ, то движимое и недвижимое имѣніе ихъ, по рѣшенію Ярославскихъ судебныхъ мѣстъ, было описано (на сумму 1175 р. 75 к.) и продано съ аукціоннаго торга. Пущено было также съ молотка имѣніе Прохора Никифорова, его жены и бобылки Натальи Вихоревой за 128 руб. Остальную сумму (сравнительно ничтожную) Московскій Ордонансъ-Гаузъ опредѣлилъ взыскать съ члена Провіантской Коммиссіи Соловьева *), ради чего—не знаемъ, быть можетъ единственно, ради пословицы, не вполнѣ справедливой, что „казенная копѣечка въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ“.

VII.

Отреченіе отъ масонства.

Сохранилось преданіе, отчасти подтверждаемое печатными свѣдѣніями, что въ Ярославлѣ при намѣстникѣ А. П. Мельгуновѣ существовала масонская ложа, и что самъ Мельгуновъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ея членовъ. Есть также основаніе предполагать, что филантроптическія идеи Ярославскихъ масоновъ, вслѣдствіе почина того-же намѣстника, въ 1786 г. осуществились блестящимъ образомъ: тогда основанъ былъ Ярославскій „Домъ Призрѣнія Ближняго“, процвѣтающій и въ настоящее время. Разгромъ всѣхъ масонскихъ ложъ какъ извѣстно, послѣдовалъ въ 1822 году. Тогда Ярославскій гражданскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ, получилъ (20-го Августа) отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея слѣдующее „сообщеніе“:

„Рескриптомъ, на мое имя, въ 1-й день сего Августа даннымъ, Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня сдѣлать распоряженія о закрытіи и недопущеніи существованія впредь масонскихъ ложъ и всѣхъ тайныхъ обществъ. Къ приведенію сихъ распоряженій въ дѣйство Его Императорское Величество указать мнѣ изволилъ: сообщить всѣмъ главноуправляющимъ въ губерніяхъ и гражданскимъ губернаторамъ къ исполненію ихъ слѣдующее.

1) Всѣ масонскія ложи и другія тайныя общества закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять. 2) Объявить о семъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ и обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ ложъ, ни какихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ-бы благовиднымъ названіемъ они не были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея составлять не будутъ. 3) Какъ не свойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою кромѣ той, которая закономъ опредѣлена, то каждый разъ при вступленіи чиновниковъ въ службу или опредѣленіи въ должности требовать отъ нихъ по формѣ, при семъ

*) Отношеніе Тутолмина къ кн. Голицину отъ 17 Февраля 1808 г., за № 56.

(подъ № 3-мъ) приложенной [1]), что они ни къ какимъ масонскимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ въ Имперіи, или внѣ оной, не принадлежатъ. 4) Подписки сіи хранить при спискахъ о службѣ чиновниковъ или при просьбахъ объ опредѣленіи къ должностямъ, ими подаваемымъ.

„Всѣ распоряженія сіи не относятся до чиновниковъ, въ дѣйствительной службѣ находящихся, о коихъ начальство военное получаетъ надлежащія предписанія.

„О таковой Высочайшей волѣ я честь имѣю вашему превосходительству сообщить. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графъ *В. Кочубей* [2]).

Первыя „отреченія“ отъ масонства послѣдовали въ Ярославлѣ со стороны лицъ, служившихъ въ Демидовскомъ „вышнихъ“ наукъ училищѣ. Проректоръ его Степанъ Вилинскій, согласно порученію училищнаго Совѣта, отобралъ „самъ отъ себя“ и отъ подвѣдомственныхъ ему господъ профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ подписки. За подписью проректора стоитъ подпись профессора, и кав. Ѳедора (въ скобкахъ: „Фридриха“) Шмидта, очень почтеннаго Нѣмца, который по преданіямъ, былъ приверженцемъ масонства, вмѣстѣ съ другимъ полунѣмцемъ-полуславяниномъ Карломъ Янишемъ, (отцомъ извѣстной, родившейся въ Ярославлѣ, поэтессы Каролины Карловны Янишъ); онъ былъ первымъ, по времени, проректоромъ [3]) и задолго до означенной катастрофы оставилъ нашъ городъ. Остальные профессора: Александръ Воиновъ, Герасимъ Покровскій, Михайло Хапенко, Александръ Николаевъ и Ѳедоръ Бекетовъ, вѣроятно, ничего общаго съ масонами не имѣли, какъ люди вполнѣ благонадежные, въ родѣ ... ну, скажемъ для примѣра, учителя фехтовальнаго искусства Жозефа Ляраме. Вслѣдъ за „Демидовцами“, отрекся отъ масонства директоръ училищъ Ярославской губерніи Павелъ Абатуровъ, со всѣмъ служебнымъ персоналомъ Ярославской гимназіи.

Губернаторъ Безобразовъ, почему-то долго не получалъ отвѣтовъ по настоящему дѣлу отъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и городскихъ головъ. Послѣдніе, вѣроятно, и не подозрѣвали о существованіи какихъ-то масоновъ, тѣмъ не менѣе, и они должны были выразить письменно свое отреченіе. Равнымъ образомъ Безобразовъ настоялъ, чтобы „президенты Палатъ Гражданской и Уголовной, а также члены губернскаго Правленія и Приказа Общественнаго Призрѣнія, губернскій прокуроръ, судья Совѣстнаго Суда, инспекторъ Врачебной Управы, полицеймейстеры и городничіе, губернскіе почтмейстеръ и землемѣръ и правящій должность оберъ-форшмейстера благоволили его увѣдомить отношеніями, сообразно Высочайшему повелѣнію, не находятся-ли въ вѣдомствѣ сихъ мѣстъ и лицъ таковые люди,

---

[1]) Въ архивномъ дѣлѣ этой формы не сохранилось. *Л. Т.*

[2]) Предписаніе отъ 5-го Августа 1822 г., за № 520.

[3]) См. статью К. Д. Головщикова, въ „Яросл. Губ. Вѣдом.“ 1869 г. (подъ моею редакціею): Черты жизни и дѣятельности Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища и потомъ лицея, съ краткою біографіею П. Г. Демидова“.

кои принадлежать къ масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ, и въ семъ случаѣ тоже отобрать отъ нихъ подписки въ отреченіи. Таковоеже распоряженіе было учинено въ отношеніи всѣхъ Уѣздныхъ Земскихъ и Сиротскихъ Судовъ, Городовыхъ Магистратовъ и Городскихъ Думъ. Затѣмъ всѣ полицейскія власти, до квартальныхъ надзирателей включительно, обязаны были „дѣятельное наблюденіе имѣть, чтобъ отнюдь масонскихъ ложъ и никакихъ тайныхъ обществъ не могло ни подъ какимъ предлогомъ возникать". Конечно, здѣсь рѣчь шла о надзорѣ въ городахъ за „обыкновенными обывателями", или, иначе сказать, за разночинцами. Что-же касается дворянства, то наблюденіе за состояніемъ умовъ и вообще за политической его благонадежности Ярославскій губернаторъ возложилъ исключительно на дворянскихъ предводителей: каждому изъ нихъ „вмѣнено было въ особенную обязанность объявить всѣмъ г.г. дворянамъ, обрѣтающимся въ губерніи, о семъ Высочайшимъ повелѣніи и также имѣть неусыпное бдительное наблюденіе за несоставленіемъ подобныхъ обществъ, съ тѣмъ, буде таковыя, паче чаянія, въ губерніи учреждаться будутъ, то доносить губернатору неукоснительно".

Любопытенъ взглядъ самого А. М. Безобразова на масонство въ донесеніи его графу В. П. Кочубею:

„Высокопочтеннѣйше донося о сихъ распоряженіяхъ вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что такъ-какъ я никогда ни къ какимъ масонскимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ не принадлежалъ и не принадлежу, то и помянутая подписка до меня отношенія не имѣетъ; а, какъ отецъ многочисленнаго семейства, съ благоговѣніемъ принесъ я благодареніе Всещедрому Богу за то, что благодѣтельное попеченіе всемилостивѣйшаго Государя Императора нынѣ учиненнымъ распоряженіемъ оградило родителей отъ опасенія видѣть когда-либо въ дѣтяхъ своихъ начала заблужденій, порождавшихъ прямую скорбь въ сердцахъ благомыслящихъ подданныхъ, вѣрностію Государю и отечеству преисполненныхъ".

Л. Н. Трефолевъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Жбанъ квасу вытянулъ спросонокъ,
Всю ночь севрюжина жгла грудь,
Какъ жерновъ давитъ поросенокъ
И растегай не дастъ вздохнуть;
Отъ Ланинскаго редереру
Трещитъ и пухнетъ голова....
И чертъ велѣлъ мнѣ пить мадеру!
Да! угостился черезъ мѣру!!!
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

Смотрѣлъ царь-колоколъ, царь-пушку,
Дивился Русской старинѣ;
Попалъ у Иверской въ ловушку:
Мазурикъ жульнулъ портмоне.
То пыль, то грязь на диво свѣту,
Въ тяжелой думѣ голова;
Напрасно сталъ бы дѣлать смѣту
Очистить городъ отъ пудрету.
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

....Купилъ штофъ водки у Попова,
Взялъ у Филиппова калачъ.
Ходилъ на биржу, тамъ армяне
Съ жидами взяли всѣ права;
А православные граждане
Храпятъ съ мильонами въ карманѣ
Что дѣлать?—Матушка Москва!

*

Глушенъ былъ Тѣстовскимъ органомъ,
Смотрѣлъ блаженнаго дьячка,
Поѣхалъ ночью въ паркъ къ Цыганамъ,

Намялъ дорогою бока
Тузовъ-купчинъ засталъ въ туманѣ,
Плетутъ несвязныя слова;
Пилъ съ ними, куры строилъ Танѣ,
Да и свалился на диванѣ.
Что дѣлать? Матушка Москва!

*

Мнѣ снилось зарево пожара:
Въ Кремлѣ Французъ, гудитъ набатъ.
Народъ возсталъ, какъ Божья кара,
И дрогнулъ дерзкій супостатъ.
Спаливши крылія орлины,
Онъ сгибъ, какъ въ стужу мурава,
И палъ на снѣжныя долины.
Чтожъ? По гостямъ и проводины!
Что дѣлать? Матушка Москва!

П. Шумахеръ.

ПО ПОВОДУ ОТЗЫВОВЪ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ С. М. СОЛОВЬЕВА И Г. БОБОРЫКИНА.

Мы уже указывали («Русскій Архивъ» 1896 I, 578), что обнародованіе записокъ С. М. Соловьева (въ томъ видѣ, какъ онѣ печатаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), бросаетъ нѣкоторую тѣнь на него самого, такъ какъ слишкомъ рѣзкія отзывы о цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ лицъ, не раздѣлявшихъ его убѣжденій, невольно внушаютъ сильное сомнѣніе въ безпристрастіи знаменитаго историка. Дальнѣйшее печатаніе «Записокъ» еще болѣе поддерживало это сомнѣніе. Онъ въ своей характеристикѣ А. С. Хомякова (*Апрѣль* Рус. Вѣстн. 1896 г.) укоряетъ его въ измышленіи фактовъ и цитированіи писателей, никогда не существовавшихъ.

Г. Боборыкинъ, писатель извѣстный своимъ умѣньемъ почти фотографически воспроизводить дѣйствительность, въ романѣ «Княгиня» (*Январь* Вѣстн. Евр. 1896) мимоходомъ бросаетъ въ Хомякова тоже обвиненіе.

Такъ какъ Сергѣй Михаиловичъ въ «Запискахъ» изображаетъ свои личныя впечатлѣнія, то правильность этого обвиненія лежитъ на его совѣсти, но г. Боборыкинъ, никогда лично, сколько намъ извѣстно, Хомякова не знавшій, вѣроятно основывается на чемъ нибудь общеизвѣстномъ.

Живо интересуясь всѣмъ, къ А. С. Хомякову относящимся, мы просимъ лицъ лучше насъ освѣдомленныхъ или г. Боборыкина, который, надо полагать, знаетъ, что говоритъ, указать намъ, на чемъ *положительномъ* основаны подобныя утвержденія.

Разъясненіе этого вопроса важно во всякомъ случаѣ: оно или прибавитъ новую любопытную черту къ характеристикѣ человѣка въ высокой степени замѣчательнаго, или устранитъ возможность повторять эти обвиненія тѣмъ болѣе нежелательныя, что они въ данномъ случаѣ распространяются даже путемъ беллетристики и такимъ образомъ усвоиваются широкимъ кругомъ лицъ, для которыхъ истинный нравственный обликъ незабвеннаго Алексѣя Степановича можетъ быть совершенно неизвѣстенъ.

Юрій Бартеневъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. М. А. Дьяконова. „Ж. М. Н. Пр.“ Апрѣль.

Лишь въ памятникахъ XVI вѣка начинаетъ попадаться терминъ бобыль. Объясненіе Бѣляева, что бобылемъ назывался землевладѣлецъ сидящій на половинномъ тяглѣ, принятое большинствомъ изслѣдователей признается авторомъ совершенно недостаточнымъ и основаннымъ лишь на указахъ 1630—1631 годовъ.

Бобыль прежде всего человѣкъ, „отбывшій пашни“ или въ силу бѣдности покинувшій земледѣліе или не имѣвшій возможности нигдѣ „порядиться въ крестьяне“. Въ силу этого бобыли набирались лишь въ пѣшую рать и платили только оброкъ (не несли тягла).

Экономическое приниженное положеніе бобылей выразилось въ названіи ихъ *невзгодниками*, перешедшимъ въ офиціальный языкъ грамотъ. Но былъ и болѣе приниженный типъ—бобыли безъ собственной осѣдлости—*безмѣстные, бродящіе* или *походячіе*. Бывали случаи повышенія бобыля, переходя въ разрядъ пашенныхъ и тяглыхъ людей, но типичною формою авторъ признаетъ бобыля непашеннаго, имѣющаго собственную усадебную осѣдлость.

Смутное время уменшило почти на половину число тяглецовъ и заставило правительство привлечь къ тяглу и бобыльское населеніе, что и послужило основаніемъ къ возникновенію новой окладной единицы—*живущей четверти*.

Эта мѣра произведшая глубокую перемѣну въ юридическомъ положеніи бобылей, не вызвала большихъ перемѣнъ въ ихъ фактическомъ положеніи. Окончательное уравненіе ихъ съ крестьянами въ размѣрахъ тяглаго оклада было произведено указами 1649 и 1679 годовъ о введеніи подворной подати.

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Проф. А. С. Алексѣева. „Русское Обозрѣніе“. Апрѣль (окончаніе).

Всѣ доводы г. Филиппова о стремленіяхъ тайнаго совѣта ограничить вліяніе Сената и Сунода авторъ признаетъ неосновательными; тщательный разборъ законодательныхъ актовъ ярко освѣщаетъ значеніе совѣта какъ учрежденія совѣщательнаго.

Разсмотрѣніе состава членовъ совѣта опять по мнѣнію автора опровергаетъ воззрѣнія тѣхъ историковъ, которые видятъ въ немъ учрежденіе,

явившееся уступкой боярской партіи; партія эта никакой роли въ возникновеніи совѣта не играла. Стремленія къ самостоятельности проявляли лишь герцогъ Голштинскій да Меншиковъ, которые вовсе не были носителями какихъ либо политическихъ идеаловъ. По свидѣтельству иностранныхъ дипломатовъ Совѣтъ заслуживалъ упрека въ слабости своей противодѣйствовать личнымъ вліяніямъ и случайнымъ рѣшеніямъ.

Исторія расположенія Западно-Русскаго костела. А. П. Владимирова. „Русское Обозрѣніе".

Введеніе Русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и проповѣдь въ костелахъ Западной Россіи есть только *возвращеніе* къ тому, что дѣлалось въ этомъ краѣ въ минувшіе вѣка. Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ краснорѣчивыя данныя о всеобщемъ господствѣ Русскаго языка въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Жмудскій каноникъ Стрыйковскій въ концѣ XVII вѣка написавшій литовскую лѣтопись собралъ до тысячи Русскихъ мѣстныхъ лѣтописей. По Литовскому статуту земскій писарь всѣ бумаги обязанъ писать по-Русски. Въ Виленскихъ училищахъ лишь съ 1526 года началось преподаваніе Польскаго языка. Широко пользовалось Русскимъ языкомъ и католическое духовенство. Особую ревность по искорененію Русскаго языка показали іезуитами: Русскія книги были истребляемы безпощадно, сожигались на площадяхъ. У нѣкоторыхъ Поляковъ это стремленіе принимало характеръ маніи. Авторъ разсказываетъ, что во время своихъ занятій въ Виленской публичной библіотекѣ онъ находилъ множество Латинскихъ и Польскихъ книгъ XVII и XVIII вѣка, обернутыхъ въ пергаментъ исписанный кириллицей. Были Поляки которые на истребленіе Русскихъ книгъ употребляли свои огромные доходы. Статья еще не окончена.

П. А. Чаадаевъ. А. И. Кирпичникова. „Русская Мысль". Апрѣль.

Авторъ поминальной замѣтки (14 Апрѣля исполнилось 40 лѣтъ со смерти Чаадаева) воспользовался документами хранящимися въ Румянцевскомъ музеѣ. Нѣкоторые изъ нихъ важны для біографіи Чаадаева. Изъ указа объ отставкѣ можно заключаться, что немилости государя въ Троппау не было (хотя тоже видно изъ бумагъ напечатанныхъ у насъ въ 1875 г.). Болѣе важно извлеченіе изъ мнѣнія цензурнаго комитета отъ 1833 года; изъ него явствуетъ, что Чаадаевъ въ 1832 хотѣлъ издать свои письма *по-русски*. Любопытно, но мало значительно завѣщаніе. Интересны указанія на то, что Чаадаева отожествляли съ Чацкимъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Л. Ф. Змѣевъ. Чтеніе по врачебной исторіи Россіи. Спб. 1896 8-ка 250 стр. цѣна 3 р.

Его же Русскіе врачебники. Спб. 1896. 8-ка 274 стр. цѣна 2 р. 40 к.

Выписывающіе прямо отъ автора: С.-Петербургъ, Пушкинская д. № 11 кв. № 59, пользуются 15% уступки или даровою пересылкой.

Празднованіе 800-лѣтія (1095—1895) г. Рязани. Рязань 1896. 8-ка. 126+II стр. съ 4-мя рисунками.

Цареградская патріархія и православіе въ Европейской Турціи. Соч. **Костадина**, переводъ съ Сербскаго и предисловіе Д. Никольскаго. Спб. 1896. Мал. 8-ка. 59+4 нен.

Исторія Ревельскаго Преображенскаго собора. Историко-статистическое описаніе. Сост. свящ. **К. Тизикъ**. Ревель. 1896. 16-я 232 стр. цѣна 1 р.

Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по средней Азіи. Подъ ред. **Е. Т. Смирнова** изданіе «Средне-Азіатскаго Вѣстника». Ташкентъ. 1896. 8-ка 212.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. **Николая Барсукова.** Спб. 1896. 8-ка XV+583. Цѣна 2 р. 50 к.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ, томъ первый **Н. М. Павлова**. М. 1896. 8-ка VIII+405. Цѣна 1 р. 50 к. (складъ въ магазинахъ «Новаго Времени»).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ), ч. вторая. Изданіе коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. бол. 8-ка VIII+272.

Памятная книжка окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1811—1896, составилъ И. А. Скроботовъ. Спб. 1896. мал. 8-ка XXXVIII+328.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступилъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ, какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.